Эпитеты
из поэзии иеромонаха
Романа (Матюшина)

Иеромонах Роман (Матюшин-Правдин) – поэт, автор и исполнитель духовных песнопений. Более двадцати лет отец Роман живёт в скиту Ветро́во среди псковских болот, но имя его знакомо всему православному миру. В России издано больше двадцати поэтических сборников иеромонаха Романа и свыше десяти музыкальных альбомов, его стихи переведены на английский, белорусский, болгарский, польский, сербский и украинский языки.

Отец Роман награждён золотой медалью имени А. С. Пушкина «За выдающийся вклад в литературу», Всероссийской православной литературной премией имени Св. благоверного князя Александра Невского «За вклад в русскую поэзию» и светской православной поэтической премией «Богородица Троеручица», учреждённой фондом «Иванка Милошевич» из Чикаго.

А. П. Бесперстых

Эпитеты из поэзии иеромонаха Романа (Матюшина)

Словарь

Санкт-Петербург 2019

УДК 81´374.3
ББК 81.2Рус-4
Б53

Бесперстых, А. П.
Эпитеты из поэзии иеромонаха Романа : словарь. – СПб., 2019. – 279 с.

ISBN 978-5-907223-29-5

Б53 Словарь эпитетов в поэзии иеромонаха Романа (Матюшина-Правдина) систематизирует и иллюстрирует цитатами эпитеты, выраженные именами прилагательными, причастиями, определительными наречиями на -о, -е и именами существительными (приложениями). Эпитеты в Словаре рассматриваются в двух аспектах: литературоведческом и лингвистическом; к эпитетам относятся как образные определения (тропы), так и логические определения.

Большинство цитат дано в развёрнутом виде, что позволит читателю по достоинству оценить красоту, лаконичность, афористичность, образность и мудрость великого русского языка в великолепной поэзии иеромонаха Романа.

Словарь предназначен как почитателям таланта отца Романа, так и всем любителям образного Русского Слова.

В книгу также включен ряд статей о творчестве иеромонаха Романа.

УДК 81´374.3
ББК 81.2Рус-4

ISBN 978-5-907223-29-5

© А. П. Бесперстых, словарь, 2019
© Авторы текстов, 2019
© Международный институт резервных возможностей человека, 2019

Иеромонах Роман

МИР ВАМ!

Выступление в Союзе писателей Сербии

Хочу оговориться заранее – мне приходится впервые выступать пред таким большим собранием. В своём уединении я отвык от людей и, если бы не бойня в Сербии, вряд ли бы находился здесь. К сожалению, частые поездки, посещения сербских монастырей, беседы с монахами, мірянами, беженцами, воинами, ежедневное ведение дневника мало способствовали работе над текстом выступления. Я почти не был один, записывал урывками, и только вчера, на Видовдан*, в монастыре Раваница, мне удалось записанное соединить воедино.

У поля Косова

Я гляжу на великий погост,
Исполняюсь звучаньем особым.
Здравствуй, Косово! Я твой гость.
Отчего же прискорбны оба?

* Видовдан – Видов день (день св. Вита), главный национальный праздник Сербии. – *Ред.*

Этой встречи так долго ждал!
Но прости, собирался не споро.
И на столько веков опоздал,
Что не умер в блаженных просторах.

Чудо-Косово. Райская цветь.
Что сказать мне в своё оправданье?
Жаждал песню заздравную спеть,
Да душа в погребальном рыданьи!

Но напрасно злорадствует враг,
Отымая и горы, и долы.
Сердце Сербии, сербский стяг!
Ты уже у Христова престола!

Косово. Трагедия это или торжество Сербии? Уничижение или слава? К этому мы еще вернемся. «Нет ничего хуже, чем судить и измерять дела Божественные соображениями человеческими». Есть мірская слава и Слава Божия. Слава міра сего с этим міром и заканчивается. Путь к Божией Славе — Путь Крестный, путь страдания. И здесь я хотел бы перейти к этому великому Божьему дару.

Страдания — дрожжи души человеческой. Человек растет тогда, когда страдает. Личность без страдания – проамериканский, антихристианский тип. Отвергая страдания, человек отвергает свои высоты, обрекает себя на развитие вширь или на направление вниз, на дно адово. Комфорт способствует деградации человечества. Был бы Достоевский тем Достоевским, которого мы знаем ныне, если бы не пережил каторгу? Были бы без страдания старцы? Апостолы? Всех му-

чили, все, кроме Иоанна Богослова, скончались мученической кончиной. А страдания Матери Божией, на глазах Которой Распинали Её Сына? Нам ли не нужно страдание? Но самому восходить на эту высоту — признак дерзости.

А что не по плечу – не понести.
Не призывай напрасно воздаянья:
Лишь только до единого простив,
Достойны мы высокого страданья.

Закон об Искуплении не нов,
Как жажда оправдания извечен.
Страдание – отличие сынов,
Блажен, кто этой метою отмечен.

И наша жизнь не стоит ни гроша,
Коль нету кровоточин в жизни нашей.
Чем тоньше, благороднее душа,
Тем большую она приемлет Чашу.

Не отврати от Милости лица,
Не отвергайся Божьего с досадой.
Страдание всегда о двух концах:
Доводит до Престола или ада.

Нежданно подношение её,
Не торопи, не прилагай стараний:
На тело неомытое своё
Не возлагай священных одеяний.

Мы забываем о том, что земная жизнь – больница, где исцелевает тот, кто верит своему Врачу и благо-

дарит за лекарство. Горько лекарство, но сладким не лечат. Мы больны, все больны – кроме редких Старцев, нет ни единого здравого, несмотря на наше образование, звания, положение в обществе. Причём болезнь наша особенного свойства: она способна заражать (и заражает) прикасающихся к нам. И хорошо бы об этом помнить людям творческим. Хочу подчеркнуть: обращаюсь не к тем, кто служит искусству. Часто творчество подменяют этим словом, и наоборот.

Искусство. Творчество. Два брата-близнеца?
Да не прельстит вас пагубное сходство.
Один во власти падшего уродства,
Другой внимает Красоте Творца.

Двум господам служить никак нельзя.
Искусство тешит ветхое творенье,
А творчество взывает к обновленью.
Искусство – идол, творчество – стезя.

Куда стезя? Отнюдь не на Олимп
Служенье музам смертоносно многим,
А творчество смиренное о Боге
Явит Адама первозданный лик.

Мы проводим то, к чему стремимся сами. И многим моё слово может показаться неудобоносимым. Мы даем только то, что имеем. Что же мы имеем? Совершенную любовь к Богу и ближним? Целомудренное сердце, пьющее из Источника Божественной чистоты? Исполнение Богоданных заповедей? Давайте мужественно предадимся самосуду. Не сейчас, так в Вечно-

сти нам придётся встретиться с собой. Не первые ли мы нарушители Божественных заповедей? Не иссыхают ли наши души без мутных вод, которые обильно и повсюду предлагает погибающий мір живущим? О мутные воды падшего человечества! Многие без вас и не представляют своей жизни. О какой совершенной любви к Богу может идти речь, когда многие, именующие себя христианами, даже Креста нательного не носят!

«На нем Креста нет!» – говорили на Руси, и это был самый страшный отзыв о человеке. Будем помнить, что, добровольно отвергая страдание Христово, мы отвергаем Свет и Любовь Христову. Но отрицая Свет, что мы можем дать, кроме мрака души своей? Отвергая Любовь Христову, что можем предложить, кроме торжества похоти? И вот этим мраком и похотью мы наполняем поэзию, прозу. Мы искажаем, а не отражаем. И при этом гордо величаем литературу школой жизни.

Но давайте посмотрим, хороша ли эта школа? Русь Святую (Росію, Украину, Беларусь) можно назвать страной лагерей, тюрем. Человеческая жизнь обезценилась. Убивают по любому поводу. Да и удивительно ли это, если ребенка с колыбели окружают убийцы: отец, подталкивающий к убийству, убийца-бабушка, убийца-мать? Я говорю о самом страшном, самом подлом виде убийства, когда невозможно ни убежать, ни спрятаться. Я говорю об абортах. В Росіи ежегодно – десять миллионов убиенных во чреве. Вдумайтесь. Каждые два года – Вторая міровая война. И мы еще смеем клеймить фашизм! Мы хуже фашистов, ибо благоволим убийству тех, кто в знак протеста не может ни закричать, ни заплакать.

А Ироду спасения не чаять:
За злодеянье милостей не ждут.
Младенцы, умерщвлённые мечами,
Доныне у Престола вопиют.

Их много тысяч! Страшное счисленье!
История свершённое хранит.
Которое по счету поколенье
Царя жестокосердого клеймит?

О нём ли речь! Что нового на свете!
Поистине, Терпенье без границ.
О матери! Прости меня, Содетель,
Что называю так детоубийц!

И всё-таки! О матери! Доколе!
Я заклинаю! Ради всех святых!
Не убивайте жмущихся от боли
Незрячих, безголосых, но живых!

Не умножайте горя над страною!
Не слушайте губительных речей!
Но лекари недаром белизною
Задернули обличье палачей.

О Родина! Ты словно в исступленьи
Себя решила извести совсем.
Какого мы хотим благословенья?
На каждый день – кровавый Вифлеем!

Кровавит мiр! Кровь всё-таки водица!
По всей земле великий недород!
О Пресвятая Дево! Как молиться?
Стал иродом-народом мой народ!

Но жив Господь! Любое преступленье
Несёт с собою высший приговор:
Родившиеся станут отомщеньем
За убиенных братьев и сестёр!

Страшно! А ведь все читали Пушкина, Толстого, Достоевского. И тем не менее народ-Богоносец стал народом-Иродом. Видите, как трагична замена Евангелия литературой? Вместо того, чтобы в реальной жизни реально искоренять грех в своих душах, люди бросились в выдуманные міры, где восхищались жизнью и смертью любимых героев, равнодушно взирали на гибель второстепенных действующих лиц и радовались смерти негодяев. И так мы постепенно привыкали к смерти. Но, привыкая к чужой смерти, мы обезценивали собственную жизнь. И ныне человеческая жизнь дешевле денег, одежды, комфорта, квадратных метров жилой площади.

Земля уже не выносит деяний венца творенья – человека. Она содрогается землетрясениями, волнуется ураганами, пытается омыть себя наводнениями. Настало время Апокалипсиса. Земля двинулась навстречу Солнцу. По подсчетам астрономов, расстояние сократилось на 2,6 миллиона километров. Ожидаются еще бóльшие ураганы, землетрясения и наводнения. В любой миг цивилизация может погибнуть. И вместо того, чтобы призывать к покаянию, литература и теперь уводит пленённых собой от действительности, предлагая свои измышления о смысле жизни, истине, счастьи. Но извечные темы не разрешить без Вечности.

Только одна тема счастья породила горы макулатуры. Каждый счастлив по-своему. Один считает за счастье отдать жизнь свою за Родину, другой счастлив продать Родину. Один счастлив посеять и собрать хлеб, другой счастлив сжечь или украсть этот хлеб. По-своему счастливы маньяки-убийцы, насильники. Счастливы и сумасшедшие, когда исполняются их безумные хотения. Но если говорить о нормальных людях, то и их счастье имеет грустную изнанку – оно всегда за счет чужого несчастья. Кто-то счастлив во втором браке. Понятно, что этому предшествовала трагедия первого. Примеров — несчётное множество, и не только из семейной жизни. Так было, так будет. Ибо на земле нехватка необходимого сопутствует человеческой жизни. Даже если кто-то приобретает, то ненадолго. Приобретает, чтобы потерять. Вечной душе не насытиться временным. И люди в сокровенных своих глубинах чувствуют это и всё-таки – не могут не грезить о счастьи.

Доколь искать пленительное счастье?
Что даст оно страдающей душе?
Разменивая целое на части,
Мы и в духовном плачем о гроше.

О причитанья, полные лукавства, –
О славе, чести, о богатых днях.
Имеешь Бога? Бог твоё богатство.
Ужель и с Ним ты все-таки бедняк?

Не удостоился учёных званий?
И вообще не знаешь ничего?

Ты знаешь Бога! Выше всяких знаний
Немеркнущая истина Его.

И если уж достиг подножий Царских,
Забудь о рабстве, помяни родство.
Не мелочись, выпрашивая цацки,
Не оскорбляй величие Его.

О Милосердный! Припадая долу,
Готов поклясться волею своей, –
Всё отыми, пусти по свету голым,
Но только будь Одеждою моей.

Есть только Ты, всё прочее излишне.
И жизнь, и смерть проходят суетой.
Возьми, что есть, и сродников, и ближних, –
Я при Тебе не стану сиротой!

Нужны ль дары скорбящему о большем?
Твоим дарам Тебя не заменить.
Подай просящим, Милостивый Боже,
А мне с Тобою непреложно быть.

Только в Боге и Истина, и Блаженство, и Смысл. Обретший Бога обрел всё. Потерявший Бога – потерял всё. Не имеющий Бога – ничего не имеет. Остановитесь, мятущиеся: только в Боге покой, ибо Он Вечен, Непреходящ, Неистощим, Его хватает на всех и вся. Это больше, чем счастье – быть с Богом. Это Блаженство. Но человек привык ходить в сладостном ослеплении! И когда страдания избавляют его от этого ослепления, он остается один со своими неправдами пред Богом. И тогда любая милость Божия становится

для него наказанием, ибо просыпается совесть. Он пытается уклониться от всякого утешения, понимая, что достоин только наказания. Он молит о горьком, он живёт смиренным чаянием – плакать на этой земле.

Я не ходил по жизни недотрогой,
Хоть изнывал под ношею Креста.
Я видел смерть – благодаренье Богу,
Омылся кровью – тоже не роптал.

Я понимал, за что мне наказанье,
И, не вступая с Судиёю в суд,
Как воду, пил болезни, оплеванья…
Но милостей Твоих я не несу.

Царю́ Небесный! Всяк Тобой живится!
Не премолчи, душа моя слепа.
Не стою я и малыя крупицы,
Что так смиряешь Своего раба?

Не утешай, Единственная Радость.
Познав Тебя, о чём ещё жалеть?
Молю о горьком. Отыми усладу.
Оставь мне плакать на моей земле.

Здесь, в этом плаче – глубина человеческая, высота человеческого духа, ожившего для Вечности грешника. Человек прозрел — и прозрел благодаря страданиям, которые смиренно испила душа его. Отныне он ведает над собою Десницу Бога Живаго и потому уже не страшится ни голода, ни гонения, ни смерти. И на все кары XX века он взирает духовными очами, веруя, что сию чашу нужно было испить и ему, и его Отечеству.

Двадцатый век почти на издыханьи.
Без двух минут – и он уже в пути.
Ну что ж, прощай. Тебя бы не стихами –
Вселенской панихидой провести.

Ты был жесток, нещаден на расправу, –
Ещё бы – силы ада поднялись! –
И, называя правое неправым,
Водил низы на голубую Высь.

Нас страшно покорёжило в те годы,
Да и поныне на виду рубцы.
Но многие от нашего же рода
Сплели себе нетленные венцы.

А где венцы – там, значит, и победа!
Повержен ад – и смерть, как тать, бежит!
И Русь моя, исполненная Света,
Пред Божиим Престолом предстоит.

И как бы мир ни собирал каменья,
Ни призывал идти в последний бой,
Русь устоит и в будущих сраженьях,
Встречая верных в Выси голубой.

В этой Выси Голубой пред Престолом Божиим предстоят все, кто пал на Поле Косовом. Поле Косово — Славный Жертвенник Сербии. Свидетельствую: если даже не будет Росіи, Сербии как государственных, территориальных образований (к этому идет), Русь Святая, Сербия Святая уже спаслись. Дело за нами. Наша главная цель — соединиться с торжествующей Русью и Сербией, влиться в светоносные сонмы

святителей, преподобных, мучеников, исповедников хранением, даже до смерти, Святого Православия.

Да будет сие со всеми вами! Да живет Сербия в Боге!

Аминь! Аминь! Аминь!

29 июня 1999 г., Белград

Эпитеты
из поэзии иеромонаха
Романа (Матюшина)

Словарь

От составителя

Родная речь – Отечеству основа.
Не замути Божественный родник,
Храни себя: душа рождает слово –
Великий святорускій наш язык.
Иеромонах Роман

Имя выдающегося русского поэта иеромонаха Романа (Матюшина-Правдина), который, без всякого сомнения, будет признан нашими потомками как классик русской духовной поэзии, хорошо знакомо не только любителям поэзии, но и миллионам русских людей. «Его стихи, – отмечает исследователь творчества поэта Александр Корольков, – это голос глубинной памяти и высочайшей любви к России, голос исповедальной молитвы и вдохновенной проповеди».

При составлении словаря мы рассматривали эпитет в широком смысле, в двух аспектах: литературоведческом и лингвистическом, относя к эпитетам как образные определения (тропы), так и логические определения. В роли эпитетов в нашем Словаре, кроме имён прилагательных, выступают также причастия, определительные наречия на -о, -е и существительные-приложения.

Каждое значение эпитета (логического определения) иллюстрируется цитатами из поэтических про-

изведений отца Романа. Однако по техническим причинам (в целях сокращения объёма Словаря) введены некоторые ограничения лексического и цитатного материала. Как правило, в одной словарной статье цитаты не повторяются. Не включены прилагательные, не содержащие качественных характеристик (***нужен***, ***должен***, ***целый*** и т. п). Эпитеты, являющиеся логическими определениями, даются выборочно.

В Словаре, в зависимости от употребления в тексте, указывается краткая форма прилагательного. Отмечаются как обособленные полные формы эпитетов-прилагательных, так и полные прилагательные, выполняющие предикативную функцию, а также эпитеты-сравнения.

Необходимо отметить, что о. Роман в своих текстах придерживается написания некоторых слов, принятого до реформы русской орфографии 1918 г. Это *мiр*, *Росiя* и *рускiй* (с буквой *і* «десятеричной»); слова с приставкой *без-* (*безсловесный*, *безпощадно* и др.); слова на *-ье* в предложном падеже (*в мерцаньи*, *в повиновеньи* и др.)

Большинство цитат дано в развёрнутом виде, что позволит читателю по достоинству оценить красоту, лаконичность, афористичность, образность и мудрость великого русского языка в великолепной поэзии иеромонаха Романа.

При написании Словаря использовалась личная многотысячная картотека литературных цитат из собрания составителя, а также материалы православных сайтов «Ветрово» (http://vetrovo.ru/) и «Песни русского воскресения» (http://pesni.voskres.ru/poetry/proma.htm).

Условные обозначения

[ ] – пояснительные слова, извлечённые из контекста
<…> – сокращение внутри цитаты
○ – краткая форма прилагательного
Δ – полная форма прилагательного в предикативной функции; наречный предикатив
□ – обособленная полная форма прилагательного
❖ – наречие на –о (–е)
◘ – редкий, индивидуально-авторский эпитет
● – прилагательное и наречие в сравнительной степени
◙ – эпитет-приложение

А

АНГЕЛЬСКИЙ

Собор. Какие нынче облака Собою синь засеребрили! И хоть не слышно ветерка, Плывут светящиеся крылья. А если крылья… Нет, не вздор, Высокое всегда врачует! Как будто А н г е л ь с к и й Собор С луной в полуночи кочует (*Чудо-облака*).

АРХИЕРЕЙСКИЙ, –ая

Молва. Листвой, одеждой застилают Дорогу в Иерусалим! Шумят, бегут, провозглашают… День ликованья! А за ним – Демократичный суд Пилата, А р х и е р е й с к а я молва, Правозащитные солдаты И терноносная Глава! (*Вход Господень в Иерусалим*).

АФОНСКИЙ

Инок. Оставив дом, родных, своё наследство, Покинув мір в благословенный час, А ф о н с к и й инок по веленью сердца Сложил молитву, плача по ночам. «Скоро я умру, И окаянная душа моя Снидет в тесный мрачный ад. И там буду один я

томиться И плакать о Господе. – Где Ты, где Ты, Свет души моей? Почто оставил меня, Я не могу жить без Тебя» («*Оставив дом, родных, своё наследство...*»).

Б

БАГРОВЫЙ

Круг. Луна в б а г р о в о м круге. Не пойму. На небесах подобие сиянья. К морозу, что ли? Видно по всему. А соловьи? Распелись – ноль вниманья. А вдруг зима? – Поют себе в кустах. А ну завьюжит? – Пуще рассвистались! Душе́ моя, гляди на этих птах: Как просто жить, на Бога полагаясь! («*Луна в багровом круге…*»).

БЕЗВЕРНЫЙ, –ая

Тревога. Гудят шмели. Мой край подобен Раю, Где не живёт б е з в е р н а я тревога. Вдыхаю райский дух и выдыхаю: Прекрасна старость, славящая Бога! (*У старой яблони*).

БЕЗГРЕШНЫЙ

Спящий. ○ ***Безгрешен.*** Совсем не падает лежащий И вообще б е з г р е ш е н спящий. Остановись, пророче лгущий! Одна есть Правда – Правда свыше... (*Сомненье – чадо маловерья…*»).

БЕЗДОМНЫЙ, –ая

Собака. Не мешайте мне сегодня плакать. Прочь,

друзья. (Прошу меня простить: Может же б е з д о м н а я собака Хоть однажды норов проявить.) («*Не мешайте мне сегодня плакать…*»).

БЕЗДОННЫЙ

Купол. Святая ночь! Блаженство и покой! Стою один под куполом б е з д о н н ы м. И Млечный Путь надмірною рекой Несёт себя к туманам отдалённым («*Святая ночь! Блаженство и покой!..*»).

❖ **БЕЗЖАЛОСТНО**

Палить. И будет огнь б е з ж а л о с т н о палить Запечатленных смертною печатью (*Глаголы вещие*).

❖ **БЕЗЗАБОТНО**

Лопочет. …Б е з з а б о т н о кленёнок лопочет Языком предпоследним своим («*Красотой октября запорошен...*»).

Пасётся. Земля полна благодарений! Себя сомненьями не рань, Коль за окном, в кустах сирени, Пасётся б е з з а б о т н о лань (*Лань*).

БЕЗЗАЩИТНЫЙ, –ая

Ты. ○ ***Беззащитна.*** О лилия! Благословенна ты: Из всех цветов тебя возвысил Бог. <…> Ты б е з з а щ и т н а пред любой рукой, Доверясь, как дитя, руке любой! Я отплываю молча, не дыша, Веслом

волнуя зыбкие листы. Хвала Творцу! Жива моя душа, Пока ещё взыскует чистоты («*Земное воплощенье чистоты...*»).

БЕЗЗВУЧНЫЙ

Крик. Как жуток ты, беззвучный крик! Ужель и он простится?.. И жмутся к матери внутри, Не зная: мать – убийца! («*Вели невинных убивать...*»).

БЕЗКОНЕЧНЫЙ

Жизнь. ○ ***Не безконечна.*** И знают – жизнь не безконечна, Но мнят от старости сбежать И рвутся к молодости вечной С одним желанием – прельщать («*И знают – жизнь не безконечна…*»).

БЕЗЛЮДНЫЙ

Скит. А звезда осиротелая Опечаленно глядит… Белой ночью розы белые Сторожат безлюдный скит (*Белые розы*).

❖ **БЕЗМЕРНО**

Прост. Обилие и полногласность звёзд. Мерцание, созвучное хваленью. И необъятен, и безмерно прост Подлунный мір в полночном просветленьи («*Луна и снег. И шорохи вдали…*»).

❖ **БЕЗМОЛВНО**

Говорит. Безмолвно роза говорит: Не всё

добро, что око просит. И запах мил, и нежен вид, Одна беда – не плодоносит (*Роза*).

Кровоточить. Хочу молчать, за всех и вся смиряясь, Вбирать в себя целительную боль. Не словоблудить, знаньем надмеваясь, – Кровоточи́ть безмолвно пред Тобой («*Хочу молчать, за всех и вся смиряясь...*»).

БЕЗМОЛВНЫЙ, –ая

Крик. Отчизне не бывать великой, Недолго простоит вселенная, Когда кричат безмолвным криком *Родителями* убиенные (*Право выбора*).

Пустыня. Ночь. Полнолунье. Божья благостыня. Душа вбирает неземной покой, Где светлая безмолвная пустыня Искрит над головой и под ногой («*А мне зима всё более по нраву...*»).

❖ **БЕЗНАДЁЖНО**

Обвисли. Язык мой косен. Спутаны напевы, Любое слово ложью отдаёт. Обвисли чётки безнадёжно в левой, Но сердце чует, знает Твой приход («*Хочу молчать, за всех и вся смиряясь...*»).

БЕЗОТВЕТНЫЙ

Родник. Жёлтое, красное – всё разноцветное, Золотом, золотом устланы рвы. Прямо в лицо роднику безответному Ветер повыбросил мелочь листвы («*Радость моя, наступает пора покаянная…*»).

❖ **БЕЗПОЩАДНО**

Порушу. Что во имя своё сотворил – б е з п о щ а д н о порушу И, восстав поутру, побреду, умаляя молву. Золотым омофором молитвы окутаю душу, Огнезрачным венцом покаянья украшу главу («*Что во имя своё сотворил – безпощадно порушу...*»).

БЕЗПРАВНЫЙ, –ые

Деревья. Затосковали деревья б е з п р а в н ы е, В ризах растерзанных гибели ждут. Лишь золотые Кресты православные, Радость моя, нас в бессмертье зовут («*Радость моя, наступает пора покаянная…*»).

❖ **БЕЗРАССУДНО**

Действовать. Δ Ледоход. Шумит, гудит Десна моя, Крыги льда несёт безумство вод. Ребятня, отчаянная самая, От восторга прыгает на лёд. Следом я. И понесло стремительно... Слава Богу, вытащил сосед. Так познал я: не всегда спасительно Б е з р а с с у д н о действовать, как все («*В отчем доме, старом и заброшенном…*»).

БЕЗРОДНЫЙ, –ые

Лизоблюды. И пускай лизоблюды безродные Распинателей Родины славили, И в неволе мы были свободнее, Потому как мы – не лукавили! («*Как мы жили? Себя похабили...*»).

❖ **БЕЗРОПОТНО**

Летят. Пора пожаров над травой зелёной,
Огни с ветвей безропотно летят. Здесь не бывает грусти просветлённой,
Здесь до единой все кровоточат (*Осиновая роща*).

БЕЗРОПОТНЫЙ, –ая

Мольба. Молю безропотной мольбой: Всели её в места прохлады,
Прими в Превечную Любовь, Оставь на мне её неправды («*Да претворится эта скорбь…*»).

❖ **БЕЗСЛОВЕСНО**

Поёт. А душа безсловесно поёт: Как не петь в богозданном краю? И калина калинку даёт,
Как последнюю лепту свою («*Ни забот, ни печали, ни дум…*»).

БЕЗСЛОВЕСНЫЙ, –ая, –ые

Зрители. Белые Церкви исполнены кротости,
Ими доднесь освящается свет. Радость моя, что кручинишься попусту? Белым Церквам нынче тысяча лет. Выжили Вы, безсловесные зрители, Бури прошли, расточились врази. Сколько всего за века перевидели Белые Церкви, осколки Руси? («*Радость моя, наступает пора покаянная…*»).

Тварь. Что страсти помрачают житие,
Наверно, насекомые не знают. И ястие, и сон, и питие,
Когда по естеству, – не повреждают. Тварь без-

словесная всегда права: Довольствуется данною основой, Не покидает рамок естества – Там соловей не замычит коровой («*Что страсти помрачают житие...*»).

БЕЗСМЕРТНЫЙ, –ая

Душа. Безсмертная [душа] не знала б слепоты, Когда б повязку страсти не надела. Когда бы не дела нечистоты, Любовь Святую присно б лицезрела («*А в Царстве Света чувства не нужны...*»). Не распрощаться с детством, не расстаться. Безсмертная душа, тебе ль стареть? Хочу дитём к сырой земле прижаться И в небеса глядеть, глядеть, глядеть! (*Из детства*).

БЕЗУДЕРЖНЫЙ, –ая

Корчь. Окропить бы Крещенской водой Одержимых безудержной корчью. Русь моя! Боль моя! Что с тобой? Кто навёл эту тяжкую порчу? («*Дорогие мои, это всё!..*»).

БЕЗУМНЫЙ, –ое

Кто. ○ ***Безумен.*** Всезнайства ослепляющие блики! Безумен, кто идёт по острию И льстит себе, цитируя великих, Их правду выдавая за свою («*Всезнайства ослепляющие блики!..*»).

Чело. Определенье выше всяких Истин? Оборотись, прельщённый, на сады. Цена садам – не бормотанье листьев, А дерева гнетущие плоды.

Но он не внемлет. Сам себе дивится: Опять в мечтах куда-то унесло. И жалкий луч, пронзающий темницу, Слепит его б е з у м н о е чело («*Надменный разум к Истине стремится…*»).

БЕЗЦЕННЫЙ, –ая

Душа. Кто погнался за счастьем, и только, Тот в начале пути захромал. И нисколько, поверьте, нисколько О б е з ц е н н о й душе не узнал («*Мы не любим и хаем ненастья...*»).

❖ **БЕЗШУМНО**

Застыл. Забыв о вёслах, погрузился в думы, Головушку руками обхватив. В дорожке лунной чёлн застыл б е з ш у м н о – Знать, не к кому и незачем грести («*И Млечный Путь, и кроткий полумесяц…*»).

БЕЛОКРЫЛЫЙ

Ангел. Кишинёв. Тюрьма. Одна из камер, Возле нар горюнится портрет: Дочка, убиенная руками Той, что родила её на свет. Девушка, как Ангел б е л о к р ы л ы й… (*Портрет*).

◘ **БЕЛООБРАЗНЫЙ, –ая**

Душа. Не сохранила Божье, не сумела. И страстию, и гордостью дыша, Поземленела ныне, почернела Моя б е л о о б р а́ з н а я душа. Потерянная драхма при дороге, Священное достоинство

в пыли... Душе́ моя, воспомяни о Боге, Слезя и плача, Спаса умоли («*Не сохранила Божье, не сумела...*»).

БЕЛОСНЕЖНЫЙ, –ые

Затон. Подымаю лицо и ладони, О душа, ни о чём не грусти! Утони в белоснежном затоне, Чтобы вынырнуть в Млечном Пути (*Снег идёт!*).

Розы. Белоснежные розы С белой ночью в родстве. Голубые стрекозы На зелёной траве! (*Лето красное!*).

БЕЛЫЙ, –ая, –ые

Грусть. И лес стоит величественно нем, И посыпает кочи белой грустью. Вбираю в грудь поэму из поэм И радуюсь, что вырос в Святорусьи (*Прогулка*).

Конь. И белый конь, и рыж, и вороной, Почуяв волю, понеслись на землю (*Глаголы вещие*).

Край. И снова говорю – прощай, Не простирая речи. Благословляю Белый Край И тех, кого не встречу («*Прощаюсь, не успев обрести…*»).

Ночь. А звезда осиротелая Опечаленно глядит… Белой ночью розы белые Сторожат безлюдный скит (*Белые розы*). Белоснежные розы С белой ночью в родстве. Голубые стрекозы На зелёной траве! (*Лето красное!*).

Одежды. Порою снятся Царские Чертоги, Плоды садов, цветов благоуханье, Одежды белые, Любовь Отца, Который ждёт и ныне возвращенья Своей заблудшей дочери. Аминь («*Прекрасен мір, зело-зело прекрасен!..*»).

Парусник. Не говори – любовь своё отпела, Была и нет, что поминать о ней? Любовь проходит парусником белым, Где ширь и глубь, ни мели, ни камней («*Не говори – любовь своё отпела...*»).

Розы. А звезда осиротелая Опечаленно глядит… Белой ночью розы белые Сторожат безлюдный скит (*Белые розы*).

Рубаха. Тихо иду В белой рубахе по полю. И журавли, Словно кресты колоколен. Ноги босые. За плечом сума. Люди косятся, Мол, сошёл с ума («*Сон мне приснился...*»).

Рубашка. Пробил мой час. Пора приспела. Пойду, забыв отца и мать, Своё нутро рубашкой белой В воде юродства полоскать («*Пробил мой час...*»).

Ручки. Матушка Добрынюшке наказывала, Государыня Добрынюшке наговаривала: – Ой ты, сын мой любезный, свет Дементьевич, Что повесил, кручинясь, буйну голову? Ты бы взял в свои ручки белые Гусли звонкие, сладкогласные. Стал бы петь да потряхивать кудрями, Да меня потешать, матерь старую («*Матушка Добрынюшке наказывала...*»).

Саван. Зачем дожди из лепестков? Не оставляй меня, Любовь! Не отымай своей руки: Душе как саван лепестки! Не отвратить разлуки час, Всё отымается от нас! И саван белый, что на мне, Напомнит Вам о той весне («*Не стану розы обрывать...*).

Свет. Нет меня. Забудьте обо мне. Умер я! Кому какое дело? Видно, вам пригрезилось во сне, Что я жил и пел на свете белом («*Затворюсь, закроюсь, замолчу*…»). ○ ***Бел.*** Белый свет! Так отчего ж ты бел? От висков, тобою убелённых? Или есть ещё мрачней удел – Мiр иной, геенной опалённый? (*Там же*).

Скатерть. Белой скатертью стол застелили, Понаставили яств и вино... Целый день веселились и пили, И никто не взглянул за окно («*Уже вечер, друзья, уже вечер...*»).

Храм. За родником – белый Храм, Кладбище старое. Этот забытый край Русь нам оставила (*Родник*).

Цвет. О лилия! Благословенна ты: Из всех цветов тебя возвысил Бог. Невинность, непорочность – всепокой. Мой белый цвет, склоняюсь над тобой («*Земное воплощенье чистоты...*»).

Церкви. Поглядел вокруг и на землю пал, И лежал, как труп, на сырой земле, Об одном просил, об одном молил: – Расступись земля, приюти меня! Видел я на Руси оскудение, Видел мерзость кругом запустения, Церкви белые осквернён-

ные, Басурманами разорённые («*Матушка Добрынюшке наказывала...*»). Белые Церкви плывут в безконечности, О кладенцы неземной чистоты! Непокорённые граждане вечности, Белые Церкви, святые Кресты («*Радость моя, наступает пора покаянная…*»).

БЕСОВСКИЙ, –ие

Капища. Сатана восстал на Святую Русь, Понаставил бесовские капища, Поклоняются люди идолам, Как один спешат на позорища («*Матушка Добрынюшке наказывала...*»).

Страсти. Ты дух от Духа, свет от паче Света, Дочь царская, пленённая по воле Ничтожными бесовскими страстями. И вот уже, расслабленная пойлом, Сидишь со свиниями у корыта, Питаешься рожцами и считаешь, Что многие живут гораздо хуже («*Прекрасен мір, зело-зело прекрасен!..*»).

БИБЛЕЙСКИЙ

Ной. Вьюга ноет, тоскливо так ноет... Надоела кромешная мгла, Что от Ноя, библейского Ноя Между мной и Тобой пролегла! («*Вьюга ноет, тоскливо так ноет…*»).

БЛАГОГОВЕЙНЫЙ

Слух. Блажен, кто, наполняясь тишиной И внемля ей благоговейным слухом, В обы-

денном постигнет мир иной – Дыханье созидающего Духа («*Блажен, кто, наполняясь тишиной...*»).

БЛАГОВОННЫЙ, –ые

Цветы. У окна цветут нежнейшие, Благовонные цветы. Словно облако чистейшее Опустилось на кусты (*Белые розы*).

❖ **БЛАГОДАРНО**

Склоняю главу. Всё добро, если совесть чиста! Погляжу, прикоснусь – не сорву! …Пред заснеженной веткой куста Благодарно склоняю главу («*Ни забот, ни печали, ни дум…*»).

БЛАГОДАТНЫЙ

Вечер. Туман, туман, туман, и ты не вечен, Ещё чуть-чуть – растаешь, отдымишь. Не потому ли в благодатный вечер Росой живою на листах дрожишь (*Туман*).

БЛАГОЙ, –ая

Весть. Чем больше слов, тем меньше смысла. Увы, глашатаев не счесть. Во дни художественных свистов Освистана Благая Весть (*Перед бедой*). Росія – лазурное слово, Свечение Вести Благой, Последняя пристань Христова, И нет во Вселенной другой (*Росія*).

БЛАГООБРАЗНЫЙ

Вид. А старость может быть прекрасной, Иметь благообразный вид… Любые лекари напрасны, Когда душа грехом смердит! («*И знают – жизнь не безконечна…*»).

БЛАГОРОДНЫЙ

Сизарь. Туман, туман, туман покрыл просторы, С лица земли стёр отчий старый дом. И на кресте могильном чёрный ворон Глядится благородным сизарём (*Туман*).

БЛАГОСЛОВЕННЫЙ, –ая, –ое

Всё. ○ ***Благословенно.*** Благословенно всё на белом свете! Благословен и ты, коль всё приял. А серости унылой не приметит, Кто серость из души своей изгнал («*Мы говорим: Унылая погода!..*»).

Идущий к Богу. ○ ***Благословен.*** И я шепчу, теряя силы, Кровавя скользкую дорогу: Вода стоячая – трясина. Благословен идущий к Богу («*Сомненье – чадо маловерья…*»).

Ты. ○ ***Благословен.*** («*Мы говорим: Унылая погода!..*»). ○ ***Благословенна.*** Земное воплощенье чистоты, Дыханье вод, божественный цветок. О лилия! Благословенна ты: Из всех цветов тебя возвысил Бог («*Земное воплощенье чистоты...*»).

Час. Оставив дом, родных, своё наследство, Покинув мір в благословенный час, Афонский инок по веленью сердца Сложил молитву, плача

по ночам. «Скоро я умру, И окаянная душа моя Снидет в тесный мрачный ад. И там буду один я томиться И плакать о Господе. – Где Ты, где Ты, Свет души моей? Почто оставил меня, Я не могу жить без Тебя» («*Оставив дом, родных, своё наследство...*»). **Прозренья час.** ○ ***Благословен.*** Душа забыла оправданья, Приговорённою жила. А тут – лесов очарованье! <…> Да кто же руку подымает На Божью чудо-красоту! Нет, не случайны эти встречи, Благословен прозренья час! (*Лань*).

БЛАЖЕННЫЙ, –ое, –ые

Вид. Почему так меня растревожил Твой блаженный, задумчивый вид? («*Уже вечер, друзья, уже вечер...*»).

Время. О, блаженное время покоя, Одиночества и чистоты! Холодея в серёжках стекольных, У канавы столпились кусты («*Ах, оставьте, не нужно тревожить...*»).

Кто. ○ Блажен. Блажен, кто Истину не продал, Блажен, кто в Правде устоял («*Блажен, кто Истину не продал...*»). Людская память – вешняя вода, Она умрёт, как город осаждённый. Блажен, кто никого не осуждал, Но преблажен за Правду осуждённый (*Екклесиаст*).

Просторы. Я гляжу на великий погост, Исполняюсь звучаньем особым. Здравствуй, Косово! Я твой гость. Отчего же прискорбны оба? Этой

встречи так долго ждал! Но прости, собирался не споро. И на столько веков опоздал, Что не умер в блаженных просторах (*У поля Косова*).

БЛИЖАЙШИЙ

Стог. Из этих мест до Вечности – рукой. Её дыханье за ближайшим стогом... Святая ночь! Блаженство и покой. Стою один. И сердце знает Бога («*Святая ночь! Блаженство и покой!..*»).

БЛИЗКИЙ, –ая

Радость. □ Заскрипят полозья деревянные, Выбегу навстречу, наконец, И краюху хлеба, долгожданную, Топором отрубит мне отец. И на ней, попыхивая искрами, Оживут снежинки под луной. Радость детства, чистую и близкую, Я увижу в отчее окно («*В отчем доме, старом и заброшенном…*»).

Цвет. Цвет голубой и цвет зелёный: Что боле радости виной? Иль тот небесный, отдалённый, Иль этот близкий нам, земной? («*Цвет голубой и цвет зелёный…*»).

БЛИЗЛЕЖАЩИЙ, –ие

Веси. И, крестами себя пообвесив, Побреду неизвестно куда, Заходя в близлежащие веси, Стороной обходя города («*Уже вечер, друзья, уже вечер...*»).

БЛИЗНЕЦ, –ы

◙ **Берёзки-близнецы.** Брожу в последний раз Задворками, полями, Смотрю на огоньки Ещё не спящих хат. Берёзки-б л и з н е ц ы С поникшими плечами У дома моего поникшие стоят («*Хочу в последний раз...*»).

Сёстры-близнецы. И тот [врач] глядится чудодеем, Кто *красотою* да́рит всех… Да, Чистотою молодеют! А безобразит, старит грех! (Хоть безобразие и старость Отнюдь не сёстры-б л и з н е ц ы. И старость не всегда усталость, Об этом знают чернецы) («*И знают – жизнь не безконечна…*»).

БЛУДНЫЙ, –ые

Братья. Воли вольной никто не лишён! Все мы б л у д н ы е, меньшие братья… Но куда б от Отца ни пошёл, Всё равно ты в Отцовских объятьях! («*А над нами всегда – Небеса!..*»).

Сын. – Эту скорбь не измерить, – Тяжко сетуют басы. – Покаяния отверзи ми двери, – Горько плачет б л у д н ы й сын («*Отложим попечение...*»).

БОГОБОРНЫЙ

Князь тьмы. Ночь зажгла огни, шум затих почти, В ожиданьи дремлют холмы... Он к тебе грядёт, он уже в пути, Б о г о б о р н ы й князь тьмы (*Иерусалим*).

БОГОДАННЫЙ

Звук. А дождь идёт… вовсю слезятся окна, Но это не помеха грибнику. Оденусь так, что в речке не промокну – Пусть барабанит по дождевику. Стучи, стучи, омой лицо и руки, На мох и листья небеса рассыпь. О, сколько мира в Богоданном звуке! О, сколько света в капельках росы! (*Дождик*).

▫ БОГОЗДАННЫЙ

Край. А душа безсловесно поёт: Как не петь в богозданном краю? И калина калинку даёт, Как последнюю лепту свою («*Ни забот, ни печали, ни дум…*»).

БОГОЛЮБИВЫЙ

Муж. Боголюбивый муж не знает мрака, С губителем не сядет на совет. Не тако нечестивии, не тако: Но яко прах, что возметает ветр («*Боголюбивый муж не знает мрака...*»).

БОГОУГОДНЫЙ

Гнев. Со мною скажет всяк живой В богоугодном гневе: Страшнее всех прошедших войн – Убийство душ во чреве! («*Вели невинных убивать...*»).

БОЖЕСТВЕННЫЙ

Лад. Зелень мая так нежна в апреле! Всё живёт

в Божественном ладу. Словно в память мартовской метели Забелела вишенка в саду («*Зелень мая так нежна в апреле*!..»).

Родник. Родная речь – Отечеству основа. Не замути Божественный родник. Храни себя: душа рождает слово – Великий святорускій наш язык! (*Родная речь*).

БОЖИЙ, –ия (ья), –ие (ье), --ие

Благостыня. Ночь. Полнолунье. Божья благостыня. Душа вбирает неземной покой, Где светлая безмолвная пустыня Искрит над головой и под ногой («*А мне зима всё более по нраву*...»).

Веленье. Внимая Божьему веленью, Его Десницей одарён, Поэт приходит на мученья В земной удел – Лифростротон («*Внимая Божьему веленью*…»).

Глас. А в Царстве Света чувства не нужны: Всё внешнее существенно до срока. И здесь, когда коснёмся тишины, Излишни слух, язык и даже око. Сие дано пособием для нас, Чтоб внутреннее внешним постигали, Чтоб слушали немолчный Божий глас И душу, как дитя, оберегали («*А в Царстве Света чувства не нужны*...»). Ничто под звёздами не ново. Тварь заглушает Божий глас. Но коль слова не ради Слова – Тогда они осудят нас (*Перед бедой*).

Гнев. Она [звезда] дрожит, пока ещё дрожит, Желанный свет бросая пешеходу... О, сколько

мрака на земле и лжи, Что Божий гнев коснётся небосвода («*И вижу в окровавленной луне...*»).

Дом. Росія – Свет! Росія – Предстоянье! И Грех, и Плен, и всё же – Божий Дом. Росія – Православное дыханье, Препона плоти на пути земном («*Росія – Свет!..*»).

Достоянье. Кто с гордостью и спесью не знаком, Не наблюдал печальные картины? Ну что ты выступаешь гусаком! Ведь это Церковь, а не двор гусиный! Тут твоего – что только на тебе, А Храм и люди – Божье достоянье. Молчи о Правде, о Любви Небес: В устах спесивца всё как поруганье («*Кто хочет поразить собою мір…*»).

Дух. Две головешки жалобно чадили, Но люди торопливо проходили. Вдруг налетел случайный ветерок, Взметнулись искры, ожил огонёк, И путник одинокий отогрел Озябшие ладони на костре. Присловица закончена уже, Напрасно в ней выискивать усмешки: Коль нету Духа Божьего в душе, Талант и труд – простые головешки («*Две головешки жалобно чадили…*»).

Имя. Христианин! Какое слово! В нём Имя Божие звучит, В нём свет Сияния Христова, Венец тому, кто устоит! Христианин! И ад трясётся, Услышав, Кто твой Господин. Нет выше звания под солнцем, Чем звание Христианин! («*Христианин! Какое слово!..*»).

Красота. Душа забыла оправданья, Приговорённою жила. А тут – лесов очарованье! <…>

Да кто же руку подымает На Божью чудо-красоту! Нет, не случайны эти встречи, Благословен прозренья час! (*Лань*).

Милость. И вроде бы всё – Божья милость, И радостен шёпот весны. Но что-то в ночи изменилось. А что? Не понять без луны (*Ночью*).

Мудрость. Пожалей, дорогой, пожалей Всё кругом до последней былинки. Мудрость Божия здесь, на земле, Познаётся не только в великом («*Пожалей, дорогой, пожалей…*»).

Образ. Общенье – тоже утешенье: В садах Господних купно жить. И, затворясь в уединеньи, Мы начинаем всех любить. За то, что на себя похожи, За то, что любят привечать, За то, что носят образ Божий, За то, что учатся прощать («*Общенье – тоже утешенье...*»).

Рука. Что мудрить? Кто живёт не утробно – Всё приимет из Божьей руки: Ведь несчастье и счастье подобны Берегам нашей жизни-реки («*Мы не любим и хаем ненастья...*»).

Сад. Нам бы духа достало Божий сад уберечь (*На природе*).

Слово. В отчем доме, старом и заброшенном, Сяду у окна, уединюсь, Напитаю душу словом Божиим, Предрассветной тишиной напьюсь («*В отчем доме, старом и заброшенном…*»).

Страх. Когда теряем Божий страх, Питаем спеси дух лютейший. Грек – «всесвятейший» па-

триарх – Устал, наверно, быть святейшим (*Человеческое*).

Суд. Когда неправда обвиняет, Мы поминаем Божий суд: Напрасно молнии сверкают, Людские громы не убьют… (*Вход Господень в Иерусалим*).

Церкви. И пока в Церквах Божиих молятся, Панихиду не правь по Святой Руси («*Матушка Добрынюшке наказывала*...»).

БОЛЬНОЙ, –ая, –ые

Душа. Всё происходит в сокровенном, Не годы, а душа виной. О, сколько юных и растленных С душою дряхлой и больной! («*И знают – жизнь не безконечна*…»). **Души.** Ах, оставьте, не нужно тревожить Эту воду у мокрых обочин. Лужи спят на раскисшем ложе И, конечно, мечтают о большем. В их мечтах – одинокий месяц, Капли звёзд, придорожные кущи. И никто до утра не месит Сапогами больные их души («*Ах, оставьте, не нужно тревожить*...»).

Певец. Но те, кто обитает на помойках, Кто кормится отбросами гнилыми, Кто чистоты совсем не принимает, Приветствуют его, как чудодея, Поют хвалу, звездою величают... А если бы отмылись в трёх потоках, Увидели бы, что звезда – окурок, Что чудодей – больной певец помоек… Познали бы – душе нечистой, скверной Никак нельзя плодить, тем паче – слово! («*Стихи должны быть отраженьем Света*…»).

Птица. Не осуждай, покрой мои увечья, Б о л ь н у ю птицу не брани за то, Что не стремится с братией далече, А смотрит на летящих из кустов («*Не поминай ни хорошо, ни плохо...*»).

БОЛЬШИЙ, –ая

Честь. Нет б о л ь ш е й чести – быть Христовым! У каждого надежда есть, И, если жизнью не готовы, Хоть смертью оправдаем честь! («*Христианин! Какое слово!..*»).

БОЛЬШОЙ, –ая

Река. Живи с распахнутой душою, Встречая зори босиком. Не можешь стать рекой б о л ь ш о ю – Будь малым чистым родником («*Живи с распахнутой душою...*»).

Свеча. Не потому ль так тянется прохожий На огонёк, светящийся в ночи? …Огарок, но горящий, мне дороже Б о л ь ш о й непламенеющей свечи («*Всезнайства ослепляющие блики*!..»).

БОСОЙ, –ые

Ноги. Тихо иду В белой рубахе по полю, И журавли, Словно кресты колоколен. Ноги б о с ы е, За плечом сума. Люди косятся: Мол, сошёл с ума («*Сон мне приснился...*»).

Я. Δ ***Бегу босой.*** И я бегу на улицу б о с о й. В мои глаза созвездия летят. И звёздную отбори-

стую соль Хочу собрать с зелёного ломтя! («*Горит звезда над головою клёна…*»).

БРАНИМЫЙ, –ая

Дорога. ○ ***Бранима.*** О путь-дорога! Не проехать мимо, Не обойти – ты всюду под ногой. Бранима, ненавистна и любима... Я не хотел бы шествовать другой («*При слове "сорок" что-то оборвалось…*»).

БРАТСКИЙ, –ая

Могила. Деревни и сёла, похоже, У братской могилы стоят. Но женщины в Праздники всё же, Как могут, молитвы творят. О муже, который гуляет, О сыне, который сидит, О дочке, что тяжко хворает, – За всех её свечка горит (*Рускіе женщины*).

Хор. Колокольный звон Над землей плывёт, А в монастыре Братский хор поёт: – Господи, помилуй («*Колокольный звон...*»).

БРАЧНЫЙ, –ое

Облаченье. Нам никуда от старости не деться, Так для чего за молодость держаться? А яблоня цветёт – не наглядеться! А яблоня цветёт – не надышаться! И что ей годы? В брачном облаченьи, Играя светом, юных лет не просит… (*У старой яблони*).

БУЙНЫЙ, –ая

Голова. *Усеч. ф.* ***Буйна.*** Матушка Добрынюшке наказывала, Государыня Добрынюшке наговаривала: – Ой ты, сын мой любезный, свет Дементьевич, Что повесил, кручинясь, б у й н у голову? Ты бы взял в свои ручки белые Гусли звонкие, сладкогласные. Стал бы петь да потряхивать кудрями, Да меня потешать, матерь старую («*Матушка Добрынюшке наказывала*...»).

БЫЛОЙ, –ые

Славы. Иерусалим, Город городов, Колыбель б ы л ы х слав, Припади к Христу, Он принять готов, Не помянет язв и зла (*Иерусалим*).

В

ВЕКОВОЙ, –ая, –ые

Липы. Луна и снег. И шорохи вдали, Искрят покойно липы в е к о в ы е. Окошки от мороза поросли Невиданною, сказочной ковылью («*Луна и снег. И шорохи вдали…*»).

Основа. Всё рождено, чтоб восхвалять Дарующего жизнь творенью. Не знала б пошлости земля, Когда б не знала опошленья. Когда б основой в е к о в о й Хранили души – жили б чисто. Нет пошлости как таковой, Есть разрушенье благочинства («*Всё рождено, чтоб восхвалять…*»).

Усталость. Давно позабытые слёзы Размазали мір голубой, И вдруг я увидел, что звёзды, Как в детстве, галдят меж собой. И вмиг от того не осталось, Что прежде давило тоской. Луны в е к о в а я усталость Сменилась на ясный покой («*Луна обречённо скиталась…*»).

❖ **ВЕЛЕГЛАСНО**

Внушает. Сомненье – чадо маловерья. Оно искусно в словопреньи, Оно внушает в е л е г л а с н о,

Что все старания напрасны... («*Сомненье – чадо маловерья…*»).

ВЕЛИКИЙ, –ая, –ое

Вавилон. И с небеси явися Ангел ин, И землю просвети своею славой. И возопи: – Паде кромешный сын, Паде великий Вавилон кровавый… (*Глаголы вещие*).

Крещение. Дерева́ предчувствуют, наверное, Жаль и ради Праздника губить. Не сломаю вербочку на Вербное: Как же ей до Пасхи не дожить? Прошепчу молитву освящения Золотым, пушистым бубенцам И водой Великого Крещения Окроплю в честь каждого Лица (*Вербочка*).

Погост. Я гляжу на великий погост, Исполняюсь звучаньем особым. Здравствуй, Косово! Я твой гость. Отчего же прискорбны оба? (*У поля Косова*).

Пост. Послушаем, братие, пение Дней Великого поста («*Отложим попечение...*»).

Прозрачность. Царит луна в прозрачности великой. Ей хорошо с премірной высоты Пылающей хрустальною веригой Одаривать деревья и кусты («*А мне зима всё более по нраву...*»).

Старец. И, как бы отовсюду ни грозили, Не ужаснёмся тучам грозовым. – Спасение приидет от Росіи! – Сказал великий Старец Серафим («*Росія – Свет*!..»).

Тишь. …Стынет великая тишь, Сердце кровавя, как нож. Что ж ты молчишь? Что ж ты молчишь? Родина, что ж не встаёшь? («*Лунное око в ночи…*»).

Ты. ○ ***Велика.*** Другим довольно зрелищ, хлеба: Душа – рабыня кошелька. Но ты не надышалась Небом И потому так велика! (*Росія*).

Час испытаний. Вижу – тучи собираются, Слышу – вороньё раскаркалось. Только б Ты нас не оставила В час великий испытания («*Пресвятая Богородице*...»).

Язык. Родная речь – Отечеству основа. Не замути Божественный родник. Храни себя: душа рождает слово – Великий святорускій наш язык! (*Родная речь*). Пишу стихи, отыскивая слово В устах пророка или ямщика: За Библией лежит словарь толковый Великого живого языка («*Пишу стихи, отыскивая слово*...»).

ВЕЛИЧАВЫЙ, –ые

Разливы. ***Величавы.*** ○ Утонули по макушку ивы, Словно не купались целый век. Величавы вёснами разливы В общем-то не величавых рек («*Утонули по макушку ивы*...»).

Реки. ***Не величавые.*** (*Там же*).

▫ ВЕЛИЧЕСТВЕННО-НЕМОЙ

Лес. ○ ***Величественно-нем.*** И лес стоит величественно-нем, И посыпает кочи белой гру-

стью. Вбираю в грудь поэму из поэм И радуюсь, что вырос в Святорусьи (*Прогулка*).

ВЕРНЫЙ

Ангел. Мой верный Ангел, далеко стоя, Скорбит и плачет о моём лукавстве. Не оттолкни ж, Владычице моя, Когда пойду, убогий, по мытарствам (*Пресвятая Богородице, спаси нас!*).

ВЕРТЛЯВЫЙ, –ое

Племя. Скоморохам житье – лучше некуда, Приосанилось племя вертлявое, Позабыли напевы родимые, И гудят гудцы непотребное («*Матушка Добрынюшке наказывала...*»).

❖ **ВЕСЕЛО**

Вместе. ● ***Веселей.*** Ликуй, посланец, бормочи мне что-то, Сопутствуй зримо, вместе веселей. Лесной тропинкой выйдем на болото Благословить летящих журавлей… (*Дождик*).

Жить. ● ***Не намного веселее.*** Пожил я, чего греха таить, И такую истину взлелеял: Умирать не в радость, да и жить Тоже не намного веселее («*Тридцать семь – хорошее число...*»).

Не потряхивать. Матушке Добрынюшка наказывал, Государыне Добрынюшка наговаривал: – Ты прости, государыня-матушка, Не поётся мне, не играется, Не пощипывать мне струн сере-

бряных, Не потряхивать весело кудрями («*Матушка Добрынюшке наказывала...*»).

ВЕСЕННИЙ, –яя, –ие

Гам. Мети, мети, російская пурга, Следы мои зализывая рьяно. Земля иная под весенний гам Покроет холм полынью и бурьяном («*Я к вам приду от северных земель…*»).

Пора. Я устало к окну приникаю И, уставясь в вечернюю муть, Магдалиной прозревшею каюсь, Что весенней поры не вернуть («*Вьюга ноет, тоскливо так ноет…*»).

Сосульки. Послушай подлунные звуки! Им только до завтра звенеть. Весенние свечи-сосульки, Не вам этот мір обогреть! (*Ночью*).

Цветы. Не долго будут красоваться в белом Ликующие майские сады… *Не старый умирает, а поспелый* – Нам говорят весенние цветы («*Не долго будут красоваться в белом…*»).

ВЕСЁЛЫЙ, –ая

Сойка. Жить на вольной природе Да у чистой реки! Нет, не барина вроде И не как мужики. А весёлою сойкой! Вон, сидит на ветру, Не печалясь нисколько, Что клевать поутру (*На природе*).

ВЕТХИЙ

Человек. Меня всегда влекло уединенье, Но жил в міру, который не отверг. И это раздира-

нье-раздвоенье Вещало мне: – Ты в е т х и й человек («*Как я стремился к иноческой доле!..*»).

ВЕЧЕРНИЙ, –яя

Муть. Я устало к окну приникаю И, уставясь в в е ч е р н ю ю муть, Магдалиной прозревшею каюсь, Что весенней поры не вернуть («*Вьюга ноет, тоскливо так ноет…*»).

ВЕЧНЫЙ, –ая, –ое

Древо. О Древо В е ч н о е, Живое! Источник мой, дышу мольбой, Чтоб отпадающей листвою Не оказаться пред Тобой («*Когда вода самозамкнётся...*»).

Душа. Лазурь небес, тюльпаны, мурава! Подснежники сугробятся в овраге. Душа вбирает волны Торжества – Она мечтой давно уже на Браке. Её ничем не нужно утешать, Хотя по-прежнему несовершенна. Блаженства ищет в е ч н а я душа, Не зная о себе, что преблаженна! («*Лазурь небес, тюльпаны, мурава*!..»).

Молодость. И знают – жизнь не безконечна, Но мнят от старости сбежать И рвутся к молодости в е ч н о й С одним желанием – прельщать («*И знают – жизнь не безконечна…*»).

Покой. Радость моя, эта суетность грешная Даже на паперть швыряет листы. Но возжелали покоя нездешнего Белые Церкви, святые Кресты. Их не прельщают купюры фальшивые, Не при-

влекает поток золотой, Нужно ли вам это золото лживое, Вам, лобызающим в е ч н ы й покой?! («*Радость моя, наступает пора покаянная*…»).

Путь. Успеем ли сказать: «Прости!» – И помолиться в Храме? Начало В е ч н о г о пути Всегда не за горами (*Не страшно ль*?).

Ты. ○ ***Не вечен.*** Туман, туман, туман, и ты не в е ч е н, Ещё чуть-чуть – растаешь, отдымишь. Не потому ли в благодатный вечер Росой живою на листах дрожишь? (*Туман*).

ВЕШНИЙ, –яя

Вода. Людская память – в е ш н я я вода, Она умрёт, как город осаждённый. Блажен, кто никого не осуждал, Но преблажен за Правду осуждённый (*Екклесиаст*).

ВИНОВНЫЙ

Сам. ○ ***Виновен.*** Завязали Ивану глаза, Рот забили и уши заткнули – Ни увидеть ему, ни сказать. Обобрали всего и швырнули! Даже руки скрутили назад (Сам в и н о в е н – на горькую падок!) И глумятся ещё, говорят: – Это ж надо! Какой безпорядок! («*Завязали Ивану глаза*…»).

❖ **ВНЕЗАПНО**

Взлетают. Лето красное! Гро́зы Гонят сон деревень. Золотые стрекозы Над рекой целый день. То к воде припадают, Искры гасят кры-

лом, То внезапно взлетают И висят над веслом (*Лето красное!*).

ВОЛЬНЫЙ, –ая

Воля. Столько боли кругом, столько боли! Горькородна вода бытия. Только радости – вольная воля, Да сомнительна радость сия («*Столько боли кругом, столько боли*!..»). Воли вольной никто не лишён! Все мы блудные, меньшие братья… Но куда б от Отца ни пошёл, Всё равно ты в Отцовских объятьях! («*А над нами всегда – Небеса*!..»).

Природа. Жить на вольной природе Да у чистой реки! Нет, не барина вроде И не как мужики. А весёлою сойкой! Вон, сидит на ветру, Не печалясь нисколько, Что клевать поутру (*На природе*).

ВОРОНОЙ

Конь. И белый конь, и рыж, и вороной, Почуяв волю, понеслись на землю (*Глаголы вещие*).

ВРАГИ

◙ **Враги-предатели.** Какое преступленью право? Самим себе враги-предатели: Уничтожается Держава Убийством чад во чреве матери! (*Право выбора*).

ВСЕВОЗМОЖНЫЙ, –ые

Награды. – Вот всевозможные награды,

Всё чаю нобелевский бант, Оставить міру что-то ж надо… – Вы протщеславили талант! (*Знаменитость*).

ВСЕМІРНЫЙ

Торг. И когда на всемірном торгу Кто трухой, кто душой торговал, Слава Богу, я не был в долгу: Никого не купил, не продал («*Я пойду, где стоят корабли...*»).

ВЫСОКИЙ, –ая, –ое

Волна. Настроясь на высокую волну, Омыв уста от праздного глагола, Я снова осязаю тишину Под лунным убывающим осколом («*Настроясь на высокую волну...*»).

Дума. Стихи должны быть отраженьем Света, Высокой думы, чистоты лазури, Где слово – одеянье чуда – Духа, Где берег – рифма – мысли обрамляет… («*Стихи должны быть отраженьем Света…*»).

Мечта. Живи всегда мечтой высокой, За всё Творца благодари. Не можешь стать звездой далёкой – Хотя б огарком, но – гори! («*Живи с распахнутой душою...*»).

Отличье. Величье рек – в покое вод. Покой – высокое отличье. Несёт река – не шелохнёт Своё глубинное величье («*Величье рек – в покое вод…*»).

Порыв. Красотой октября запорошен, Лес

в высоком порыве затих. Лишь осина предсмертною дрожью Нагоняет тоску на других («*Красотой октября запорошен...*»).

Слог. И пусть на трон взойдёт любой, Глаголющий высоким слогом. Толпа останется толпой, Пока не обратится к Богу! («*Без Бога нация – толпа…*»).

Смирение. Лучшая молитва – покаяние, Покаянье тщетно без прощения. Лучшее пред Богом предстояние – В глубине высокого смирения («*Страх Господень – авва воздержания...*»).

Холм. Я вчера скакал по Святой Руси, Я стрелой летел ниже облака, На высоком холме свой раскинул шатёр – Поглядеть орлом землю рускую («*Матушка Добрынюшке наказывала...*»).

❖ **ВЫСОКО**

Не летал. Я не ставил чины ни во грош, Потому состоял в гордецах. Высоко не летал, ну и что ж? Но зато не ходил в подлецах («*Я пойду, где стоят корабли...*»).

ВЫСШИЙ, –ая

Поэзия. Я забудусь в таинстве молчания Пред иконой чудной – Умиление. Да очистят слёзы покаяния Высшую поэзию – моление («*Страх Господень – авва воздержания...*»).

Правда. Бог лукавых не терпит – слышали?

Кто продался – уже не выстоял. Ну а мы не случайно выжили, Веру в В ы с ш у ю Правду выстрадав! («*Как мы жили? Себя похабили...*»).

ГЕРОИЧЕСКИЙ, –ие

Маски. Я вызвал нарекание в народе То чётками, то лирой на груди. Но шёл, как мог, и при любой погоде Святошам всё равно б не угодил. Не мерил героические маски И грешен тем, что, на свою ж беду, Кровавые и гнойные повязки Стирал у проходящих на виду («*При слове "сорок" что-то оборвалось…*»).

ГЛАВНЫЙ, –ая

Особость. О, сколько ты в себя вместила! <…> И нерастраченную совесть, И тайну Млечного моста. Но главная твоя особость – Тебе не выжить без Христа (*Росія*).

ГЛУБИННЫЙ, –ое

Величье. Величье рек – в покое вод. Покой – высокое отличье. Несёт река – не шелохнёт Своё глубинное величье («*Величье рек – в покое вод…*»).

ГЛУМЯЩИЙСЯ, –аяся

Однобокость. Глумящаяся однобокость, Готовая и Небо выпороть: Убить щенка – для всех – жестокость, Убить ребёнка – *право выбора!* (*Право выбора*).

ГЛУПЫЙ, –ая

Душа. Всё внимает Богу не дыша. Господи, дела Твои святы. Что ж ты плачешь, глупая душа, Иль и ты коснулась Чистоты? («*Слава Богу, снова я один…*»).

Нация. ○ ***Глупа.*** Без Бога нация – толпа, Объединённая пороком, Или слепа, или глупа, Иль, что ещё страшней, жестока («*Без Бога нация – толпа…*»).

Сын. Матушка Добрынюшке наказывала, Государыня Добрынюшке наговаривала: – Ох и глупый ты сын, свет Дементьевич, Не набрался, поди, уму-разуму. Не пришла ещё ночка тёмная, Ночка тёмная, тьма кромешная. Есть ещё на земле сыны рускіе, Православную веру хранящие («*Матушка Добрынюшке наказывала...*»).

ГЛУХОЙ, –ое

Уединенье. Никто Творцом не позабыт. И я помянут в мірозданьи: Все чаще в келии гостит Её Величество Страданье. Иных гостей не жду, не вем: Боюсь, не верю, недостоин. Не отверзаю двери всем Зевакам, ищущим застолий. А эту – при-

зываю сам В г л у х о м своём уединеньи, К Распятью устремив глаза, Благодарю за посещенье («*За всё приходится платить*…»).

ГНЕТУЩИЙ, –ие

Плоды. Определенье выше всяких Истин? Оборотись, прельщённый, на сады. Цена садам – не бормотанье листьев, А дерева г н е т у щ и е плоды («*Надменный разум к Истине стремится*…»).

ГНИЛОЙ, –ые

Отбросы. Но те, кто обитает на помойках, Кто кормится отбросами г н и л ы м и, Кто чистоты совсем не принимает, Приветствуют его, как чудодея, Поют хвалу, звездою величают… («*Стихи должны быть отраженьем Света*…»).

Речи. Поистине беда из бед, Венец ожесточенья! Врачи учились столько лет – И лишь для убиенья! Вот палачи из палачей! Вот нож в живот Державе! Довольно же г н и л ы х речей О личности и праве! Как можно руки подымать На тех, кто познан Богом! Они [нерождённые дети] ведь даже закричать И отползти не могут! («*Вели невинных убивать*...»).

ГНОЙНЫЙ, –ые

Повязки. Я вызвал нарекание в народе То чётками, то лирой на груди. Но шёл, как мог, и при любой погоде Святошам всё равно б не угодил.

Не мерил героические маски И грешен тем, что, на свою ж беду, Кровавые и г н о й н ы е повязки Стирал у проходящих на виду («*При слове «сорок» что-то оборвалось…*»).

ГОЛОДНЫЙ, –ая

Смерть. Да не умрёшь г о л о д н о й смертью, друже! Остави нрав неверного раба... Тот богослов, кто Православью служит. Смирись – и ограждай свои хлеба («*А жатвы много…*»).

ГОЛУБОЙ, –ая, –ые

Вода. Не могу никак налюбоваться Г о л у б о й водою без оков. ...Помогайте людям разливаться, Выходить из узких берегов («*Утонули по макушку ивы...*»).

Мір*. Давно позабытые слёзы Размазали мір г о л у б о й, И вдруг я увидел, что звёзды, Как в детстве, галдят меж собой («*Луна обречённо скиталась…*»).

Свет. Опускаю ладонь, размываю своё отражение, И отходят круги, и волнуется свет г о л у б о й. И в святые часы одиночества, изнеможения Принимаю и пью всё, что послано свыше Тобой («*Наполняется скорбью душа…*»).

Стрекозы. Белоснежные розы С белой ночью в родстве. Г о л у б ы е стрекозы На зелёной траве! (*Лето красное!*).

Цвет. Цвет г о л у б о й и цвет зелёный: Что боле

радости виной? Иль тот небесный, отдалённый, Иль этот близкий нам, земной? («*Цвет голубой и цвет зелёный…*»).

Чистота. И земля, не зная суеты, Дышит чистотою голубой. Дерева́, дороги и кусты – Всё кругом исполнено Тобой («*Слава Богу, снова я один…*»).

ГОЛЫЙ, –ые

Пятки. Пятки голые к горячим кирпичам, И не надобно таскаться по врачам. Ну а если друг сердешный забегал, То и он ко мне на печку залезал (*Руская печка*).

ГОРДЫЙ, –ая

Спина. Тебе своё давно уже не мило, Забыл о том, что все на нас войной, И к той земле, которая вскормила, Оборотился гордою спиной («*А жатвы много…*»).

Человек. Всезнайство говорит о мелководьи, О скудости несудоходных рек. Слывущий мудрецом в простонародьи, Что знаешь ты, о гордый человек? («*Всезнайства ослепляющие блики!..*»).

[Я]. Δ ***Прослыву гордым.*** Прослыву на міру нелюдимым, угрюмым и гордым, Схоронясь ото всех в заповедных пустынных местах. Коль нельзя без молвы, именуйте меня кем угодно, Оправданья излишни, зачем, всё понятно и так («*Прослыву на міру нелюдимым, угрюмым и гордым…*»).

ГОРЕ

◙ **Горе-мама.** Г о р е-мама, что ж ты натворила! Не себя ль зарезала в тот час? Что суды! Что эти приговоры! Дочке было восемнадцать лет… (*Портрет*).

ГОРЕЛЫЙ

Грош. Что над собой не вытворяют! А толку – на г о р е л ы й грош. Морщины, складки выступают – И вот уже к врачу под нож («*И знают – жизнь не безконечна*…»).

ГОРОХОВЫЙ

Шут. Басурмане те не из тартара, А своих кровей, лыком шитые. И любой холоп, шут г о р о х о в ы й Над рабами Христовыми тешится («*Матушка Добрынюшке наказывала...*»).

ГОРТАННЫЙ

Язык. □ Вы слышите, мой говор не похож На ваш язык певучий иль г о р т а н н ы й. Я не таков, наверное, и что ж? Я ненадолго, если и останусь («*Я к вам приду от северных земель*…»).

ГОРЬКИЙ, –ая, –ое, –ие

Аплодисменты. ○ ***Горьки.*** Всё выступленье кажется моментом, Соединились пекло и мороз. И до чего ж г о р ь к и́ аплодисменты, Аплодисменты нефальшивых слёз! Кто мнёт платок,

кто держится за сердце, Кто просто отрешённо смотрит вниз. Как на обычном праздничном концерте… Да только здесь не вызовут на бис («*Все перед смертью говорят стихами*...»).

Доля. То, что срамом слыло, стало славою, То, что славою было – оплёвано. А князья одну думку думают: Как без Бога им міром правити. Эх, князья, князья, доля г о р ь к а я, Вам придётся жать то, что сеете («*Матушка Добрынюшке наказывала*...»).

Мечта. Иерусалим, Иерусалим, Г о р ь к а я моя мечта. Иерусалим, Иерусалим, Город моего Христа (*Иерусалим*).

Пойло. Наши души пускают на слом. Нам шипят, указуя на стойло. И молчим, позабыв обо всём, Всё меняя на г о р ь к о е пойло («*Дорогие мои, это всё!*..»).

Речи. А завтра… а нужно ль об этом? И время ли г о р ь к и м речам? Вы [сосульки] были пронизаны светом, А в свете какая печаль? (*Ночью*).

Час. Не стану розы обрывать, А буду розами дышать. И на прощанье, в г о р ь к и й час, Осыплю лепестками Вас («*Не стану розы обрывать*...»).

❖ ГОРЬКО

Рыдаю. О Боже мой, я весь – проказа! Целуя Твой кровавый пот, Гвоздиные целуя язвы, Рыдаю г о р ь к о, аки Пётр («*Прибит на Крест моей неправдой*…»).

Сетуют. – Эту скорбь не измерить, – Тяжко се-

туют басы. – «Покаяния отверзи ми двери», Г о р ь к о плачет блудный сын («*Отложим попечение...*»).

▫ ГОРЬКОРОДНЫЙ, –ая

Вода бытия. ○ ***Горькородна.*** Столько боли кругом, столько боли! Г о р ь к о р о д н а вода бытия. Только радости – вольная воля, Да сомнительна радость сия («*Столько боли кругом, столько боли!..*»).

ГОСПОДАРЬ

◙ **Месяц-господарь.** А про́синец известен как январь. Горят снега под солнцем – загляденье. Начало года. Месяц-г о с п о д а р ь Сияет облачением Крещенья («*А про́синец известен как январь...*»).

ГОСУДАРЫНЯ

◙ **Государыня-матушка.** Матушке Добрынюшка наказывал, Государыне Добрынюшка наговаривал: – Ты прости, г о с у д а р ы н я-матушка. Не поётся мне, не играется, Не пощипывать мне струн серебряных, Не потряхивать весело кудрями («*Матушка Добрынюшке наказывала...*»).

ГРЕХОВНЫЙ

Мір. Хотя и рядом, да не вместе И грех, и святость столько лет. Но капля правды перевесит Г р е х о в н ы й мір – прельщённый свет (*Капля правды*).

ГРЕШНЫЙ, –ая

Жизнь. Сознавая, что рано иль поздно Минет так же и осень души, Я стираю оконные звёзды, Как Господь мою грешную жизнь... («*Вьюга ноет, тоскливо так ноет…*»).

Суетность. Радость моя, эта суетность грешная Даже на паперть швыряет листы. Но возжелали покоя нездешнего Белые Церкви, святые Кресты («*Радость моя, наступает пора покаянная…*»).

Я. ○ ***Грешен.*** Я вызвал нарекание в народе То чётками, то лирой на груди. Но шёл, как мог, и при любой погоде Святошам всё равно б не угодил. Не мерил героические маски И грешен тем, что, на свою ж беду, Кровавые и гнойные повязки Стирал у проходящих на виду («*При слове "сорок" что-то оборвалось…*»).

ГРОЗОВОЙ, –ые

Тучи. И, как бы отовсюду ни грозили, Не ужаснёмся тучам грозовым. – Спасение приидет от Росіи! – Сказал великий Старец Серафим («*Росія – Свет!..*»).

ГРУСТНЫЙ

Глас. Свечи, образа, Мантии, кресты. Братия поёт Грустный глас шестый. – Господи, помилуй («*Колокольный звон...*»).

ГРУСТЬ

◙ **Грусть-печаль.** *И* лобзаю лобзаньем тебя, грусть-печаль несусветная, *И* хлебаю взахлеб то, что в юности сам замешал. *И* камыш не шумит, и деревья стоят неприметные, *И* до этой звезды лишь один только шаг («*Наполняется скорбью душа…*»).

Д

ДАЛЁКИЙ, –ая

Звезда. Живи всегда мечтой высокой, За всё Творца благодари. Не можешь стать звездой далёкой – Хотя б огарком, но – гори! («*Живи с распахнутой душою...*»).

Звон. И только звон, далёкий звон Живой душе прибавит сил. Как он похож на тихий стон Нас покидающей Руси! (*Васильки*).

ДАЛЬНИЙ, –яя

Гряда. А помнится: давным-давненько (Для старожилов – не давно), В глуши стояла деревенька С названием Копылино́. Признаться, в детстве там я не был, Пять километров – не дорос. Но знал – где начиналось небо, За дальнею грядой берёз (*Копылино́*).

Звезда. Как отрешённо-чутки дерева, Не шелохнут рождественской фатою. Попыхивает инеем трава, Перекликаясь с дальнею звездою («*Настроясь на высокую волну...*»).

ДЕМОКРАТИЧНЫЙ

Суд. Листвой, одеждой застилают Дорогу в Иерусалим! Шумят, бегут, провозглашают… День ликованья! А за ним – Демократичный суд Пилата, Архиерейская молва, Правозащитные солдаты И терноносная Глава! (*Вход Господень в Иерусалим*).

ДЕРЕВЕНСКИЙ, –ая, –ие

Музыка. Мать моя затопит печку рускую, Заиграют блики на стене. Треск поленьев деревенской музыкой Отзовётся с дрёмою во мне («*В отчем доме, старом и заброшенном*…»).

Церквушки. О, сколько ты в себя вместила! <…> И почернелые избушки, И тихие разливы вод, И деревенские Церквушки, И многострадущий народ (*Росія*).

ДЕРЕВЯННЫЙ, –ые

Полозья. Заскрипят полозья деревянные, Выбегу навстречу, наконец, И краюху хлеба, долгожданную, Топором отрубит мне отец («*В отчем доме, старом и заброшенном*…»).

ДЕРЖАВНЫЙ, –ая, –ые

Владычица. Ты Покровом покрываеши Русь мою многострадальную, Русь мою многораспятую... О Владычице Державная <…> Умоли за землю Рускую Сына Своего Сладчайшего,

Да воздаст Он нам по милости – Не по нашему неверию («*Пресвятая Богородице*...»).

Мужи. О вы, державные мужи! Чем крохи согрешили? Не дайте посягать на жизнь – Ведь вас же не убили! («*Вели невинных убивать*...»).

ДЕТСКИЙ

Мір. Длиною с детство счастие земное, Пройдёт оно – и каждый станет сир… А яблони, посаженные мною, Так разрослись!.. Им тесен детский мір (*Яблони детства*).

Смех. Земное счастье – в доме детский смех. О, если б душегубство прекратили! Но вопиет на Небо страшный грех, А все живут, как белены хватили («*Земное счастье – в доме детский смех*...»).

ДИВНЫЙ

Покой. Служит Богу весь подлунный мір, Тихий лес над спящею рекой. О места, забытые людьми, Лобызаю дивный ваш покой («*Слава Богу, снова я один*…»).

ДОЛГИЙ

Дождь. Мы говорим: *Унылая погода! Заволокло, не видно ничего*… Унылый дух клевещет на природу, Которая не мыслит своего. Нам не чета – всегда в повиновеньи, В любое время, осенью, весной. И долгий дождь, и ветра дуновенье Нужны

земле, как солнце с тишиной («*Мы говорим: Унылая погода!..*»).

ДОЛГОЖДАННЫЙ, --ая

Колодец. Как жаждет изнывающий от солнца Водою освежиться за труды. Но брызгам д о л г о ж д а н н о г о колодца Не заменить колодезной воды («*Не разрывайте Истину на мнения…*»).

Краюха хлеба. Заскрипят полозья деревянные, Выбегу навстречу, наконец, И краюху хлеба, д о л г о ж д а н н у ю, Топором отрубит мне отец («*В отчем доме, старом и заброшенном…*»).

Сын. Но здесь известные препоны Чинит ему известный льстец: Как судия Лифостротона Даёт лавровый свой венец. «Прими! Мой д о л г о ж д а н н ы й сыне, Освободись ненужных пут, Иначе славящие ныне Тебе иное поднесут» («*Внимая Божьему веленью…*»).

ДОЛЬНИЙ

Мір. И грустит под Полярной звездой Д о л ь н и й мір и в погибель несётся... «Первый мір был потоплен водой, А второй для огня бережётся» («*Пожалей, дорогой, пожалей…*»).

ДОРОГОЙ, –ие

Други. И опускаю руки В невыносимый час, Да, д о р о г и е други, Я не святее вас («*И обошли стороною…*»).

ДРОЖАЩИЙ, –ая

Звезда. И звёзды, сотрясаясь, ниспадут, И будет ужас и тоска в народе... Не потому ль д р о ж а щ у ю звезду, Уединясь, ищу на небосводе? («*И вижу в окровавленной луне...*»).

Роса. Любое отраженье – искажение, Любое осуждение – не суд... Не разрывайте Истину на мнения, Взгляните на д р о ж а щ у ю росу («*Не разрывайте Истину на мнения…*»).

ДРУЖНЫЙ, –ая

Семья. Не миновать войны и гроз, Пока живём *единым хлебом*. Мне по душе страна берёз: Вон как берёзы рвутся к небу! Земная ширь им ни к чему, Растут одной семьёю д р у ж н о й, Избрали свет, и потому Им воевать совсем не нужно (*Страна берёз*).

ДРЯХЛЫЙ, –ая

Душа. Всё происходит в сокровенном, Не годы, а душа виной. О, сколько юных и растленных С душою д р я х л о й и больной! («*И знают – жизнь не безконечна…*»).

▫ ДУХОНОСНЫЙ, –ая

Лазурь. Цвета, любимые доселе, Причина тишины и бурь, – Жизнеликующая зелень И д у х о н о с н а я лазурь («*Цвет голубой и цвет зелёный…*»).

ДУШЕВНЫЙ, –ая, –ые

Беседа. Вечерами кто-то в гости приходил
И душевные беседы заводил. Керосиновая
лампа – светел дом! Мужики и бабы за столом
(*Руская печка*).

Тьма. В твоём сердце молитва святая Разгоняет
душевную тьму. Может, скоро и я, все оставив,
Помолясь, посох в руки возьму («*Уже вечер, друзья, уже вечер...*»).

Увечья. Смеяться бы, да не смешно: Гнетут
душевные увечья. Мір перевёрнут, и на дно
Ведут высоты человечьи (*Человеческое*).

ДУШЕРАЗДИРАЮЩИЙ

Портрет. И глядит на мать немым укором Душераздирающий портрет (Портрет).

ДУШИСТЫЙ, –ая

Повилика. Мой подарок будет невеликим.
Положу тебе я на колени Не охапку розовой сирени, А цветы душистой повилики (*Повилика*).

Е

ЕГИПЕТСКИЙ, –ая

Тьма. Похоже, осень возвратилась, Последний снег прибрал туман. И ночь на землю опустилась, Не ночь – е г и п е т с к а я тьма! («*Похоже, осень возвратилась…*»).

ЕДИНСТВЕННЫЙ

Друг. Радость моя, наступает пора покаянная, Радость моя, запожарилась осень вокруг. Нет ничего на земле постоянного, Радость моя, мой е д и н с т в е н н ы й друг («*Радость моя, наступает пора покаянная…*»).

Слушатель. …Ты что ж натворила, пичуга? Приникнув к стволу головой, Рыдал, как последний пьянчуга, Е д и н с т в е н н ы й слушатель твой… («*Луна обречённо скиталась…*»).

Ж

ЖАЛКИЙ

Луч. Определенье выше всяких Истин? Оборотись, прельщённый, на сады. Цена садам – не бормотанье листьев, А дерева гнетущие плоды. Но он не внемлет. Сам себе дивится: Опять в мечтах куда-то унесло. И ж а л к и й луч, пронзающий темницу, Слепит его безумное чело («*Надменный разум к Истине стремится…*»).

Свет. О тишина! О мрак Богопознанья, Затмивший ж а л к и й человечий свет. Истаял я от Твоего дыханья И изнемог: Тебя уж боле нет («*Хочу молчать, за всех и вся смиряясь...*»).

❖ **ЖАЛОБНО**

Чадили. Две головешки ж а л о б н о чадили, Но люди торопливо проходили. Вдруг налетел случайный ветерок, Взметнулись искры, ожил огонёк, И путник одинокий отогрел Озябшие ладони на костре («*Две головешки жалобно чадили…*»).

ЖГУЧИЙ, –ие

Шипы. О роза, роза – сладость соловью, Вид неприступный остужает пыл. Торжественную царственность твою Зачёркивают ж г у ч и е шипы («*Обилие цветений полевых...*»).

ЖЕЛАННЫЙ

Дом. Утешенье! На кругу земном Сквозь мои просачивалось пальцы. Дом печали, мой ж е л а н н ы й дом, Принимал меня как постояльца («*Тридцать семь – хорошее число...*»).

Свет. Она [звезда] дрожит, пока ещё дрожит, Ж е л а н н ы й свет бросая пешеходу... О, сколько мрака на земле и лжи, Что Божий гнев коснётся небосвода («*И вижу в окровавленной луне...*»).

ЖЕСТОКИЙ, –ая, –ое

Нация. ○ ***Жестока.*** Без Бога нация – толпа, Объединённая пороком. Или слепа, или глупа, Иль, что ещё страшней, ж е с т о к а («*Без Бога нация – толпа…*»).

Оцепленье. Вели невинных убивать В ж е с т о к о м оцепленьи. Кричали, кто хотел кричать, Крик был сопротивленьем. Мужчины принимали Крест В молчаньи, а старухам – Хоть слабый, всё-таки протест, Пусть не от силы духа («*Вели невинных убивать...*»).

Февраль. ○ ***Жесток.*** Февраль лютует, вьюгами ж е с т о к, Но иногда и мóкреть напускает, Подво-

дит зиму к лету на денёк И Симеону Господа вручает («*А про́синец известен как январь...*»).

ЖЕСТОКОСЕРДЫЙ

Мір. ○ ***Жестокосерд.*** Но вот убитую лисицу Увидел на чужих санях. И что-то в міре изменилось, Как будто солнышко зашло. – За что её? Чем провинилась? – Давился горюшком без слов. И всё глядел на бедолагу (Большущий хвост, а кончик сед) И, может быть, впервые плакал, Узнав, что мір ж е с т о к о с е р д (*Лисичка*).

ЖЁЛТЫЙ, –ая

Смородина. Ж ё л т а я смородина потянется Ветками в раскрытое окно. Всё худое где-то там останется, Светлое останется со мной («*В отчем доме, старом и заброшенном…*»).

ЖИВОЙ, –ая, –ое, –ые

Всё. Листопада сокрытая боль Под покровом зимы затихает... За тебя, дорогой, и с тобой Всё ж и в о е, томясь, воздыхает («*Пожалей, дорогой, пожалей…*»).

Древо. О Древо Вечное, Ж и в о е! Источник мой, дышу мольбой, Чтоб отпадающей листвою Не оказаться пред Тобой («*Когда вода самозамкнётся...*»).

Душа. И только звон, далёкий звон Ж и в о й душе прибавит сил. Как он похож на тихий

стон Нас покидающей Руси! (*Васильки*). ○ ***Жива.*** И в Храме, пред иконой строгой, Склоняюсь, позабыв слова... И вновь я не отринут Богом, И вновь душа моя ж и в а («*Уже не жажду исцеленья…*»).

Огонёк. Гони кручину, призывая Бога, Оставь отражение-тоску, Под небом звёздным лунною дорогой Плыви к тому ж и в о м у огоньку («*И Млечный Путь, и кроткий полумесяц…*»).

Проповедники. ○ ***Живы.*** Белые Церкви светлеются издали, Благовествуя о мире ином. Ж и в ы ещё проповедники Истины, Радость моя, не скорби ни о чём («*Радость моя, наступает пора покаянная…*»).

Роса. Туман, туман, туман, и ты не вечен, Ещё чуть-чуть – растаешь, отдымишь. Не потому ли в благодатный вечер Росой ж и в о ю на листах дрожишь? (*Туман*).

Русь. ○ ***Жива.*** Странники стоят, Молится народ. Русь ещё ж и в а, Русь ещё поёт: – Господи, помилуй («*Колокольный звон...*»).

Уста. А на этой земле никому не успеть, Богатящийся много оставит. Ублажаю тебя, сотаи́нница Смерть, Ублажаю ж и в ы м и устами («*А на этой земле никому не успеть…*»)

Цветы. Что́ красота ж и в ы х цветов, Когда приходит лихолетье? Не зря цветенье без плодов Зовут в народе пустоцветьем (*Роза*).

Язык. Пишу стихи, отыскивая слово В устах пророка или ямщика: За Библией лежит словарь

толковый Великого живого языка («*Пишу стихи, отыскивая слово...*»).

ЖИВОТВОРЯЩИЙ

Крест. Уже огонь по избам и полям, Одну рябину вресень оставляет. Сентябрь дарует міру Мариам И Крест Животворящий воздвигает («*А про́синец известен как январь...*»).

▫ ЖИЗНЕЛИКУЮЩИЙ, –ая

Зелень. Цвета, любимые доселе, Причина тишины и бурь, – Жизнеликующая зелень И духоносная лазурь («*Цвет голубой и цвет зелёный…*»).

ЖУРАВЛИНЫЙ

Клин. О, сколько ты в себя вместила! И грусть немереных равнин, И причитанья у могилок, И сирый журавлиный клин (*Росія*).

ЖУТКИЙ

Крик. ○ ***Жуток.*** Как жуток ты, беззвучный крик! Ужель и он простится?.. И жмутся к матери внутри, Не зная: мать – убийца! («*Вели невинных убивать...*»).

ЖУХЛЫЙ, –ая

Листва. На кладбище покойно и привольно, Не будит думы отрешённый звук. Осколок

лунный возле колокольни Стрижёт на землю ж у х л у ю листву («*На кладбище покойно и привольно…*»).

Трава. А в ночь, когда плывёт пороша, Скрывая ж у х л у ю траву, Устану я в полях и рощах Искать, где приклонить главу («*Пробил мой час...*»).

З

ЗАБЛУДШИЙ, –ая

Дочь. Порою снятся Царские Чертоги, Плоды садов, цветов благоуханье, Одежды белые, Любовь Отца, Который ждёт и ныне возвращенья Своей заблудшей дочери. Аминь («*Прекрасен мір, зело-зело прекрасен*!..»).

ЗАБРОШЕННЫЙ

Дом. □ В отчем доме, старом и заброшенном, Сяду у окна, уединюсь, Напитаю душу словом Божиим, Предрассветной тишиной напьюсь («*В отчем доме, старом и заброшенном…*»).

ЗАБЫТЫЙ, –ые

Край. За родником – белый Храм, Кладбище старое. Этот забытый край Русь нам оставила (*Родник*).

Места. □ Служит Богу весь подлунный мір, Тихий лес над спящею рекой. О места, забытые людьми, Лобызаю дивный ваш покой («*Слава Богу, снова я один…*»).

Мотив. Земля от весны заболела. От сырости – лужи и грязь. Но птица какая-то пела, Меж мокрых ветвей затаясь. И я, это пенье услышав, Не в силах поверить ушам, Скорее увериться вышел, Как чья-то ликует душа. Мотив незатейливый, милый, З а б ы т ы й, немодный, простой… Но что-то тотчас защемило В душе моей тяжко-пустой («*Луна обречённо скиталась…*»).

Народ. Снег идёт! Сколько мира в глаголах! Не тревожься, з а б ы т ы й народ: Славоснежие в замерших сёлах Упование свыше несёт (*Снег идёт!*).

Скит. Ни ветерка, ни звука, ни души. Снега, снега повсюду под луною. З а б ы т ы й скит. Свеча в окне дрожит. Следы зверей, ещё не зримых мною («*Святая ночь! Блаженство и покой!..*»).

ЗАДРИПАННЫЙ, –ые

Клячонки. Я учился мужеству не у людей. Я учился мужеству у лошадей. Знаете, таких з а д р и п а н н ы х клячонок! Им хребты ломают каждый день, Раздирают губы каждый день, А они храпят лишь обречённо, Но идут навстречу борозде! («*Я учился мужеству не у людей…*»).

ЗАДУМЧИВЫЙ

Вид. Почему так меня растревожил Твой блаженный, з а д у м ч и в ы й вид? («*Уже вечер, друзья, уже вечер...*»).

❖ **ЗАЖИВО**

Не похоронен. Спас Господь! Не похоронен заживо, Лёд сошёл, и отпустило дно. И сижу, переживая заново Жизнь свою сквозь отчее окно («*В отчем доме, старом и заброшенном…*»).

ЗАЗДРАВНЫЙ, –ая

Песня. Чудо-Косово. Райская цветь. Что сказать мне в своё оправданье? Жаждал песню заздравную спеть, Да душа в погребальном рыданьи! (*У поля Косова*).

❖ **ЗАЗЫВНО**

Светит. Забыв о вёслах, погрузился в думы, Головушку руками обхватив. В дорожке лунной чёлн застыл безшумно – Знать, не к кому и незачем грести. Иль не тебе сейчас зазывно светит Огнями одинокое жильё? Но он глядит не на красоты эти, А в отраженье чёрное своё («*И Млечный Путь, и кроткий полумесяц…*»).

ЗАМЕРШИЙ, –ие

Лист. В торжественную пору увяданья – Величие безгрешности кругом... И, постигая тайны мирозданья, Склоняюсь перед замершим листом («*На кладбище покойно и привольно…*»).

Сёла. Снег идёт! Сколько мира в глаголах! Не тревожься, забытый народ: Славоснежие в замершихсёлах Упование свыше несёт (*Снег идёт!*).

ЗАМОРДОВАННЫЙ

Народ. Мой замордованный народ! Печальна полоса невзгод, Прискорбна общая разруха, Но страшно поруганье духа! (*Народу!*).

ЗАМОРСКИЙ, –ая, –ие

Даль. Потом пришлось мне побывать за морем, Увидеть красоту заморской дали, Но я уже смотрел, не восторгаясь: Насытился красотами земными. Но Небом я ещё не надышался, И до сих пор, и до сих пор, как в детстве, Люблю смотреть на звёзды и лазурь («*Прекрасен мір, зело-зело прекрасен!..*»).

Страны. Из заморских стран едут нехристи И с собой везут нравы срамные. Всем заморским Русь заполóнили, Так что духу нет православного («*Матушка Добрынюшке наказывала...*»).

ЗАОБЛАЧНЫЙ, –ые

Выси. Я и не тёк в заоблачные выси – И на земле не всякий устоит. Шёл напрямик, а ежели разбился, Надеюсь, что Господь меня простит («*Как я стремился к иноческой доле!..*»).

ЗАПОВЕДНЫЙ, –ые

Места. Прослыву на міру нелюдимым, угрюмым и гордым, Схоронясь ото всех в заповедных пустынных местах. Коль нельзя без молвы,

именуйте меня кем угодно, Оправданья излишни, зачем, всё понятно и так («*Прослыву на міру нелюдимым, угрюмым и гордым…*»).

ЗАПРЕТНЫЙ, –ая

Высь. О богослов, в запретной выси роясь, За мудрованье Царства не лишись. ...Кто после Правды продолжает поиск, Тот ищет лжи («*Любая крайность – в пагубу дорога...*»).

ЗАСЕРЕБРЁННЫЙ

Лес. Не день, а сказка! Солнце и лазурь! Блистанье снега непосильно оку! В засеребрённом царственном лесу Всё светится поэзией высокой (*Прогулка*).

ЗАСНЕЖЕННЫЙ, –ая

Ветка. Всё добро, если совесть чиста! Погляжу, прикоснусь – не сорву! …Пред заснеженной веткой куста Благодарно склоняю главу («*Ни забот, ни печали, ни дум…*»).

ЗАПЫЛЕННЫЙ

Скиталец. Я к вам приду от северных земель Запы́ленным, неузнанным скитальцем. Ничто мне не напомнит о зиме, В которой я не захотел остаться («*Я к вам приду от северных земель…*»).

ЗВЁЗДНЫЙ, –ая, –ое, –ые

Дрожь. Лунное око в ночи Смотрит на звёздную дрожь. Что ж ты молчишь? Что ж ты молчишь? Родина, что ж не поёшь? («*Лунное око в ночи…*»).

Небо. Гони кручину, призывая Бога, Остави отражение-тоску, Под небом звёздным лунною дорогой Плыви к тому живому огоньку («*И Млечный Путь, и кроткий полумесяц…*»).

Осколки. Ночь сегодня так ясна, Хоть ищи иголки. Ветер, полная луна, Звёздные осколки («*Ночь сегодня так ясна...*»).

Праздник. И окончится звёздный праздник Под ногами зевак и растяп. И захаркают лужи грязью, За раздавленный месяц мстя («*Ах, оставьте, не нужно тревожить...*»).

Псалом. Ряды деревьев чернецами Внимали звёздному псалму (*Молитва*).

Соль. И я бегу на улицу босой. В мои глаза созвездия летят. И звёздную отбористую соль Хочу собрать с зелёного ломтя! («*Горит звезда над головою клёна…*»).

ЗВОНКИЙ, –ие

Гусли. Матушка Добрынюшке наказывала, Государыня Добрынюшке наговаривала: – Ой ты сын мой любезный, свет Дементьевич, Что повесил, кручинясь, буйну голову? Ты бы взял в свои ручки белые Гусли звонкие, сладкогласные.

Стал бы петь да потряхивать кудрями, Да меня потешать, матерь старую («*Матушка Добрынюшке наказывала...*»).

ЗЕЛЁНЫЙ, –ая

Ломоть. И я бегу на улицу босой. В мои глаза созвездия летят. И звёздную отбористую соль Хочу собрать с зелёного ломтя! («*Горит звезда над головою клёна…*»).

Трава. Белоснежные розы С белой ночью в родстве. Голубые стрекозы На зелёной траве! (*Лето красное*!). Пора пожаров над травой зелёной, Огни с ветвей безропотно летят. Здесь не бывает грусти просветлённой, Здесь до единой все кровоточат (*Осиновая роща*).

Цвет. Цвет голубой и цвет зелёный: Что боле радости виной? Иль тот небесный, отдалённый, Иль этот близкий нам, земной? («*Цвет голубой и цвет зелёный…*»).

ЗЕМНОЙ, –ая, –ое, –ые

Воплощенье красоты. Земное воплощенье чистоты, Дыханье вод, божественный цветок. О лилия! Благословенна ты: Из всех цветов тебя возвысил Бог («*Земное воплощенье чистоты...*»).

Краски. Внимая Божьему веленью, Его Десницей одарён, Поэт приходит на мученья В земной удел – Лифостротон. Не воспевать земные краски, Не восхвалять мятежный путь, – Боренью

ночи Гефсиманской Открыть в уединеньи грудь («*Внимая Божьему веленью…*»).

Красоты. Потом пришлось мне побывать за морем, Увидеть красоту заморской дали, Но я уже смотрел, не восторгаясь: Насытился красотами земными. Но Небом я ещё не надышался, И до сих пор, и до сих пор, как в детстве, Люблю смотреть на звёзды и лазурь («*Прекрасен мір, зело-зело прекрасен!..*»).

Круг. Утешенье! На кругу земном Сквозь мои просачивалось пальцы. Дом печали, мой желанный дом, Принимал меня, как постояльца («*Тридцать семь – хорошее число...*»).

Народы. Пред тобою враги, яко дым – Новоросія! Свет надежды народам земным – Новоросія! (*Гимн Новоросіи*).

Путь. Росія – Свет! Росія – Предстоянье! И Грех, и Плен, и всё же – Божий Дом. Росія – Православное дыханье, Препона плоти на пути земном («*Росія – Свет*!..»).

Рай. Я пресытился раем земным, Надышался красотами всласть. И душа исстрадалась одним: В этом рае так просто пропасть («*Я пойду, где стоят корабли...*»).

Счастье (счастие). Земное счастье – в доме детский смех. О, если б душегубство прекратили! Но вопиет на Небо страшный грех, А все живут, как белены хватили («*Земное счастье – в доме детский смех...*»). Длиною с детство счастие земное,

Пройдёт оно – и каждый станет сир… А яблони, посаженные мною, Так разрослись!.. Им тесен детский мір (*Яблони детства*).

Удел. Внимая Божьему веленью, Его Десницей одарён, Поэт приходит на мученья В земной удел – Лифостротон («*Внимая Божьему велению…*»).

Цвет. □ Цвет голубой и цвет зелёный: Что боле радости виной? Иль тот небесный, отдалённый, Иль этот близкий нам, земной? («*Цвет голубой и цвет зелёный…*»).

Ширь. Не миновать войны и гроз, Пока живём *единым хлебом*. Мне по душе страна берёз: Вон как берёзы рвутся к небу! Земная ширь им ни к чему, Растут одной семьёю дружной, Избрали свет, и потому Им воевать совсем не нужно (*Страна берёз*).

Юдоль. Отовсюду печаль, отовсюду томление, И рождается в муках дитя, вопия. О земная юдоль, о купель очищения, Смертоносна без Господа горечь твоя! («*Если б я не познал тайну Богообщения…*»).

ЗЛАТОЙ, –ая

Верста. Ещё февраль чистейшей манной Голубит землю пред постом, Но март лазурью трисиянной Напомнит всем о Дне Святом. Загадка руская простая: Раскинут мост да на семь вёрст.

В конце моста верста з л а т а я – Ведёт к седмице Света пост («*Ещё февраль чистейшей манной...*»).

ЗЛОЙ, –ые

Лица. Как холодно! И нечего надеть. Пронизывают ветры – не укрыться. И впереди – неужто только смерть И эти з л ы е неземные лица? («*Какая ширь, и некуда бежать…*»).

❖ **ЗЛОРАДНО**

Волокут. Плоть ликует. Дух уничижён, Суета перечеркнула Вечность. И страну десницею чужой Волокут з л о р а д н о на увечья («*Сеем рожь, а косим лебеду…*»).

ЗНАМЕНИТЫЙ

Звонарь. А звонарь з н а м е н и т ы й Навевает звоном грусть, Разве ты была убита, О моя Святая Русь? («*Отложим попечение...*»).

ЗОЛОТОЙ, –ые

Бубенцы. Дерева́ предчувствуют, наверное, Жаль и ради Праздника губить. Не сломаю вербочку на Вербное: Как же ей до Пасхи не дожить? Прошепчу молитву освящения З о л о т ы м, пушистым бубенцам И водой Великого Крещения Окроплю в честь каждого Лица (*Вербочка*).

Кресты. Затосковали деревья безправные, В ризах растерзанных гибели ждут. Лишь золотые Кресты православные, Радость моя, нас в безсмертье зовут («*Радость моя, наступает пора покаянная…*»).

Омофор. Что во имя своё сотворил – безпощадно порушу И, восстав поутру, побреду, умаляя молву. Золотым омофором молитвы окутаю душу, Огнезрачным венцом покаянья украшу главу («*Что во имя своё сотворил – безпощадно порушу...*»).

Поток. Радость моя, эта суетность грешная Даже на паперть швыряет листы. Но возжелали покоя нездешнего Белые Церкви, святые Кресты. Их не прельщают купюры фальшивые, Не привлекает поток золотой, Нужно ли Вам это золото лживое, Вам, лобызающим вечный покой? («*Радость моя, наступает пора покаянная…*»).

Стрекозы. Лето красное! Гро́зы Гонят сон деревень. Золотые стрекозы Над рекой целый день. То к воде припадают, Искры гасят крылом, То внезапно взлетают И висят над веслом («*Лето красное!..*»).

ЗРЕЛЫЙ

Виноград. Что впереди? Цветущий сад Иль пепелище вместо дома? Да был ли зрелым виноград, Когда во рту одна оскома? (*Будущее*).

❖ **ЗРИМО**

Сопутствуй. ❖ Ликуй, посланец, бормочи мне что-то, Сопутствуй з р и м о, вместе веселей. Лесной тропинкой выйдем на болото Благословить летящих журавлей… (*Дождик*).

ЗРИМЫЙ, –ая

Благодать. Застыла Церковь Благодатью з р и м о й И слушает тревогу дубняка. Её Кресты стоят неколебимо – О, если б так стояли и века! («*Ветра, ветра! Куда вы поскакали?..*»).

ЗЫБКИЙ, –ие

Листы. О лилия! Благословенна ты: Из всех цветов тебя возвысил Бог. <…> Невинность, непорочность – всепокой. Мой белый цвет, склоняюсь над тобой. Ты беззащитна пред любой рукой, Доверясь, как дитя, руке любой! Я отплываю молча, не дыша, Веслом волнуя з ы б к и е листы. Хвала Творцу! Жива моя душа, Пока ещё взыскует чистоты («*Земное воплощенье чистоты...*»).

И

ИЗБРАННЫЙ, –ые

Персты. И если Бог святую лиру В персты и з б р а н н ы е вложил, Не оскверни служеньем міру – Ему, Единому, служи («*Блажен, кто Истину не продал*...»).

ИЗВЕСТНЫЙ, –ые

Лицедей. А человек – и з в е с т н ы й лицедей, Какую только маску не напялит! Сегодня добрый, завтра он злодей – И сам доволен, и другие хвалят («*Красивости не терпит Красота*...»).

Льстец. Но здесь известные препоны Чинит ему и з в е с т н ы й льстец: Как судия Лифостротона Даёт лавровый свой венец. – «Прими! Мой долгожданный сыне, Освободись ненужных пут, Иначе славящие ныне Тебе иное поднесут» («*Внимая Божьему веленью*…»).

Препоны. (*Там же*).

ИЗВЕЧНЫЙ

Закон. Идущим в пропасть оправданья нет,

Закон извечный разумеет всяк: Свет просвещает возлюбивших Свет, Мрак поглощает возлюбивших Мрак (*Два пути*).

ИЗЛИШНИЙ, –яя, –ее

Любовь. ○ ***Излишня.*** Я любви к живому не нарушу. Жизнь свою любовью окрылив, Обнажаю голову и душу Перед вашей скорбью, журавли. Только вам любовь моя излишня. И стою, отчаявшись понять: Как же так? Ну как же это вышло, Что и вы летите от меня? («*Я любви к живому не нарушу…*»).

Око. ○ ***Излишне.*** А в Царстве Света чувства не нужны: Всё внешнее существенно до срока. И здесь, когда коснёмся тишины, Излишни слух, язык и даже око. Сие дано пособием для нас, Чтоб внутреннее внешним постигали, Чтоб слушали немолчный Божий глас И душу, как дитя, оберегали («*А в Царстве Света чувства не нужны...*»).

Слух. ○ ***Излишен.*** (*Там же*).

Язык. ○ ***Излишен.*** (*Там же*).

ИСКАЛЕЧЕННЫЙ, –ые

Родники. …Спите, лужи. Обиды в прошлом. Блеск и гладь, хоть неси коньки. Спите, спите до первой подошвы, Искалеченные родники («*Ах, оставьте, не нужно тревожить...*»).

ИСКУСНЫЙ, –ое

Сомненье. ○ ***Искусно.*** Сомненье – чадо маловерья. Оно искусно в словопреньи, Оно внушает велегласно, Что все старания напрасны... («*Сомненье – чадо маловерья*…»).

ИСПОВЕДАЛЬНЫЙ

Лад. И этот свежий дух Обобранного сада, И запах от костров Картофельной ботвы. Исповедальный лад Ночного листопада Доверен бытию опятовой братвы («*Хочу в последний раз...*»).

ИСТИННЫЙ, –ая, –ые

Свобода. Безстрастие – удел немногих, Познай, зовущий в никуда: Свобода истинная в Боге, Она – Христом и для Христа! («*Блажен, кто Истину не продал...*»).

Сыновья. Ду́ши не пачкают лестью Истинные сыновья. Если Росія в безчестьи – Что там известность твоя! Все за Отчизну в ответе, Всем за неё воздадут. Если кругом лихолетье – Что наш покой и уют! («*Ду́ши не пачкают лестью*…»).

ИЮЛЬСКИЙ, –ая

Трава. А помню, в детстве… лягу на пригорок И в небеса гляжу, гляжу, гляжу! Лазурь, лазурь! Не мог налюбоваться! Душа моя парила наяву! И так боялся в облака сорваться – Цеплялся за июльскую траву (*Из детства*).

К

КАИНОВ, –а

Гордость. Какие неуютные края! Язычество и каинова гордость. Земля моя, ты, как душа моя, Таишь и благодать, и безысходность («*Какая ширь, и некуда бежать…*»).

КЕРОСИНОВЫЙ, –ая

Лампа. Вечерами кто-то в гости приходил И душевные беседы заводил. Керосиновая лампа – светел дом! Мужики и бабы за столом (*Руская печка*).

КЛЕЙМЁНЫЙ, –ые

Листочки. И пишет осень паутинной строчкой: Настанет день – последний отпадёт. И так дрожат клеймёные листочки, Что я винюсь за человечий род (*Осиновая роща*).

КЛЕНОВЫЙ, –ые

Слёзы. Прозрев необратимо поздно, Что лето зеленело зря, Кленовые роняя слёзы, Молилась полночь октября (*Молитва*).

КОЛОДЕЗНЫЙ, –ая

Вода. Как жаждет изнывающий от солнца Водою освежиться за труды. Но брызгам долгожданного колодца Не заменить колодезной воды («*Не разрывайте Истину на мнения…*»).

КОЛОКОЛЬНЫЙ

Звон. Звон колокольный летит сквозь столетия, Встретим же в Храме молитвенный час! Радость моя, мы с тобой не заметили: Осень уже за порогом у нас («*Радость моя, наступает пора покаянная…*»).

КОМАРИНЫЙ, –ое

Пенье. Лето красное – чудо! В одуванчиках луг. Разноцветье повсюду, Славословье вокруг. Соловьиное бденье Нам о Рае гласит. Комариное пенье О грехе говорит (*Лето красное!*).

КОМНАТНЫЙ

Цветок. О воспитании короткий стих. Во многих семьях видывали часто: Сдувают пыль с наследников своих, Растят пустых, никчёмных и несчастных. И говорили, но слова не впрок, Что первым гибнет комнатный цветок («*О воспитании короткий стих...*»).

КОРОТКИЙ, –ие

Дни. ○ ***Коротки.*** Неясен грудень, сумрачен

зело, Дни коротки, печалится синица. Но и ноябрь не пасмурит чело, Когда ведёт во Храм Отроковицу («*А про́синец известен как январь...*»).

Стих. О воспитании короткий стих. Во многих семьях видывали часто: Сдувают пыль с наследников своих, Растят пустых, никчёмных и несчастных. («*О воспитании короткий стих...*»).

КОСНЫЙ

Язык. ○ ***Косен.*** Язык мой косен. Спутаны напевы, Любое слово ложью отдаёт. Обвисли чётки безнадёжно в левой, Но сердце чует, знает Твой приход («*Хочу молчать, за всех и вся смиряясь...*»).

КРАСИВЫЙ, –ая

Жизнь. Всё, что нужно для гибели, дали – Ящик бесится в красном углу. Да красивую жизнь показали – Пей, блуди и садись на иглу («*Лучше сяду, но в стойло не встану!..*»).

КРАСНЫЙ, –ое

Лето. Лето красное! Гро́зы Гонят сон деревень. Золотые стрекозы Над рекой целый день (*Лето красное!*).

Угол. Всё, что нужно для гибели, дали – Ящик бесится в красном углу. Да красивую жизнь показали – Пей, блуди и садись на иглу («*Лучше сяду, но в стойло не* встану*!..*»).

КРЕСТНЫЙ

Ход. Поэт – кто, суету отбросив, Перечеркнёт плотско́е «Я». Поэт – всегда хоругвеносец На крестном ходе бытия («*Блажен, кто Истину не продал...*»).

КРЕЩЕНСКИЙ, –ая

Вода. Окропить бы Крещенской водой Одержимых безудержной корчью. Русь моя! Боль моя! Что с тобой? Кто навёл эту тяжкую порчу? («*Дорогие мои, это всё!..*»).

КРОВАВЫЙ, –ая, –ые

Вавилон. И с небеси явися Ангел ин, И землю просвети своею славой. И возопи: – Паде кромешный сын, Паде великий Вавилон кровавый… (*Глаголы вещие*).

Идол. Права! Права! Кровавый идол, Как встарь, младенцами питается, Но окровавленного вида Ни стар, ни мал не ужасается (*Право выбора*).

Повязки. Я вызвал нарекание в народе То чётками, то лирой на груди. Но шёл, как мог, и при любой погоде Святошам всё равно б не угодил. Не мерил героические маски И грешен тем, что, на свою ж беду, Кровавые и гнойные повязки Стирал у проходящих на виду («*При слове "сорок" что-то оборвалось…*»).

Пот. О Боже мой, я весь – проказа! Целуя Твой кровавый пот, Гвоздиные целуя язвы, Рыдаю горько, аки Пётр («*Прибит на Крест моей неправдой…*»).

Слеза. Я старался держать по прямой, Невзирая на сложность пути. И таранил подчас головой То, что было б легко обойти. И не знал, не хотел, не умел, Как порою поладить с собой: Иль солёным столпом каменел, Или плакал кровавой слезой («*Я пойду, где стоят корабли...*»).

КРОМЕШНЫЙ, –ая

Ад. И если мір отвержется спасенья, Подвигнется с мечом, как на парад, Нам со Христом и смерть – приобретенье! Им без Христа и жизнь – кромешный ад! («*Росія – Свет!..*»).

Мгла. Вьюга ноет, тоскливо так ноет... Надоела кромешная мгла, Что от Ноя, библейского Ноя Между мной и Тобой пролегла! («*Вьюга ноет, тоскливо так ноет…*»).

Мрак. Слишком рано выстрадал ответ, Не изгнав мучительную жажду. И кромешный мрак, и Чистый Свет Довелось увидеть не однажды («*Тридцать семь – хорошее число...*»).

Сын. И с небеси явися Ангел ин, И землю просвети своею славой. И возопи: – Паде кромешный сын, Паде великий Вавилон кровавый… (*Глаголы вещие*).

Тьма. Матушка Добрынюшке наказывала, Государыня Добрынюшке наговаривала: – Ох и глупый ты сын, свет Дементьевич, Не набрался поди уму-разуму. Не пришла ещё ночка тёмная, Ночка тёмная, тьма кромешная. Есть ещё на земле сыны рускіе, Православную веру хранящие («*Матушка Добрынюшке наказывала...*»).

КРОТКИЙ

Полумесяц. И Млечный Путь, и кроткий полумесяц, И звёзды, и вода, и эта тишь. Всё хорошо, что ж кормчий наш невесел? Душе́ моя, душе́, и ты молчишь («*И Млечный Путь, и кроткий полумесяц…*»).

❖ **КУПНО**

Жить. Общенье – тоже утешенье: В садах Господних купно жить. И, затворясь в уединеньи, Мы начинаем всех любить. За то, что на себя похожи, За то, что любят привечать, За то, что носят образ Божий, За то, что учатся прощать («*Общенье – тоже утешенье...*»).

КУРИНЫЙ, –ые

Мозги. И задирают клювы и хвосты, И квохчут оголтело под ногами. Наседка во пророках – код? – кады? Хорош пророк с куриными мозгами! (*Наседкам*).

ЛАЗУРНЫЙ, –ое

Слово. Росія – л а з у р н о е слово, Свечение Вести Благой, Последняя пристань Христова, И нет во Вселенной другой (*Росія*).

ЛГУЩИЙ

Пророк. Совсем не падает лежащий И вообще безгрешен спящий... Остановись, пророче л г у щ и й! Одна есть Правда – Правда свыше... (*Сомненье – чадо маловерья…*»).

❖ **ЛЕГКО**

Дышать. Δ Словно в сказке иль во сне – Так л е г к о дышать! Чистый воздух, чистый снег, Чистая душа! (*Пред Рождеством*).

Обойти. Я старался держать по прямой, Невзирая на сложность пути. И таранил подчас головой То, что было б л е г к о обойти. И не знал, не хотел, не умел, Как порою поладить с собой: Иль солёным столпом каменел, Или плакал кровавой слезой («*Я пойду, где стоят корабли...*»).

ЛЕДЯНОЙ, –ые

Чётки. Сосны клонят головы свои, Совершая воздеянье рук, И перебирают в забытьи Чётки ледяные на ветру («*Слава Богу, снова я один*…»).

ЛЕСНОЙ, –ая

Тропинка. Ликуй, посланец, бормочи мне что-то, Сопутствуй зримо, вместе веселей. Лесной тропинкой выйдем на болото Благословить летящих журавлей… (*Дождик*).

ЛЖИВЫЙ, –ое, –ые

Глаголющие. ○ ***Лживы.*** Когда глаголющие лживы, Когда все силы – для наживы, Когда забыто благородство, Когда любуются уродством, Когда в чести самцы и самки, А целомудрие на свалке, Когда содомляне вещают И нормой срам провозглашают, Когда священное обрыдло, Тогда ты не народ, а быдло! (*Народу!*).

Золото. Радость моя, эта суетность грешная Даже на паперть швыряет листы. Но возжелали покоя нездешнего Белые Церкви, святые Кресты. Их не прельщают купюры фальшивые, Не привлекает поток золотой, Нужно ли Вам это золото лживое, Вам, лобызающим вечный покой? («*Радость моя, наступает пора покаянная*…»).

ЛИВЕНЬ, –ни

◙ **Дожди-ливни.** А месяц рос, как на дрож-

жах. Единый вид ему наскучил: То он серпом созвездья жал, То долькой зависал над тучей. С дождями-ливнями полнел… («*А месяц рос, как на дрожжах…*»).

ЛИКУЮЩИЙ, –ие

Сады. Не долго будут красоваться в белом Ликующие майские сады… *Не старый умирает, а поспелый* – Нам говорят весенние цветы («*Не долго будут красоваться в белом…*»).

❖ **ЛУКАВО**

Живущий. Рече Господь: *Светильник телу око.* Воистину – Аминь! Аминь! Аминь! Живущему лукаво мало проку В обилии намоленных Святынь («*Рече Господь: Светильник телу око...*»).

Прикрывать. Я вызвал нарекание в народе То чётками, то лирой на груди. Но шёл, как мог, и при любой погоде Святошам всё равно б не угодил. Не мерил героические маски И грешен тем, что, на свою ж беду, Кровавые и гнойные повязки Стирал у проходящих на виду. Здесь что-то от ущербности? Вы правы. Но лучше в поношеньи пребывать, Чем смрад и гной тщеславно и лукаво Нарядною рубахой прикрывать («*При слове "сорок» что-то оборвалось…*»).

ЛУКАВЫЙ, –ые

Старцы. И лукавых старцев лицезреть

Во святых обителях случалось. Где была тогда подруга-смерть, Что ж тогда некстати затерялась? («*Тридцать семь – хорошее число...*»).

ЛУННЫЙ, –ая, – ое

Воздух. Лунный воздух и млечную сыпь Вобрала, засветясь золочёным, Обречённая капля росы На последнем листе обрёченном («*Пожалей, дорогой, пожалей…*»).

Дорога. Гони кручину, призывая Бога, Остави отражение-тоску, Под небом звёздным лунною дорогой Плыви к тому живому огоньку («*И Млечный Путь, и кроткий полумесяц…*»).

Дорожка. Забыв о вёслах, погрузился в думы, Головушку руками обхватив. В дорожке лунной чёлн застыл безшумно – Знать, не к кому и незачем грести (*Там же*).

Ночь. Ещё любил морозной лунной ночью Встать под берёзой и глядеть на Небо. О Небо, Небо! Что́ мы без тебя? («*Прекрасен мір, зело-зело прекрасен*!..»).

Око. Лунное око в ночи Смотрит на звёздную дрожь. Что ж ты молчишь? Что ж ты молчишь? Родина, что ж не поёшь? («*Лунное око в ночи…*»).

Оскол. Настроясь на высокую волну, Омыв уста от праздного глагола, Я снова осязаю тишину Под лунным убывающим осколом («*Настроясь на высокую волну...*»).

Осколок. На кладбище покойно и привольно, Не будит думы отрешённый звук. Осколок л у н н ы й возле колокольни Стрижёт на землю жухлую листву («*На кладбище покойно и привольно…*»).

ЛУЧШИЙ, –ая, –ее

Молитва. Л у ч ш а я молитва – покаяние, Покаянье тщетно без прощения. Лучшее пред Богом предстояние – В глубине высокого смирения («*Страх Господень – авва воздержания...*»).

Молчание. Страх Господень – авва воздержания, Воздержанье дарит исцеление. Лучшая поэзия – молчание, Л у ч ш е е молчание – моление (*Там же*).

Поэзия. (*Там же*).

Предстояние. (*Там же*).

ЛЮБЕЗНЫЙ

Сын. Матушка Добрынюшке наказывала, Государыня Добрынюшке наговаривала: – Ой ты, сын мой л ю б е з н ы й, свет Дементьевич, Что повесил, кручинясь, буйну голову? Ты бы взял в свои ручки белые Гусли звонкие, сладкогласные. Стал бы петь да потряхивать кудрями, Да меня потешать, матерь старую («*Матушка Добрынюшке наказывала...*»).

ЛЮБИМЫЙ, –ая, –ые

Дорога. ○ ***Любима.*** О путь-дорога! Не про-

ехать мимо, Не обойти – ты всюду под ногой. Бранима, ненавистна и любима... Я не хотел бы шествовать другой («*При слове "сорок" что-то оборвалось…*»).

Места. О воды, воды, други поднебесья! Вы разливались и в моей душе. (Не знаю, как бы мне сейчас гляделось В местах любимых детства: говорят, Разливы уж не те, Десна другая…) («*Прекрасен мір, зело-зело прекрасен!..*»).

Цвета. □ Цвета, любимые доселе, Причина тишины и бурь – Жизнеликующая зелень И духоносная лазурь («*Цвет голубой и цвет зелёный…*»).

ЛЮБОДЕЙ

◙ **Мір-любодей.** Мір-любодей на возношенье скор, Оставишь честь – ныряй в рукоплесканье. Но Слава без Достоинства – позор! Любовь без Чистоты – блудодеянье! («*Мір-любодей на возношенье скор…*»).

ЛЮДСКОЙ, –ая, –ие

Взгляды. И где-то безо всякой злобы Камнями изобьют меня. Но, встав, по весям и по градам Продолжу прерванный свой путь. Шпицрутены – людские взгляды – Со всех сторон, не продохнуть («*Пробил мой час...*»).

Громы. Когда неправда обвиняет, Мы поминаем Божий суд: Напрасно молнии сверкают,

Людские громы не убьют… (*Вход Господень в Иерусалим*).

Память. Людская память – вешняя вода, Она умрёт, как город осаждённый. Блажен, кто никого не осуждал, Но преблажен за Правду осуждённый (*Екклесиаст*).

ЛЮТЕЙШИЙ

Дух. Когда теряем Божий страх, Питаем спеси дух лютейший. Грек – «всесвятейший» патриарх – Устал, наверно, быть святейшим (*Человеческое*).

М

МАЙСКИЙ, –ие

Сады. Не долго будут красоваться в белом Ликующие м а й с к и е сады… *Не старый умирает, а поспелый* – Нам говорят весенние цветы («*Не долго будут красоваться в белом…*»).

❖ **МАЛО**

Нужно. Δ Как м а л о нужно человеку! – Покой душе. И чтобы малость Небесным Светом озарялась. Как мало нужно человеку! – Безмолвие. И чтобы малость В Любви Христовой растворялась («*Как мало нужно человеку!..*»).

МАЛОВЕРНЫЙ, –ые

Глаза. Случайно выглянул и замер, Не зная, верить ли глазам? И м а л о в е р н ы м и глазами Невольно волю дал слезам (*Лань*).

МАЛЫЙ, –ое

Родник. Живи с распахнутой душою, Встречая зори босиком. Не можешь стать рекой боль-

шою – Будь малым чистым родником («*Живи с распахнутой душою...*»).

Служенье. Нет, не мгновение шлёт вдохновение, А с Благодатью души венчание. Служенье малое – стихосложение, Оно сверяется с Богослужением И осеняется святым молчанием («*Нет, не мгновение шлёт вдохновение...*»).

МАРТОВСКИЙ, –ая

Метель. Зелень мая так нежна в апреле! Всё живёт в Божественном ладу. Словно в память мартовской метели Забелела вишенка в саду («*Зелень мая так нежна в апреле!..*»).

МАТЬ

◙ **Родина-Мать.** О народ мой! Довольно дремать. Помолись перед Подвигом Богу. Православная Родина-Мать, Двери ада тебя не возмогут! («*Дорогие мои, это всё!..*»).

МЕЛКИЙ, –ая

Стекляшка. Стекляшка мелкая лежала И устремляла к солнцу взор. А зеркало – какая жалость! – Лишь отражало скотный двор («*Стекляшка мелкая лежала...*»).

МЕЛКОВОДНЫЙ, –ые

Речушки. Не всем подобное дано: Есть мелководные речушки, Они за рябью прячут дно,

Скрывая тину и ракушки («*Величье рек – в покое вод…*»).

МЕНЬШИЙ, –ие

Братья. Воли вольной никто не лишён! Все мы блудные, м е н ь ш и е братья… Но куда б от Отца ни пошёл, Всё равно ты в Отцовских объятьях! («*А над нами всегда – Небеса!..*»).

МЕРЦАЮЩИЙ, –ая

Роса. Не разрывайте Истину на мнения. Вы скажете – отчасти правы все? Но это полнолуние осеннее Не отразить м е р ц а ю щ е й росе («*Не разрывайте Истину на мнения…*»).

МЁРТВЫЙ, –ая, –ое

Величие. ○ ***Мертво.*** Величие м е р т в о́ без тишины, Она таит пути Богопознанья. Созвездия застыли у сосны, Снежинки озаряя ликованьем («*Святая ночь! Блаженство и покой!..*»).

Душа. ○ ***Мертва.*** И я, перебирая листья, Шептал раскаянья слова: – Очисти, Господи, очисти! Душе́ моя, почто м е р т в а?» (*Молитва*).

❖ **МИЛОСЕРДНО**

Изгладь. Суесловие міра и прелесть его отметая, Стану днём скоморошить и досыта плакать в ночи: – Препояши меня целомудрием, о Пресвятая, И вино очищенья Своею мольбой исто-

чи. Напои, убели, оживи! Сотвори мя готовым, Грехоплётство моё милосердно из сердца изгладь. Начертай в нём навеки Сладчайшее имя Христово, О Пречистая Дево, молящихся Чудная Мать («*Что во имя своё сотворил – безпощадно порушу...*»).

МИЛЫЙ, –ое, –ые

Запах. ○ ***Мил.*** Безмолвно роза говорит: Не всё добро, что око просит. И запах мил, и нежен вид, Одна беда – не плодоносит (*Роза*).

Мотив. Земля от весны заболела. От сырости – лужи и грязь. Но птица какая-то пела, Меж мокрых ветвей затаясь. И я, это пенье услышав, Не в силах поверить ушам, Скорее увериться вышел, Как чья-то ликует душа. Мотив незатейливый, милый, Забытый, немодный, простой… Но что-то тотчас защемило В душе моей тяжко-пустой («*Луна обречённо скиталась…*»).

Облака. ○ ***Милы.*** Последний сбор – лисички, зеленушки. Прощальный дар последним грибникам. Ноябрьский дождь, затихли и лягушки, А нам милы любые облака (*Последнее*).

Солнце. Жду Тебя напрасно я И в метель, и в дождь. Солнце моё Ясное, Скоро ль Ты взойдёшь? Душу исцелило бы, Заглушило б крик. Солнце моё милое, Покажись на миг («*Жду Тебя напрасно я…*»).

МІРОВОЙ, –ая

Блудница. О Франция! Печальные дела! И не зовут, и сам туда не лезу. Что окромя безбожия дала И м і р о в о й блудницы Марсельезы? (*Прогулка*).

МЛЕЧНЫЙ, –ая

Мост. О, сколько ты в себя вместила! <…> И нерастраченную совесть, И тайну М л е ч н о г о моста. Но главная твоя особость – Тебе не выжить без Христа (*Росія*).

Сыпь. Лунный воздух и м л е ч н у ю сыпь Вобрала, засветясь золочёным, Обречённая капля росы На последнем листе обрёченном («*Пожалей, дорогой, пожалей…*»).

МНИМЫЙ, –ая

Свобода. В Испанию не тянет и в бреду: Там живодёрня при свободе м н и м о й. Я одиноко по лесу бреду И радуюсь сторонушке родимой (*Прогулка*).

▫ МНОГОПЕТЫЙ, –ая

Роза. ▫ Чем он хуже м н о г о п е т о й розы, Неприметный полевой цветок? Может, тем, что не особо розов, Что не ломит запахом висок? (*Повилика*).

▫ МНОГОРАСПЯТЫЙ, –ая

Русь. Ты Покровом покрываеши Русь мою

многострадальную, Русь мою многораспятую… О Владычице Державная <...> Умоли за землю Рускую Сына Своего Сладчайшего, Да воздаст Он нам по милости – Не по нашему неверию («*Пресвятая Богородице*...»).

МНОГОСТРАДАЛЬНЫЙ, –ая

Русь. («*Пресвятая Богородице*...»).

МНОГОСТРАЖДУЩИЙ

Народ. О, сколько ты в себя вместила! <…> И почернелые избушки, И тихие разливы вод, И деревенские Церквушки, И многострадущий народ (*Росія*).

МОГИЛЬНЫЙ

Крест. Туман, туман, туман покрыл просторы, С лица земли стёр отчий старый дом. И на кресте могильном чёрный ворон Глядится благородным сизарём (*Туман*).

МОКРЫЙ, –ые

Ветви. Земля от весны заболела. От сырости – лужи и грязь. Но птица какая-то пела, Меж мокрых ветвей затаясь («*Луна обречённо скиталась*…»).

Обочины. Ах, оставьте, не нужно тревожить Эту воду у мокрых обочин. Лужи спят на раскисшем ложе И, конечно, мечтают о большем.

В их мечтах – одинокий месяц, Капли звёзд, придорожные кущи. И никто до утра не месит Сапогами больные их души («*Ах, оставьте, не нужно тревожить...*»).

Ясень. Я сегодня уже не усну. Разве это с тобой не бывает? Мокрый ясень глядит на луну, Под луною чему-то внимает («*Я сегодня уже не усну…*»).

МОЛЕБНЫЙ, –ые

Прошенья. Уже не жажду исцеленья, Хотя надежды не отверг. Свои молебные прошенья В молчанье скорбное облек... («*Уже не жажду исцеленья…*»).

❖ **МОЛИТВЕННО**

Поминать. А в отчий дом меня уже не тянет: В других местах мои отец и мать. Пока живу, язык мой не престанет Молитвенно их души поминать («*А в отчий дом меня уже не тянет…*»).

МОЛИТВЕННЫЙ, –ые

Гимн. Какая беда б ни грозила – Всегда посрамятся враги. Росія! Росія! Росія! – Надежды молитвенный гимн (*Росія*).

Строки. Я заучил молитвенные строки, Простые покаянные слова. Стою один, совсем не одинокий. Душе́ моя, жива ли ты? Жива! («*Оставив дом, родных, своё наследство...*»).

Час. Звон колокольный летит сквозь столетия,

Встретим же в Храме молитвенный час! Радость моя, мы с тобой не заметили: Осень уже за порогом у нас («*Радость моя, наступает пора покаянная…*»).

МОЛОДОЙ

Звонарь. Молодой звонарь, Пробуди простор, Посильней ударь. – Господи, помилуй («*Колокольный звон...*»).

❖ МОЛЧАЛИВО

Склонись. Так склонись, молчаливо склонись Пред судами Творца в покаяньи. Помолись, дорогой, помолись, Да замедлит Господь с воздаяньем («*Пожалей, дорогой, пожалей…*»).

МОРОЗНЫЙ, –ая

Ночь. Ещё любил морозной лунной ночью Встать под берёзой и глядеть на Небо. О Небо, Небо! Что́ мы без тебя? («*Прекрасен мір, зело-зело прекрасен*!..»).

Обод. В окно глядит не наглядится В морозном ободе луна. На пожелтелые страницы Ливает чистый свет она («*Раскрою я Псалтырь святую...*»).

Столбец. Стою, гляжу на чудное свеченье Прилунного морозного столбца… Прекрасен мір! Зело добро творенье! Но что сказать о Красоте Творца? («*А мне зима всё более по нраву...*»).

МРАЧНЫЙ

Ад. Оставив дом, родных, своё наследство, Покинув мір в благословенный час, Афонский инок по веленью сердца Сложил молитву, плача по ночам. «Скоро я умру, И окаянная душа моя Снидет в тесный м р а ч н ы й ад. И там буду один я томиться И плакать о Господе. – Где Ты, где Ты, Свет души моей? Почто оставил меня, Я не могу жить без Тебя» («*Оставив дом, родных, своё наследство*...»).

Удел. • ***Мрачней.*** Белый свет! Так отчего ж ты бел? От висков, тобою убелённых? Или есть ещё м р а ч н е й удел – Мір иной, геенной опалённый? («*Затворюсь, закроюсь, замолчу*…»).

МУДРЫЙ, –ая

Природа. Красивости не терпит Красота, Не знает позы м у д р а я природа: Она невинна, потому проста И радует в любое время года («*Красивости не терпит Красота*...»).

МУТНЫЙ, –ые

Истоки. А мне остался поворот, и только, А далее – прямая и простор. Обозревая м у т н ы е истоки, Обозреваю устью приговор («*А мне остался поворот, и только*…»).

МУЧИТЕЛЬНЫЙ, –ая

Жажда. Слишком рано выстрадал ответ,

Не изгнав м у ч и т е л ь н у ю жажду. И кромешный мрак, и Чистый Свет Довелось увидеть не однажды («*Тридцать семь – хорошее число...*»).

МЯГКИЙ, –ая

Осень. Если тебя неудача постигла, Если не в силах развеять тоску, Осенью м я г к о й, осенью тихой Выйди скорей к моему роднику (*Родник*).

МЯТЕЖНЫЙ

Путь. Внимая Божьему веленью, Его Десницей одарён, Поэт приходит на мученья В земной удел – Лифростротон. Не воспевать земные краски, Не восхвалять м я т е ж н ы й путь, – Боренью ночи Гефсиманской Открыть в уединеньи грудь («*Внимая Божьему веленью…*»).

Н

НАДМЕННЫЙ

Критик. Все перед смертью говорят стихами, Стихами наивысшей простоты. Не потому ли, не посмев охаять, Надменный критик положил цветы? («*Все перед смертью говорят стихами*...»).

Разум. Надменный разум к Истине стремится, Но без смиренья он – самоубийца («*Надменный разум к Истине стремится*…»).

НАДМІРНЫЙ, –ая

Река. Святая ночь! Блаженство и покой! Стою один под куполом бездонным. И Млечный Путь надмірною рекой Несёт себя к туманам отдалённым («*Святая ночь! Блаженство и покой!*..»).

Суть. А Церковь – нечто более, чем мы. Не высказать Её надмірной сути. Она – Источник, не подвластный мути, Она – Надежда посреде чумы («*А Церковь – нечто более, чем мы*…»).

НАИВЫСШИЙ, –ая

Простота. Все перед смертью говорят стихами,

Стихами наивысшей простоты. Не потому ли, не посмев охаять, Надменный критик положил цветы? («*Все перед смертью говорят стихами…*»).

❖ **НАПРАСНО**

Злорадствует. Но напрасно злорадствует враг, Отымая и горы, и долы. Сердце Сербии, сербский стяг! Ты уже у Христова престола! (*У поля Косова*).

НАПРАСНЫЙ, –ые

Лекари. ○ ***Напрасны.*** А старость может быть прекрасной, Иметь благообразный вид… Любые лекари напрасны, Когда душа грехом смердит! («*И знают – жизнь не безконечна…*»).

Старания. ○ ***Напрасны.*** Сомненье – чадо маловерья. Оно искусно в словопреньи, Оно внушает велегласно, Что все старания напрасны («*Сомненье – чадо маловерья…*»).

НАРОДНЫЙ, –ая

Душа. Сколько былей-небылиц, теплá Мне душа народная дала! Слушал я, Россию познавал И под разговоры засыпл (*Руская печка*).

НАРЯДНЫЙ, –ая

Рубаха. Я вызвал нарекание в народе То чёт-

ками, то лирой на груди. Но шёл, как мог, и при любой погоде Святошам всё равно б не угодил. Не мерил героические маски И грешен тем, что, на свою ж беду, Кровавые и гнойные повязки Стирал у проходящих на виду. Здесь что-то от ущербности? Вы правы. Но лучше в поношеньи пребывать, Чем смрад и гной тщеславно и лукаво Нарядною рубахой прикрывать («*При слове "сорок" что-то оборвалось…*»).

НЕБЕСНЫЙ, –ая

Душа. Не может тем, что ищет плоть, Душа небесная живиться (*Роза*).

Купель. Вчера зима, сегодня осень снова, Снега раскисли, лужи и капель. И вот уж нет воздушного покрова, Опять чиста небесная купель («*Ветра, ветра! Куда вы поскакали?..*»).

Отсвет. Страданьем отзеркалив бисер, Небесным отсветом сиять И с высоты Голгофской выси К Творцу народы призывать («*Внимая Божьему веленью…*»).

Свет. Как мало нужно человеку! – Покой душе. И чтобы малость Небесным Светом озарялась. Как мало нужно человеку! – Безмолвие. И чтобы малость В Любви Христовой растворялась («*Как мало нужно человеку!..*»).

Цвет. Цвет голубой и цвет зелёный: Что боле радости виной? Иль тот небесный, отдалён-

ный, Иль этот близкий нам, земной? («*Цвет голубой и цвет зелёный…*»).

НЕВЕЛИКИЙ

Подарок. ***Будет невеликим.*** Δ Мой подарок будет невеликим. Положу тебе я на колени Не охапку розовой сирени, А цветы душистой повилики (*Повилика*).

НЕВЕРНЫЙ

Раб. Да не умрёшь голодной смертью, друже. Остави нрав неверного раба... Тот богослов, кто Православью служит. Смирись – и ограждай свои хлеба («*А жатвы много…*»).

НЕВЕСЁЛЫЙ, –ые

Кормщик. ○ ***Невесел.*** И Млечный Путь, и кроткий полумесяц, И звёзды, и вода, и эта тишь. Всё хорошо, что ж кормчий наш невесел? Душе моя, душе, и ты молчишь («*И Млечный Путь, и кроткий полумесяц…*»).

Лица. Я сегодня уже не усну, Разве это с тобой не бывает? Мокрый ясень глядит на луну, Под луною чему-то внимает. Утомился и он на ветру Различать невесёлые лица. И ему нелегко на міру, Отрешаясь, в молитве забыться («*Я сегодня уже не усну…*»).

Я. ○ ***Невесел.*** Брожу в последний раз Задворками, полями, Смотрю на огоньки Ещё не спящих

хат. Берёзки-близнецы С поникшими плечами У дома моего поникшие стоят. И сам н е в е с е л я. С чего тут веселиться? Прощайте, лес, поля, И ты, Десна-река. …Наверно, с тем же чувством Подстреленная птица Глядит из лопухов на облака («*Хочу в последний раз...*»).

НЕВЕЧЕРНИЙ

Свет. Всматриваюсь пристально, Но просвета нет. Радость моя чистая, Н е в е ч е р н и й Свет («*Жду Тебя напрасно я…*»).

НЕВИДАННЫЙ, –ая

Ковыль. Луна и снег. И шорохи вдали, Искрят покойно липы вековые. Окошки от мороза поросли Н е в и д а н н о ю, сказочной ковылью («*Луна и снег. И шорохи вдали…*»).

НЕВИННЫЙ, –ая

Она. ○ ***Невинна.*** Красивости не терпит Красота, Не знает позы мудрая природа: Она н е в и н н а, потому проста И радует в любое время года («*Красивости не терпит Красота...*»).

❖ **НЕВОЛЬНО**

Волю дал слезам. Случайно выглянул и замер, Не зная, верить ли глазам? И маловерными глазами Н е в о л ь н о волю дал слезам (*Лань*).

НЕВЫНОСИМЫЙ

Час. И опускаю руки В невыносимый час, Да, дорогие други, Я не святее вас («*И обошли стороною…*»).

❖ **НЕДВИЖИМО**

Сверкали. ❖ Ветра, ветра! Куда вы поскакали? Тревожный гул идёт от дубняка, И звёзды, что недвижимо сверкали, Несутся за луной сквозь облака («*Ветра, ветра*! *Куда вы поскакали*?..»).

НЕЖНЕЙШИЙ, –ие

Цветы. У окна цветут нежнейшие, Благовонные цветы. Словно облако чистейшее Опустилось на кусты (*Белые розы*).

НЕЖНЫЙ, –ая

Вид. ○ ***Нежен.*** Безмолвно роза говорит: Не всё добро, что око просит. И запах мил, и нежен вид, Одна беда – не плодоносит (*Роза*).

Зелень. ○ ***Нежна.*** Зелень мая так нежна в апреле! Всё живёт в Божественном ладу. Словно в память мартовской метели Забелела вишенка в саду («*Зелень мая так нежна в апреле*!..»).

НЕЗАМЕТНЫЙ, –ая

Пылинка. Нет ничего ненужного под солнцем! И даже незаметная пылинка Основа гор, Земли, планет – Вселенной… И только человек

с душою пошлой Творит ненужные свои исчадья – Уродливые, смрадные деянья (Что может быть страшней уродства духа?) («*Стихи должны быть отраженьем Света…*»).

НЕЗАТЕЙЛИВЫЙ

Мотив. Земля от весны заболела. От сырости – лужи и грязь. Но птица какая-то пела, Меж мокрых ветвей затаясь. И я, это пенье услышав, Не в силах поверить ушам, Скорее увериться вышел, Как чья-то ликует душа. Мотив незатейливый, милый, Забытый, немодный, простой… Но что-то тотчас защемило В душе моей тяжко-пустой («*Луна обречённо скиталась…*»).

НЕЗДЕШНИЙ

Покой. Радость моя, эта суетность грешная Даже на паперть швыряет листы. Но возжелали покоя нездешнего Белые Церкви, святые Кресты («*Радость моя, наступает пора покаянная…*»).

НЕЗЕМНОЙ, –ая, –ые

Красота. И зовут купола к неземной красоте, Но толпе по нутру больше злато тельца. И коснётся ль кого? Обратитесь в детей, Обратитесь в детей, и услышите голос Отца («*Нас куда-то несёт в непроглядную темь…*»). И горечи нет от разлуки: Под этой же самой луной Опять замерцают сосульки – Служа Красоте неземной (*Ночью*).

Лик. Твой образ доныне унижен, Но всё отпадёт пеленой: Под пылью и копотью вижу Таинственный Лик неземной (*Росія*).

Лица. Как холодно! И нечего надеть. Пронизывают ветры – не укрыться. И впереди – неужто только смерть И эти злые неземные лица? («*Какая ширь, и некуда бежать…*»).

Покой. Ночь. Полнолунье. Божья благостыня. Душа вбирает неземной покой, Где светлая безмолвная пустыня Искрит над головой и под ногой («*А мне зима всё более по нраву...*»).

Чистота. Белые Церкви плывут в безконечности, О, кладенцы неземной Чистоты! Непокорённые граждане вечности, Белые Церкви, святые Кресты («*Радость моя, наступает пора покаянная…*»).

НЕИЗБЫВНЫЙ, –ая

Скорбь. Наполняется скорбью душа, как вода темнотою полночною, Одинокой звезде так понятна моя неизбывная скорбь. И сижу и гляжу в чёрный омут порой неурочною, И звезда подо мной, над моей головой, высоко-глубоко («*Наполняется скорбью душа…*»).

НЕИЗВЕСТНЫЙ

Прохожий. Кто же ты, неизвестный прохожий, Далеко ль путь-дорога лежит? Почему так

меня растревожил Твой блаженный, задумчивый вид? («*Уже вечер, друзья, уже вечер*...»).

НЕКАЗНЁННЫЙ, –ая

Красота. Колыхнётся верба на мгновение И, сверкая каплями, замрёт, И, благодаря за Обновление, Неказнённой красотой качнёт (*Вербочка*).

❖ НЕКОЛЕБИМО

Стоят. ❖ Застыла Церковь Благодатью зримой И слушает тревогу дубняка. Её Кресты стоят неколебимо – О, если б так стояли и века! («*Ветра, ветра! Куда вы поскакали?*..»).

НЕЛЁГКИЙ

Путь. И, быть может, не стану пророчить, Где-то путник в нелёгком пути. Но под светлую исповедь ночи Он надеется всё же дойти («*Уже вечер, друзья, уже вечер*...»).

НЕЛЮДИМЫЙ

[Я]. Δ ***Прослыву нелюдимым.*** Прослыву на міру нелюдимым, угрюмым и гордым, Схоронясь ото всех в заповедных пустынных местах. Коль нельзя без молвы, именуйте меня кем угодно, Оправданья излишни, зачем, всё понятно и так («*Прослыву на міру нелюдимым, угрюмым и гордым*…»).

НЕМЕРЕНЫЙ, –ые

Равнины. О, сколько ты в себя вместила! И грусть немереных равнин, И причитанья у могилок, И сирый журавлиный клин (*Росія*).

НЕМЕРКНУЩИЙ

Свет. Во всём – отображенье Красоты, Свеченье Немеркнущего Света. И сердце тает, тает в эту стынь Благодареньем Первому Поэту («*Луна и снег. И шорохи вдали…*»).

НЕМОДНЫЙ

Мотив. Земля от весны заболела. От сырости – лужи и грязь. Но птица какая-то пела, Меж мокрых ветвей затаясь. И я, это пенье услышав, Не в силах поверить ушам, Скорее увериться вышел, Как чья-то ликует душа. Мотив незатейливый, милый, Забытый, немодный, простой… Но что-то тотчас защемило В душе моей тяжко-пустой («*Луна обречённо скиталась…*»).

НЕМОЙ, –ое

Воздеянье рук. Моё неутолимое Желанье! Прими немое воздеянье рук. Слова, понятья поглоти́т молчанье, Лишь Ты и я, и никого вокруг («*Хочу молчать, за всех и вся смиряясь...*»).

Укор. И глядит на мать немым укором Душераздирающий портрет (*Портрет*).

НЕМОЛЧНЫЙ

Глас. А в Царстве Света чувства не нужны: Всё внешнее существенно до срока. И здесь, когда коснёмся тишины, Излишни слух, язык и даже око. Сие дано пособием для нас, Чтоб внутреннее внешним постигали, Чтоб слушали немолчный Божий глас И душу, как дитя, оберегали («*А в Царстве Света чувства не нужны...*»).

НЕНАВИСТНЫЙ, –ая

Дорога. ○ ***Ненавистна.*** О путь-дорога! Не проехать мимо, Не обойти – ты всюду под ногой. Бранима, ненавистна и любима... Я не хотел бы шествовать другой («*При слове "сорок" что-то оборвалось…*»).

НЕНУЖНЫЙ, –ые

Исчадья. Нет ничего ненужного под солнцем! И даже незаметная пылинка Основа гор, Земли, планет – Вселенной… И только человек с душою пошлой Творит ненужные свои исчадья – Уродливые, смрадные деянья (Что может быть страшней уродства духа?) («*Стихи должны быть отраженьем Света…*»).

Путы. Но здесь известные препоны Чинит ему известный льстец: Как судия Лифостротона Даёт лавровый свой венец. – Прими! Мой долгожданный сыне, Освободись ненужных пут, Иначе

славящие ныне Тебе иное поднесут («*Внимая Божьему веленью…*»).

❖ **НЕОБРАТИМО**

Поздно. Прозрев необратимо поздно, Что лето зеленело зря, Кленовые роняя слёзы, Молилась полночь октября (*Молитва*).

НЕОБЪЯТНЫЙ

Мір. ○ ***Необъятен.*** Обилие и полногласность звёзд. Мерцание, созвучное хваленью. И необъятен, и безмерно прост Подлунный мір в полночном просветленьи («*Луна и снег. И шорохи вдали…*»).

НЕОПАЛЬНЫЙ

Огонь. Щемяще недолго искрили, Огнём неопальным горя. А всё ж красоту отразили, И, значит, являлись не зря! (*Ночью*).

◘ **НЕОТМІРНЫЙ**

Дух. ◘ Кадят и Богу, и кумирам. Забыли овцы и пастух: Пропитываясь духом міра, Теряем Неотмірный Дух (*Перед бедой*).

НЕПЛАМЕНЕЮЩИЙ, –ая

Свеча. Не потому ль так тянется прохожий На огонёк, светящийся в ночи? …Огарок, но го-

рящий, мне дороже Большой непламенеющей свечи («*Всезнайства ослепляющие блики!..*»).

НЕПОДВЛАСТНЫЙ

Источник. □ ***Неподвластный мути.*** А Церковь – нечто более, чем мы. Не высказать Её надмірной сути. Она – Источник, неподвластный мути, Она Надежда посреди чумы («*А Церковь – нечто более, чем мы...*»).

НЕПОКОРЁННЫЙ, –ые

Граждане. Белые Церкви плывут в безконечности, О, кладенцы неземной Чистоты! Непокорённые граждане вечности, Белые Церкви, святые Кресты («*Радость моя, наступает пора покаянная…*»).

НЕПОЛНЫЙ, –ая

Правда. Нет ничего на свете окаянней Неполной правды: в ней всегда обман. А капля оживает в океане И гибнет, оставляя океан («*Не разрывайте Истину на мнения…*»).

❖ **НЕПОНЯТНО**

Счастливые. ❖ Под табачный угар и галдёж Непонятно счастливых людей Я начну выковыривать ложь Неустроенной жизни моей («*Я пойду, где стоят корабли...*»).

❖ **НЕПРЕМЕННО**

Вернусь. Родина, моя Родина, Родниковая тихая Русь! Родина, моя Родина, Я вернусь, непременно вернусь (*Яблони детства*).

❖ **НЕПРЕСТАННО**

Глядит. В Твоей любви спасенье чаю, Молясь, прошу только о том, Чтоб жизнь минутою молчанья Прошла перед Твоим Крестом. А на Распятье непрестанно Глядит Превысшая Небес, И со скорбящим Иоанном Сораспинается Тебе («*Прибит на Крест моей неправдой…*»).

НЕПРИМЕТНЫЙ, –ые

Деревья. Δ И лобзаю лобзаньем тебя, грусть-печаль несусветная, И хлебаю взахлёб то, что в юности сам замешал. И камыш не шумит, и деревья стоят неприметные, И до этой звезды лишь один только шаг («*Наполняется скорбью душа…*»).

Цветок. Чем он хуже многопетой розы, Неприметный полевой цветок? Может, тем, что не особо розов, Что не ломит запахом висок? (*Повилика*).

НЕПРИСТУПНЫЙ

Вид. О роза, роза – сладость соловью, Вид неприступный остужает пыл. Торжественную царственность твою Зачёркивают жгучие шипы («*Обилие цветений полевых...*»).

НЕПРОГЛЯДНЫЙ, –ая

Темь. Нас куда-то несёт в непроглядную темь, И погибельным вехам не видно конца. Ложь и смута окрест. Обратитесь в детей! Обратитесь в детей, и услышите голос Отца («*Нас куда-то несёт в непроглядную темь…*»). Ах, какая луна поднялась Развевать непроглядную темь. И звезда, одиноко искрясь, Говорит об иной Красоте («*Я пойду, где стоят корабли...*»).

НЕПРОШЕНЫЙ, –ые

Помыслы. Возжада́ла душа приобщиться из Чаши моления, Затворилась от всех, от непрошеных помыслов, чувств. Затаилась во тьме, испросила слезами прощения И, смирясь до зела, приступила к Искусству искусств (*Моление*).

НЕРАСТРАЧЕННЫЙ, –ая

Совесть. О, сколько ты в себя вместила! <…> И нерастраченную совесть, И тайну Млечного моста. Но главная твоя особость – Тебе не выжить без Христа (*Росія*).

НЕСКАЗАННЫЙ, –ая

Чистота. О Цвете несказанной чистоты! Душа моя к Тебе взывает стоном: Заступнице моя, когда б не Ты, К кому б ещё прибегнул недостойный? (*Пресвятая Богородице, спаси нас!*).

НЕСЛУЧАЙНО

Покоен. ***Неслучайно.*** Всему предел, всему свой срок назначен, И никому цветенья не продлить! Во всём Премудрость! Было бы иначе – Никто плодов не стал бы приносить. И неслучайно в роще пожелтелой Покоен лик предсмертной красоты… *Не старый умирает, а поспелый* – Нам говорят осенние листы («*Не долго будут красоваться в белом…*»).

НЕСОВЕРШЕННЫЙ, –ая

Она. ○ ***Несовершенна.*** Лазурь небес, тюльпаны, мурава! Подснежники сугробятся в овраге. Душа вбирает волны Торжества – Она мечтой давно уже на Браке. Её ничем не нужно утешать, Хотя по-прежнему несовершенна. Блаженства ищет вечная душа, Не зная о себе, что преблаженна! («*Лазурь небес, тюльпаны, мурава!..*»).

НЕСУДОХОДНЫЙ, –ые

Реки. Всезнайство говорит о мелководьи, О скудости несудоходных рек. Слывущий мудрецом в простонародьи, Что знаешь ты, о гордый человек? («*Всезнайства ослепляющие блики!..*»).

НЕСЫТЫЙ, –ая

Душа. Какая ширь, и некуда бежать, Повсюду ждут, и не к кому податься. За всё своё, несытая

душа, Я обречён, как Вечный жид, скитаться («*Какая ширь, и некуда бежать…*»).

НЕТЁПЛЫЙ, –ая

Полярная звезда. Хочу в последний раз Запечатлеть до гроба И твой собачий лай, И церковь без Креста… Родная сторона! Здесь теплится особо Нетёплая Полярная звезда («*Хочу в последний раз...*»).

НЕУЗНАННЫЙ

Скиталец. Я к вам приду от северных земель Запы́ленным, неузнанным скитальцем. Ничто мне не напомнит о зиме, В которой я не захотел остаться («*Я к вам приду от северных земель…*»).

НЕУРОЧНЫЙ, –ая

Пора. Наполняется скорбью душа, как вода темнотою полночною, Одинокой звезде так понятна моя неизбывная скорбь. И сижу и гляжу в чёрный омут порой неурочною, И звезда подо мной, над моей головой, высоко-глубоко («*Наполняется скорбью душа…*»).

НЕУСТРОЕННЫЙ, –ая

Жизнь. Под табачный угар и галдёж Непонятно счастливых людей Я начну выковыривать ложь Неустроенной жизни моей («*Я пойду, где стоят корабли...*»).

НЕУТОЛИМЫЙ, –ое

Желанье. Моё неутолимое Желанье! Прими немое воздеянье рук. Слова, понятья поглоти́т молчанье, Лишь Ты и я, и никого вокруг («*Хочу молчать, за всех и вся смиряясь...*»).

НЕУЮТНЫЙ, –ые

Края. Какие неуютные края! Язычество и каинова гордость. Земля моя, ты, как душа моя, Таишь и благодать, и безысходность («*Какая ширь, и некуда бежать…*»).

НЕФАЛЬШИВЫЙ, –ые

Слёзы. Всё выступленье кажется моментом, Соединились пекло и мороз. И до чего ж горьки́ аплодисменты, Аплодисменты нефальшивых слёз! Кто мнёт платок, кто держится за сердце, Кто просто отрешённо смотрит вниз. Как на обычном праздничном концерте… Да только здесь не вызовут на бис («*Все перед смертью говорят стихами...*»).

НЕЧИСТЫЙ, –ая

Душа. Но те, кто обитает на помойках, Кто кормится отбросами гнилыми, Кто чистоты совсем не принимает, Приветствуют его, как чудодея, Поют хвалу, звездою величают... А если бы отмылись в трёх потоках, Увидели бы, что звезда – окурок, Что чудодей – больной певец помоек…

Познали бы – душе нечистой, скверной Никак нельзя плодить, тем паче – слово! («*Стихи должны быть отраженьем Света…*»).

НЕЯСНЫЙ

Грудень. ○ ***Неясен.*** Неясен грудень, сумрачен зело, Дни коротки, печалится синица. Но и ноябрь не пасмурит чело, Когда ведет во Храм Отроковицу («*А про́синец известен как январь...*»).

НИЖАЙШИЙ

Поклон. – Мой авва шлёт тебе поклон нижайший И просит непременно посетить (*Похвала непослушанию*).

НИЧТОЖНЫЙ, –ые

Страсти. Ты дух от Духа, свет от паче Света, Дочь царская, пленённая по воле Ничтожными бесовскими страстями. И вот уже, расслабленная пойлом, Сидишь со свиниями у корыта, Питаешься рожцами и считаешь, Что многие живут гораздо хуже («*Прекрасен мір, зело-зело прекрасен!..*»).

НОБЕЛЕВСКИЙ

Бант. – Вот всевозможные награды, Всё чаю нобелевский бант, Оставить міру что-то ж надо… – Вы протщеславили талант! (*Знаменитость*).

НОВЫЙ, –ое

Мір. ○ ***Не нов.*** И обошли стороною Некогда верные. Что ж, Разве замечено мною – «Всяк человек ложь»? Правда сия сдавила, Словно венец тернов. Впрочем, и Это было, – Нет, этот мір не н о в (*«И обошли стороною…»*).

Ничто. ***Не ново.*** ○ Ничто под звёздами не н о в о. Тварь заглушает Божий глас. Но коль слова не ради Слова – Тогда они осудят нас (*Перед бедой*).

Поколенье. А ложь над н о в ы м поколеньем Восходит истиной, как встарь. И хает Бога в ослепленьи Из праха созданная тварь (*Капля правды*).

Стиль. Декабрь, иль студень, реки заковал, Кончает год и зиму начинает. Хоть н о в ы й стиль его обворовал, Он Рождество по-старому встречает (*«А про́синец известен как январь...»*).

❖ **НОРМАЛЬНО**

Живу. – Живу н о р м а л ь н о, что лукавить! Хожу за музой в *ресторант*: Пегаса надо ж подзаправить… – Да вы проели свой талант! (*Знаменитость*).

НОЧНОЙ

Листопад. И этот свежий дух Обобранного сада, И запах от костров Картофельной ботвы. Исповедальный лад Н о ч н о г о листопада Доверен бытию опятовой братвы (*«Хочу в последний раз...»*).

НОЯБРЬСКИЙ

Дождь. Последний сбор – лисички, зеленушки. Прощальный дар последним грибникам. Ноябрьский дождь, затихли и лягушки, А нам милы любые облака (*Последнее*).

ОБЛЕТЕЛЫЙ, –ая

Ветвь. За окном листопад пред зимой расстилает одежды. Я один... И темна под дождём о б л е т е л а я ветвь («*Прослыву на міру нелюдимым, угрюмым и гордым…*»).

ОБОБРАННЫЙ

Сад. И этот свежий дух О б о б р а н н о г о сада, И запах от костров Картофельной ботвы. Исповедальный лад Ночного листопада Доверен бытию опятовой братвы («*Хочу в последний раз...*»).

❖ **ОБРЕЧЁННО**

Скиталась. Луна о б р е ч ё н н о скиталась, Не зная, куда себя деть. Её вековая усталость Светилась во мне, как в воде («*Луна обречённо скиталась…*»).

Храпят. Я учился мужеству не у людей. Я учился мужеству у лошадей. Знаете, таких задрипанных клячонок! Им хребты ломают каждый день, Раздирают губы каждый день, А они храпят

лишь о б р е ч ё н н о, Но идут навстречу борозде! (*«Я учился мужеству не у людей…»*).

ОБРЕЧЁННЫЙ, –ая

Капля росы. Лунный воздух и млечную сыпь Вобрала, засветясь золочёным, О б р е ч ё н н а я капля росы На последнем листе обрёченном (*«Пожалей, дорогой, пожалей…»*).

Лист. (*Там же*).

Луна. Какая о б р е ч ё н н а я луна! Молчит земля тревожно и сурово. И в Вечность устремилась тишина, Внимая Откровенью Богослова (*Глаголы вещие*).

ОБЩИЙ, –ая

Разруха. Мой замордованный народ! Печальна полоса невзгод, Прискорбна о б щ а я разруха, Но страшно поруганье духа! (*Народу!*).

ОБЫЧНЫЙ

Концерт. Всё выступленье кажется моментом, Соединились пекло и мороз. И до чего ж горьки́ аплодисменты, Аплодисменты нефальшивых слёз! Кто мнёт платок, кто держится за сердце, Кто просто отрешённо смотрит вниз. Как на о б ы ч н о м праздничном концерте… Да только здесь не вызовут на бис (*«Все перед смертью говорят стихами...»*).

❖ **ОБЯЗАТЕЛЬНО**

Придёт. Что избираем, то и воздаёт. К чему винить превратности судьбы, Коль путник о б я з а т е л ь н о придёт Туда, куда направлены стопы? (*Два пути*).

◘ **ОГНЕЗРАЧНЫЙ**

Венец. Что во имя своё сотворил – безпощадно порушу И, восстав поутру, побреду, умаляя молву. Золотым омофором молитвы окутаю душу, О г н е з р а ч н ы м венцом покаянья украшу главу («*Что во имя своё сотворил – безпощадно порушу...*»).

ОГНИСТЫЙ

Снег. Ни забот, ни печали, ни дум, И вокруг безобразия нет. По о г н и с т о м у снегу иду И вбираю в себя чудный свет («*Ни забот, ни печали, ни дум…*»).

❖ **ОГОЛТЕЛО**

Квохчут. И задирают клювы и хвосты, И квохчут о г о л т е л о под ногами. Наседка во пророках – код? – кады? Хорош пророк с куриными мозгами! (*Наседкам*).

ОДИНОКИЙ, –ая, –ое

Жильё. Забыв о вёслах, погрузился в думы, Головушку руками обхватив. В дорожке лунной

чёлн застыл безшумно – Знать, не к кому и незачем грести. Иль не тебе сейчас зазывно светит Огнями одинокое жильё? Но он глядит не на красоты эти, А в отраженье чёрное своё («*И Млечный Путь, и кроткий полумесяц…*»).

Звезда. Наполняется скорбью душа, как вода темнотою полночною, Одинокой звезде так понятна моя неизбывная скорбь. И сижу и гляжу в чёрный омут порой неурочною, И звезда подо мной, над моей головой, высоко-глубоко («*Наполняется скорбью душа…*»).

Месяц. Ах, оставьте, не нужно тревожить Эту воду у мокрых обочин. Лужи спят на раскисшем ложе И, конечно, мечтают о большем. В их мечтах – одинокий месяц, Капли звёзд, придорожные кущи. И никто до утра не месит Сапогами больные их души («*Ах, оставьте, не нужно тревожить...*»).

Путник. Две головешки жалобно чадили, Но люди торопливо проходили. Вдруг налетел случайный ветерок, Взметнулись искры, ожил огонёк, И путник одинокий отогрел Озябшие ладони на костре («*Две головешки жалобно чадили…*»).

Я. Δ ***Стою не одинокий.*** Я заучил молитвенные строки, Простые покаянные слова. Стою один, совсем не одинокий. Душе́ моя, жива ли ты? Жива! («*Оставив дом, родных, своё наследство...*»).

❖ **ОДИНОКО**

Идущий. Благодати исполнены кущи, Пруд заросший туманом кадит. – Мир тебе, о д и н о к о идущий, И тому, кто тебя приютит («*Уже вечер, друзья, уже вечер...*»).

Торчащий. Ничего не растёт просто так, Потому не сломай без потребы О д и н о к о торчащий сорняк, Прославляющий землю и небо («*Пожалей, дорогой, пожалей…*»).

ОЖИВЛЯЮЩИЙ, –ая

Сила. В любой букашке и любом листе, В мерцаньи звёзд и на земле унылой, Куда ни глянь – повсюду и везде Таится О ж и в л я ю щ а я Сила («*Блажен, кто, наполняясь тишиной...*).

ОЗЯБШИЙ, –ая, –ие

Душа. Замерзая, пытался согреть Теплотою о з я б ш е й души. И готов был за всех умереть, Не умея для каждого жить («*Я пойду, где стоят корабли...*»).

Ладони. Две головешки жалобно чадили, Но люди торопливо проходили. Вдруг налетел случайный ветерок, Взметнулись искры, ожил огонёк, И путник одинокий отогрел О з я б ш и е ладони на костре («*Две головешки жалобно чадили…*»).

ОКАЯННЫЙ, –ая

Душа. Оставив дом, родных, своё наследство,

Покинув мір в благословенный час, Афонский инок по веленью сердца Сложил молитву, плача по ночам. «Скоро я умру, И о к а я н н а я душа моя Снидет в тесный мрачный ад. И там буду один я томиться И плакать о Господе. – Где Ты, где Ты, Свет души моей? Почто оставил меня, Я не могу жить без Тебя» («*Оставив дом, родных, своё наследство...*»).

ОКОННЫЙ, –ые

Звёзды. Сознавая, что рано иль поздно Минет так же и осень души, Я стираю о к о н н ы е звёзды, Как Господь мою грешную жизнь... («*Вьюга ноет, тоскливо так ноет…*»).

ОКРОВАВЛЕННЫЙ, –ая

Вид. Права! Права! Кровавый идол, Как встарь, младенцами питается, Но о к р о в а в л е н н о г о вида Ни стар, ни мал не ужасается (*Право выбора*).

Луна. И вижу в о к р о в а в л е н н о й луне, Что от племён языческих сокрыто: Сгорит земля и все дела на ней, И небеса совьются, яко свиток («*И вижу в окровавленной луне...*»).

ОКТЯБРЬСКИЙ

Пир. Вас не касаются запахи тленные, Этот о к т я б р ь с к и й отчаянный пир. Белые Церкви – твердыни Вселенныя, Не устоите – развалится мір («*Радость моя, наступает пора покаянная…*»).

❖ **ОПЕЧАЛЕННО**

Глядит. А звезда осиротелая О п е ч а л е н н о глядит… Белой ночью розы белые Сторожат безлюдный скит (*Белые розы*).

ОСЕННИЙ, –яя, –ее, –ие

Душа. За окном – никакого ненастья. Листопад не шуршит в этот час. Словно душу о с е н н ю ю настежь Отворила природа для нас («*Уже вечер, друзья, уже вечер...*»).

Лес. О с е н н и й лес прозрачен в самой гуще, Не свистнет птица, сердце веселя. Но говорит порою о живущих Вокруг дубов изрытая земля (*Последнее*).

Листы. Всему предел, всему свой срок назначен, И никому цветенья не продлить! Во всём Премудрость! Было бы иначе – Никто плодов не стал бы приносить. И неслучайно в роще пожелтелой Покоен лик предсмертной красоты… *Не старый умирает, а поспелый* – Нам говорят о с е н н и е листы («*Не долго будут красоваться в белом…*»).

Полнолуние. Не разрывайте Истину на мнения. Вы скажете – отчасти правы все? Но это полнолуние о с е н н е е Не отразить мерцающей росе («*Не разрывайте Истину на мнения…*»).

Пора. А на Руси осину все полощут, Клеймят Иудой за игру листвой. Но я люблю осиновую рощу, Особенно о с е н н е ю порой (*Осиновая роща*).

ОСИНОВЫЙ, –ая

Роща. А на Руси осину все полощут, Клеймят Иудой за игру листвой. Но я люблю о с и н о в у ю рощу, Особенно осеннею порой (*Осиновая роща*).

ОСИРОТЕЛЫЙ, –ая

Звезда. А звезда о с и р о т е л а я Опечаленно глядит… Белой ночью розы белые Сторожат безлюдный скит (*Белые розы*).

ОСКВЕРНЁННЫЙ, –ые

Церкви. Поглядел вокруг и на землю пал, И лежал, как труп, на сырой земле, Об одном просил, об одном молил: – Расступись земля, приюти меня! Видел я на Руси оскудение, Видел мерзость кругом запустения, Церкви белые о с к в е р н ё н н ы е, Басурманами разорённые («*Матушка Добрынюшке наказывала...*»).

ОСЛЕПЛЯЮЩИЙ, –ие

Блики. Всезнайства о с л е п л я ю щ и е блики! Безумен, кто идёт по острию И льстит себе, цитируя великих, Их правду выдавая за свою («*Всезнайства ослепляющие блики!..*»).

❖ ОСОБО

Теплится. Хочу в последний раз Запечатлеть до гроба И твой собачий лай, И церковь без Креста… Родная сторона! Здесь теплится о с о-

б о Нетёплая Полярная звезда («*Хочу в последний раз...*»).

ОСОБЫЙ, –ое, –ые

Звучанье. Я гляжу на великий погост, Исполняюсь звучаньем о с о б ы м. Здравствуй, Косово! Я твой гость. Отчего же прискорбны оба? (*У поля Косова*).

Утраты. И не чуя о с о б ы х утрат, Мы таскаем чужие обноски, И в припадках заходимся в лад Жеребцам и кобылам с подмостков («*Дорогие мои, это всё!..*»).

ОСТАЛЬНОЙ, –ое

Всё. Не упивайся болью – Прошлого не вернёшь. Был бы Господь с тобою, Всё о с т а л ь н о е – ложь! («*И обошли стороною…*»).

ОСТАТНИЙ, –ие

Мосты. Река моя, душа моя, отныне Не торопи движение воды, Не потопляй последние святыни, Не порушай о с т а т н и е мосты! («*А мне остался поворот, и только…*»).

Строй. Таинственно светозвучанье В победном о с т а т н е м строю – Играют живым на прощанье Последнюю песню свою! (*Ночью*).

❖ **ОСТОРОЖНО**

Δ Отстоялись, забылись лужи. О с т о р о ж н о,

смотри не задень! Ведь и так их усталые души Суетой испохабит день («*Ах, оставьте, не нужно тревожить...*»).

ОТБОРИСТЫЙ, –ая

Соль. И я бегу на улицу босой. В мои глаза созвездия летят. И звёздную отбористую соль Хочу собрать с зелёного ломтя! («*Горит звезда над головою клёна…*»).

ОТДАЛЁННЫЙ, –ые

Туманы. Святая ночь! Блаженство и покой! Стою один под куполом бездонным. И Млечный Путь надмірною рекой Несёт себя к туманам отдалённым («*Святая ночь! Блаженство и покой!..*»).

Цвет. Цвет голубой и цвет зелёный, Что боле радости виной? Иль тот небесный, отдалённый, Иль этот близкий нам, земной? («*Цвет голубой и цвет зелёный…*»).

ОТРАЖЕНИЕ

◙ **Отражение-тоска.** Гони кручину, призывая Бога, Остави отражение-тоску, Под небом звёздным лунною дорогой Плыви к тому живому огоньку («*И Млечный Путь, и кроткий полумесяц…*»).

❖ **ОТРЕШЁННО**

Глядеть. Буду я отрешённо глядеть, Всем ветрам подставляя лицо, Ощущая в такой кра-

соте На глазах своих влажную соль («*Я пойду, где стоят корабли...*»).

Смотрит. Всё выступленье кажется моментом, Соединились пекло и мороз. И до чего ж горьки́ аплодисменты, Аплодисменты нефальшивых слёз! Кто мнёт платок, кто держится за сердце, Кто просто о т р е ш ё н н о смотрит вниз. Как на обычном праздничном концерте… Да только здесь не вызовут на бис («*Все перед смертью говорят стихами...*»).

▫ ОТРЕШЁННО-ЧУТКИЙ, –ие

Дерева. ○ ***Отрешённо-чутки.*** Как о т р е ш ё н н о - ч у т к и дерева, Не шелохнут рождественской фатою. Попыхивает инеем трава, Перекликаясь с дальнею звездою («*Настроясь на высокую волну...*»).

ОТРЕШЁННЫЙ

Звук. На кладбище покойно и привольно, Не будит думы о т р е ш ё н н ы й звук. Осколок лунный возле колокольни Стрижёт на землю жухлую листву («*На кладбище покойно и привольно…*»).

ОТЦОВСКИЙ, –ие

Объятия. Воли вольной никто не лишён! Все мы блудные, меньшие братья… Но куда б от Отца ни пошёл, Всё равно ты в О т ц о в с к и х объятьях! («*А над нами всегда – Небеса!..*»).

ОТЧАЯННЫЙ, –ая

Пир. Вас не касаются запахи тленные, Этот октябрьский о т ч а я н н ы й пир. Белые Церкви – твердыни Вселенныя, Не устоите – развалится мір («*Радость моя, наступает пора покаянная…*»).

Ребятня. □ Ледоход. Шумит, гудит Десна моя, Крыги льда несёт безумство вод. Ребятня, о т ч а я н н а я самая, От восторга прыгает на лёд («*В отчем доме, старом и заброшенном…*»).

ОТЧИЙ, –ее

Дом. В о т ч е м доме, старом и заброшенном, Сяду у окна, уединюсь, Напитаю душу словом Божиим, Предрассветной тишиной напьюсь («*В отчем доме, старом и заброшенном…*»). Лучше сяду, но в стойло не встану! Лучше смерть, чем дорога раба! Не по сану тебе, не по сану, Сын Росіи, такая судьба! Посмотри, что с тобой сотворили! Оглянись на свою нищету. В о т ч е м доме тебя полонили За святую твою простоту! (*Лучше сяду, но в стойло не вст*ану!..»).

Окно. Заскрипят полозья деревянные, Выбегу навстречу, наконец, И краюху хлеба, долгожданную, Топором отрубит мне отец. И на ней, попыхивая искрами, Оживут снежинки под луной. Радость детства, чистую и близкую, Я увижу в о т ч е е окно (*Там же*).

ПАРАДНЫЙ

Шаг. Бом, бом, бом – где ж вы, сыны руские, Бом, бом, бом – почто забыли Мать? Бом, бом, бом – не вы ль под эту музыку Бом, бом, бом – шли парадным шагом умирать?! («*Бом, бом, бом – утро растревожено...*»).

ПАУТИННЫЙ, –ая

Строчка. И пишет осень паутинной строчкой: Настанет день – последний отпадёт. И так дрожат клеймёные листочки, Что я винюсь за человечий род (*Осиновая роща*).

ПЕВУЧИЙ

Язык. □ Вы слышите, мой говор не похож На ваш язык, певучий иль гортанный. Я не таков, наверное, и что ж? Я не надолго, если и останусь («*Я к вам приду от северных земель…*»).

ПЕЧАЛЬНЫЙ, –ая, –ые

Дела. О Франция! Печальные дела!

И не зовут, и сам туда не лезу. Что окромя безбожия дала И міровой блудницы Марсельезы? (*Прогулка*).

Картины. Кто с гордостью и спесью не знаком, Не наблюдал печальные картины? Ну что ты выступаешь гусаком! Ведь это Церковь, а не двор гусиный! («*Кто хочет поразить собою мір*…»).

Настоящее. ○ ***Печально.*** Не только в нашей стороне – Повсюду было изначально: И прошлое всегда в огне, И настоящее печально (*Будущее*).

Полоса. ○ ***Печальна.*** Мой замордованный народ! Печальна полоса невзгод, Прискорбна общая разруха, Но страшно поруганье духа! («*Мой замордованный народ!..*»).

ПЛАКАТНЫЙ

Матерьял. А ты, поэт? О чём вещаешь, Держа плакатный матерьял? К какой свободе призываешь, Свою свободу потеряв? («*Блажен, кто Истину не продал...*»).

ПЛОТСКИЙ, –ое

«Я». Поэт – кто, суету отбросив, Перечеркнёт плотское «Я». Поэт – всегда хоругвеносец На крестном ходе бытия («*Блажен, кто Истину не продал...*»).

ПОБЕДНЫЙ

Строй. Таинственно светозвучанье В победн-

ном остатнем строю – Играют живым на прощанье Последнюю песню свою! (*Ночью*).

ПОГИБЕЛЬНЫЙ, –ые

Вехи. Нас куда-то несёт в непроглядную темь, И погибельным вехам не видно конца. Ложь и Смута окрест. Обратитесь в детей!.. Обратитесь в детей и услышите голос Отца («*Нас куда-то несёт в непроглядную темь*…»).

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ, –ое

Звон. Сон мне приснился, Очень странный сон. Будто я слышу Погребальный звон («*Сон мне приснился...*»).

Рыданье. Чудо-Косово. Райская цветь. Что сказать мне в своё оправданье? Жаждал песню заздравную спеть, Да душа в погребальном рыданьи! (*У поля Косова*).

ПОДЛУННЫЙ, –ые

Звуки. Послушай подлунные звуки! Им только до завтра звенеть. Весенние свечи-сосульки, Не вам этот мір обогреть! (*Ночью*).

Мір. Обилие и полногласность звёзд. Мерцание, созвучное хваленью. И необъятен, и безмерно прост Подлунный мір в полночном просветленьи («*Луна и снег. И шорохи вдали*…»). Служит Богу весь подлунный мір, Тихий лес над спящею рекой. О места, забытые людьми,

Лобызаю дивный ваш покой («*Слава Богу, снова я один…*»).

Приют. Попеченья сгубили Наш подлунный приют. Люди Небо забыли, Хоть под Небом живут! (*На природе*).

ПОДРУГА

◙ **Подруга-смерть.** И лукавых старцев лицезреть Во святых обителях случалось. Где была тогда подруга-смерть, Что ж тогда некстати затерялась? («*Тридцать семь – хорошее число...*»).

ПОДСТРЕЛЕННЫЙ, –ая

Птица. Брожу в последний раз Задворками, полями, Смотрю на огоньки Ещё не спящих хат. Берёзки-близнецы С поникшими плечами У дома моего поникшие стоят. И сам невесел я. С чего тут веселиться? Прощайте, лес, поля, И ты, Десна-река. …Наверно, с тем же чувством Подстреленная птица Глядит из лопухов на облака («*Хочу в последний раз...*»).

ПОДСУДНЫЙ, –ое

Всё. ○ ***Подсудно.*** Без отраженья Света всё подсудно: Он – Оправдатель бытия творенья, Пока творенье отражает Свет, Имеет смысл его существованье… («*Стихи должны быть отраженьем Света…*»).

ПОЖЕЛТЕЛЫЙ, –ая, –ые

Роща. Всему предел, всему свой срок назначен, И никому цветенья не продлить! Во всём Премудрость! Было бы иначе – Никто плодов не стал бы приносить. И неслучайно в роще пожелтелой Покоен лик предсмертной красоты… *Не старый умирает, а поспелый* – Нам говорят осенние листы («*Не долго будут красоваться в белом…*»).

Страницы. В окно глядит не наглядится В морозном ободе луна, На пожелтелые страницы Ливает чистый свет она («*Раскрою я Псалтырь святую...*»).

ПОЗОРНЫЙ

Век. И в век позорный, разногласный Христианин из россиян Пред всеми крестится показно И держит свечку, как стакан (*Перед бедой*).

❖ **ПОКАЗНО**

Крестится. Христианин из россиян Пред всеми крестится показно (*Перед бедой*).

ПОКАЯННЫЙ, –ая, –ые

Пора. Радость моя, наступает пора покаянная, Радость моя, запожарилась осень вокруг. Нет ничего на земле постоянного, Радость моя, мой единственный друг («*Радость моя, наступает пора покаянная…*»).

Слова. Я заучил молитвенные строки, Простые п о к а я н н ы е слова. Стою один, совсем не одинокий. Душе́ моя, жива ли ты? Жива! («*Оставив дом, родных, своё наследство...*»).

❖ ПОКОЙНО

Искрят. Луна и снег. И шорохи вдали, Искрят п о к о й н о липы вековые. Окошки от мороза поросли Невиданною, сказочной ковылью («*Луна и снег. И шорохи вдали…*»).

На кладбище. Δ На кладбище п о к о й н о и привольно, Не будит думы отрешённый звук: Осколок лунный возле колокольни Стрижёт на землю жухлую листву («*На кладбище покойно и привольно…*»).

ПОКОЙНЫЙ, –ые

Воды. Осталось мне – скитаться по Руси Без племени, без роду и без званья, На папертях Пречистую просить Испить от вод п о к о й н ы х покаянья («*Какая ширь, и некуда бежать…*»).

Лик. ○ ***Покоен.*** Всему предел, всему свой срок назначен, И никому цветенья не продлить! Во всём Премудрость! Было бы иначе – Никто плодов не стал бы приносить. И неслучайно в роще пожелтелой П о к о е н лик предсмертной красоты… *Не старый умирает, а поспелый* – Нам говорят осенние листы («*Не долго будут красоваться в белом…*»).

ПОЛНОЧНЫЙ, –ая, –ое

Просветленье. Обилие и полногласность звёзд. Мерцание, созвучное хваленью. И необъятен, и безмерно прост Подлунный мір в полночном просветленьи («*Луна и снег. И шорохи вдали…*»).

Темнота. Наполняется скорбью душа, как вода темнотою полночною, Одинокой звезде так понятна моя неизбывная скорбь. И сижу и гляжу в чёрный омут порой неурочною, И звезда подо мной, над моей головой, высоко-глубоко («*Наполняется скорбью душа…*»).

ПОЛНЫЙ, –ая, –ое

Забвенье. Полное забвенье Обо всём живом, Умиротворенье В царстве снеговом («*Вечер. Ветки сада…*»).

Земля. ○ ***Полна благодарений.*** Земля полна благодарений! Себя сомненьями не рань, Коль за окном, в кустах сирени, Пасётся беззаботно лань (*Лань*).

Луна. И знамение велие познах: Жена явися, в солнце облеченна. И под ногами – полная луна. И на главе венец от звезд вечерних (*Глаголы вещие*). Ночь сегодня так ясна, Хоть ищи иголки. Ветер, полная луна, Звёздные осколки («*Ночь сегодня так ясна...*»).

Старость. ○ ***Полна цветенья.*** Прекрасна ста-

рость, коль полна цветенья, Прекрасна старость, если плодоносит (*У старой яблони*).

Тишина. И в этой полной тишине Сквозит торжественная сила, Что полумесяц в полусне И Млечный Путь в ночи носила («*Величье рек – в покое вод…*»).

ПОЛУНОЩНЫЙ

Мір. Мір полунощный затаился, Во мраке чая белый свет. Стоит ветряк, отлопотился: В моем Ветрове ветра нет («*Похоже, осень возвратилась…*»).

ПОЛЬЗИТЕЛЬНЫЙ, –ое

Вино. ○ ***Пользительно.*** – Домой заявишься под утро. Как говорил старчишка Кант: Вино пользительно премудрым… – Да вы пропили свой талант! (*Знаменитость*).

ПОНИКШИЙ, –ие

Берёзки. Δ ***Стоят поникшие.*** Брожу в последний раз Задворками, полями, Смотрю на огоньки Ещё не спящих хат. Берёзки-близнецы С поникшими плечами У дома моего поникшие стоят («*Хочу в последний раз...*»).

Плечи. (*Там же*).

ПОРОЧНЫЙ, –ая

Судьба. И я стою, свидетель третий, Повесив на плечо клобук. Звонарь вещает, аки петел, Мою

порочную судьбу («*Прибит на Крест моей неправдой…*»).

ПОРУГАННЫЙ, –ая

Радость. Прибит на Крест моей неправдой, Чем оправдаюсь пред Тобой? Моя поруганная Радость, Моя распятая Любовь! («*Прибит на Крест моей неправдой…*»).

❖ **ПОСИЛЬНЕЙ**

Ударь. ● Молодой звонарь, Пробуди простор, Посильней ударь. – Господи, помилуй («*Колокольный звон...*»).

ПОСЛЕДНИЙ, –яя, –ее, –ие

Былинка. Пожалей, дорогой, пожалей Всё кругом до последней былинки. Мудрость Божия здесь, на земле, Познаётся не только в великом («*Пожалей, дорогой, пожалей…*»).

Грибники. Последний сбор – лисички, зеленушки. Прощальный дар последним грибникам. Ноябрьский дождь, затихли и лягушки, А нам милы любые облака (*Последнее*).

Дождь. (*Там же*).

Лепта. А душа безсловесно поёт: Как не петь в богозданном краю? И калина калинку даёт, Как последнюю лепту свою («*Ни забот, ни печали, ни дум…*»).

Оправданье. О, как предстану я пред Судией? (Замри, душе, заранее рыдая.) О Дево, будь поддержкою моей, Пред Ним моим последним Оправданьем (*Пресвятая Богородице, спаси нас!*).

Песня. Таинственно светозвучанье В победном остатнем строю – Играют живым на прощанье Последнюю песню свою! (*Ночью*).

Пристань. Росія – лазурное слово, Свечение Вести Благой, Последняя пристань Христова, И нет во Вселенной другой (*Росія*).

Пьянчуга. …Ты что ж натворила, пичуга? Приникнув к стволу головой, Рыдал, как последний пьянчуга, Единственный слушатель твой… («*Луна обречённо скиталась…*»).

Святыни. Река моя, душа моя, отныне Не торопи движение воды, Не потопляй последние святыни, Не порушай остатние мосты! («*А мне остался поворот, и только…*»).

Сбор. *Последнее.*

Снег. Похоже, осень возвратилась, Последний снег прибрал туман. И ночь на землю опустилась, Не ночь – египетская тьма! («*Похоже, осень возвратилась…*»).

ПОСТОЯННЫЙ, –ое

Паденье. И отверзается толкущим, И обретает тот, кто ищет. Почто злорадствует лежащий, Он – постоянное паденье (*Сомненье – чадо маловерья…*»).

❖ **ПОСТЫДНО**

Жил. Как холодно! И нечего одеть. Пронизывают ветры – не укрыться. И впереди – неужто только смерть И эти злые неземные лица? Иного я, увы, не заслужил, Своею жизнью зачеркнул иное. Прости, Господь, что так п о с т ы д н о жил, Простите все, обманутые мною («*Какая ширь, и некуда бежать…*»).

ПОТЕРЯННЫЙ, –ая

Драхма. Не сохранила Божье, не сумела, И страстию, и гордостью дыша, Позеленела ныне, почернела Моя белообразная душа. П о т е р я н н а я драхма при дороге, Священное достоинство в пыли... Душе моя, воспомяни о Боге, Слезя и плача Спаса умоли («*Не сохранила Божье, не сумела...*»).

ПОЧЕРНЕЛЫЙ, –ые

Избушки. О, сколько ты в себя вместила! <…> И п о ч е р н е л ы е избушки, И тихие разливы вод, И деревенские Церквушки, И многостраждущий народ (*Росія*).

ПОШЛЫЙ, –ая

Душа. Нет ничего ненужного под солнцем! И даже незаметная пылинка Основа гор, Земли, планет – Вселенной… И только человек с душою п о ш л о й Творит ненужные свои исчадья –

Уродливые, смрадные деянья (Что может быть страшней уродства духа?) («*Стихи должны быть отраженьем Света…*»).

ПРАВОЗАЩИТНЫЙ, –ые

Солдаты. Листвой, одеждой застилают Дорогу в Иерусалим! Шумят, бегут, провозглашают… День ликованья! А за ним – Демократичный суд Пилата, Архиерейская молва, Правозащитные солдаты И терноносная Глава! (*Вход Господень в Иерусалим*).

ПРАВОСЛАВНЫЙ, –ая, –ое, –ые

Вера. Стар и мал равны, все с ума сошли, Отреклись от Бога, безумные, Православную веру забросили И живут, жуют будто вечные («*Матушка Добрынюшке наказывала...*»).

Дух. Из заморских стран едут нехристи И с собой везут нравы срамные, Всем заморским Русь заполонили, Так что духу нет православного («*Матушка Добрынюшке наказывала...*»).

Дыханье. Росія – Свет! Росія – Предстоянье! И Грех, и Плен, и всё же – Божий Дом. Росія – Православное дыханье, Препона плоти на пути земном («*Росія – Свет!..*»).

Кресты. Затосковали деревья безправные, В ризах растерзанных гибели ждут. Лишь золотые Кресты Православные, Радость моя, нас

в безсмертье зовут («*Радость моя, наступает пора покаянная…*»).

ПРАВЫЙ, –ые

Все. ○ ***Правы.*** Не разрывайте Истину на мнения. Вы скажете – отчасти п р а в ы все? Но это полнолуние осеннее Не отразить мерцающей росе («*Не разрывайте Истину на мнения…*»).

ПРАЗДНИЧНЫЙ

Концерт. Всё выступленье кажется моментом, Соединились пекло и мороз. И до чего ж горьки́ аплодисменты, Аплодисменты нефальшивых слёз! Кто мнёт платок, кто держится за сердце, Кто просто отрешённо смотрит вниз. Как на обычном п р а з д н и ч н о м концерте… Да только здесь не вызовут на бис («*Все перед смертью говорят стихами...*»).

ПРАЗДНЫЙ, –ые

Вопрос. ***Не праздный.*** Мы не любим и хаем ненастья, Нас тревожат явления гроз. Что нужнее – несчастье иль счастье? Это вовсе не п р а з д н ы й вопрос («*Мы не любим и хаем ненастья...*»).

Гимн. Увы, увы! Хвалиться нечем И тем, и этим, и другим. Одни и те же лица, речи, Один и тот же п р а з д н ы й гимн («*Блажен, кто Истину не продал...*»).

Глагол. Настроясь на высокую волну, Омыв уста от праздного глагола, Я снова осязаю тишину Под лунным убывающим осколом («*Настроясь на высокую волну...*»).

Речи. Уже вечер, друзья, уже вечер, И луна свою лампу зажгла. Так оставим же праздные речи, Оторвёмся на миг от стола («*Уже вечер, друзья, уже вечер...*»).

ПРЕБЛАЖЕННЫЙ, –ая

Душа. ○ ***Преблаженна.*** Лазурь небес, тюльпаны, мурава! Подснежники сугробятся в овраге. Душа вбирает волны Торжества – Она мечтой давно уже на Браке. Её ничем не нужно утешать, Хотя по-прежнему несовершенна. Блаженства ищет вечная душа, Не зная о себе, что преблаженна! («*Лазурь небес, тюльпаны, мурава!..*»).

Осуждённый за правду. ○ ***Преблажен.*** Людская память – вешняя вода, Она умрёт, как город осаждённый. Блажен, кто никого не осуждал, Но преблажен за Правду осуждённый (*Екклесиаст*).

ПРЕВЕЧНЫЙ, –ая

Истина. О неделимость Истины Превечной, Премудрость и Препростость бытия, Почто дробит Тебя дух человечий Безумством человеческого «я»? («*Не разрывайте Истину на мнения…*»).

Любовь. Молю безропотной мольбой: Всели её в места прохлады, Прими в Превечную Любовь, Оставь на мне её неправды («*Да претворится эта скорбь…*»).

ПРЕДПОСЛЕДНИЙ

Язык. …Беззаботно кленёнок лопочет Языком предпоследним своим («*Красотой октября запорошен...*»).

ПРЕДРАССВЕТНЫЙ, –ая

Тишина. В отчем доме, старом и заброшенном, Сяду у окна, уединюсь, Напитаю душу словом Божиим, Предрассветной тишиной напьюсь («*В отчем доме, старом и заброшенном…*»).

ПРЕДСМЕРТНЫЙ, –ая

Дрожь. Красотой октября запорошен, Лес в высоком порыве затих. Лишь осина предсмертною дрожью Нагоняет тоску на других («*Красотой октября запорошен...*»).

ПРЕКРАСНЫЙ, –ая, –ое, –ые

Бытие. ○ ***Прекрасно.*** Искусственность всегда второго сорта, Прекрасно бытие и без прикрас. Ах, фонари, создатели комфорта, Фальшивый свет окрадывает нас («*Искусственность всегда второго сорта...*»).

Воды. Я пойду, где стоят корабли, Поплыву просто так, в никуда. От прекрасной, но чуждой земли, По прекрасным и чуждым водам («*Я пойду, где стоят корабли...*»).

Земля. (*Там же*).

Мір. ○ ***Прекрасен.*** Стою, гляжу на чудное свеченье Прилунного морозного столбца… Прекрасен мір! Зело добро творенье! Но что сказать о Красоте Творца? («*А мне зима всё более по нраву...*»). Прекрасен мір, зело-зело прекрасен! Я помню в детстве, на холмах Рябчёвска, Глядел часами на разлив Десны («*Прекрасен мір, зело-зело прекрасен!..*»).

Палисад. ○ ***Прекрасен.*** Обилие цветений полевых. Прекрасен многоцветьем палисад. Но красота без доброты, увы, Всегда несовершенство и разлад («*Обилие цветений полевых...*»).

Старость. ○ ***Прекрасна.*** Прекрасна старость, коль полна цветенья, Прекрасна старость, если плодоносит. Гудят шмели. Мой край подобен Раю, Где не живет безверная тревога. Вдыхаю райский дух и выдыхаю: Прекрасна старость, славящая Бога! (*У старой яблони*). Δ ***Может быть прекрасной.*** А старость может быть прекрасной, Иметь благообразный вид… Любые лекари напрасны, Когда душа грехом смердит! («*И знают – жизнь не безконечна…*»).

ПРЕЛЬЩЁННЫЙ

Свет. Хотя и рядом, да не вместе И грех, и святость столько лет. Но капля правды перевесит Греховный мір – прельщённый свет (*Капля правды*).

ПРЕМІРНЫЙ, –ая

Высота. Царит луна в прозрачности великой. Ей хорошо с премірной высоты Пылающей хрустальною веригой Одаривать деревья и кусты («*А мне зима всё более по нраву...*»).

ПРЕЧИСТЫЙ, – ая

Риза. На поле сенозорник и страдник, В июле за трудом не видно лета, И все же удосужился, приник К Пречистой Ризе Матери Всепетой («*А прóсинец известен как январь...*»).

ПРЕЧУДНЫЙ, –ая

Сила. Увы, неправда не престанет Собой вселенную питать... И всё же капля перетянет – Пречудной силою Креста (*Капля правды*).

❖ **ПРИВОЛЬНО**

На кладбище. Δ На кладбище покойно и привольно, Не будит думы отрешённый звук. Осколок лунный возле колокольни Стрижёт на землю жухлую листву («*На кладбище покойно и привольно…*»).

ПРИГОВОРЁННЫЙ, –ая

Душа. Δ ***Жила приговорённою.*** Душа забыла оправданья, Приговорённою жила. А тут – лесов очарованье! <…> Да кто же руку подымает На Божью чудо-красоту! Нет, не случайны эти встречи, Благословен прозренья час! (*Лань*).

ПРИДОРОЖНЫЙ, --ые

Кущи. Ах, оставьте, не нужно тревожить Эту воду у мокрых обочин. Лужи спят на раскисшем ложе И, конечно, мечтают о большем. В их мечтах – одинокий месяц, Капли звёзд, придорожные кущи. И никто до утра не месит Сапогами больные их души («*Ах, оставьте, не нужно тревожить...*»).

ПРИЛУННЫЙ

Столбец. Стою, гляжу на чудное свеченье Прилунного морозного столбца… Прекрасен мір! Зело добро творенье! Но что сказать о Красоте Творца? («*А мне зима всё более по нраву...*»).

❖ **ПРИНАРОДНО**

Оголялись. Не потому ли, по заказу, Выносят мерзость и заразу? Чтоб жрали и хлебали пойло, Чтоб горницей казалось стойло, Чтоб принародно оголялись И без конца совокуплялись, Теряя разум в наслажденьях И утопая в испражненьях, Чтоб, обезумев от зловонья, Забы-

ли о простом законе: Толпе без чести, без стыда Не стать народом никогда! (*Народу!*).

ПРИСКОРБНЫЙ, –ая, –ые

Оба. ○ ***Прискорбны.*** Я гляжу на великий погост, Исполняюсь звучаньем особым. Здравствуй, Косово! Я твой гость. Отчего же прискорбны оба? (*У поля Косова*).

Разруха. ○ ***Прискорбна.*** Мой замордованный народ! Печальна полоса невзгод, Прискорбна общая разруха, Но страшно поруганье духа! (*Народу!*).

❖ **ПРИСТАЛЬНО**

Всматриваюсь. Всматриваюсь пристально, Но просвета нет. Радость моя чистая, Невечерний Свет («*Жду Тебя напрасно я…*»).

ПРИШЛЫЙ, –ая

Погань. Завязали Ивану глаза, Рот забили и уши заткнули – Ни увидеть ему, ни сказать. Обобрали всего и швырнули! Даже руки скрутили назад (Сам виновен – на горькую падок!) И глумятся ещё, говорят: – Это ж надо! Какой безпорядок! Эй, соседи! Взгляните, как жил, Не светёлка, а просто берлога… Эх, Иван, дорогой! Развяжись, Чтобы выставить пришлую погань! («*Завязали Ивану глаза…*»).

ПРОЗРАЧНЫЙ

Лес. ○ ***Прозрачен.*** Осенний лес прозрачен в самой гуще, Не свистнет птица, сердце веселя. Но говорит порою о живущих Вокруг дубов изрытая земля (*Последнее*).

ПРОЗРЕВШИЙ, –ая

Магдалина. Я устало к окну приникаю И, уставясь в вечернюю муть, Магдалиной прозревшею каюсь, Что весенней поры не вернуть («*Вьюга ноет, тоскливо так ноет…*»).

ПРОСВЕТЛЁННЫЙ, –ая

Грусть. Пора пожаров над травой зелёной, Огни с ветвей безропотно летят. Здесь не бывает грусти просветлённой, Здесь до единой все кровоточат (*Осиновая роща*).

❖ **ПРОСТО**

Жить Δ Луна в багровом круге. Не пойму. На небесах подобие сиянья. К морозу, что ли? Видно по всему. А соловьи? Распелись – ноль вниманья. А вдруг зима? – Поют себе в кустах. А ну завьюжит? – Пуще рассвистались! Душе́ моя, гляди на этих птах: Как просто жить, на Бога полагаясь! («*Луна в багровом круге…*»).

ПРОСТОЙ, –ая, –ые

Братия. Пела братия простая, Как в обители

поют. И мелодия святая Утешала скорбный люд («*Отложим попечение...*»).

Быт. Так давайте ж подымем бокалы, Своим бытом п р о с т ы м дорожа, Чтоб его теплотой обласкала Сердобольная чья-то душа («*Уже вечер, друзья, уже вечер...*»).

Головешки. Две головешки жалобно чадили, Но люди торопливо проходили. Вдруг налетел случайный ветерок, Взметнулись искры, ожил огонёк, И путник одинокий отогрел Озябшие ладони на костре. Присловица закончена уже, Напрасно в ней выискивать усмешки: Коль нету Духа Божьего в душе, Талант и труд – п р о с т ы е головешки («*Две головешки жалобно чадили…*»).

Загадка. Δ Ещё февраль чистейшей манной Голу́бит землю пред постом, Но март лазурью трисиянной Напомнит всем о Дне Святом. Загадка руская п р о с т а я: Раскинут мост да на семь вёрст. В конце моста верста златая – Ведёт к седмице Света пост («*Ещё февраль чистейшей манной...*»).

Закон. Не потому ли, по заказу, Выносят мерзость и заразу? Чтоб жрали и хлебали пойло, Чтоб горницей казалось стойло, Чтоб принародно оголялись И без конца совокуплялись, Теряя разум в наслажденьях И утопая в испражненьях, Чтоб, обезумев от зловонья, Забыли о п р о с т о м законе: Толпе без чести, без стыда Не стать народом никогда! (*Народу!*).

Истина. Вовсю [берёзы] стремятся к высоте, Являя истину п р о с т у ю: Что никогда не тесно тем, Кто возлюбил лазурь святую (*Страна берёз*).

Мотив. Земля от весны заболела. От сырости – лужи и грязь. Но птица какая-то пела, Меж мокрых ветвей затаясь. И я, это пенье услышав, Не в силах поверить ушам, Скорее увериться вышел, Как чья-то ликует душа. Мотив незатейливый, милый, Забытый, немодный, п р о с т о й… Но что-то тотчас защемило В душе моей тяжко-пустой («*Луна обречённо скиталась…*»).

Мір. ○ ***Прост.*** Обилие и полногласность звёзд. Мерцание, созвучное хваленью. И необъятен, и безмерно п р о с т Подлунный мір в полночном просветленьи («*Луна и снег. И шорохи вдали…*»).

Она. ○ ***Проста.*** Красивости не терпит Красота, Не знает позы мудрая природа: Она невинна, потому п р о с т а И радует в любое время года («*Красивости не терпит Красота...*»).

Слова. Я заучил молитвенные строки, П р о с т ы е покаянные слова. Стою один, совсем не одинокий. Душе́ моя, жива ли ты? Жива! («*Оставив дом, родных, своё наследство...*»).

Стекляшка. Стекляшка мелкая лежала И устремляла к солнцу взор. А зеркало – какая жалость! – Лишь отражало скотный двор. Уже-ли зеркалу не тяжко Жующих жвачку ублажать? Не лучше ли п р о с т о й стекляшкой Лежать и солнце отражать? («*Стекляшка мелкая лежала...*»).

ПРОЩАЛЬНЫЙ

Дар. Последний сбор – лисички, зеленушки. Прощальный дар последним грибникам. Ноябрьский дождь, затихли и лягушки, А нам милы любые облака (*Последнее*).

Час. Последний дождь. Назавтра обещали Ветра, снега, и то сказать – пора! …Как обреченно смотрят в час прощальный Лисички, зеленушки из ведра! (*Там же*).

ПУСТОЙ, –ое, –ые

Всё. Луны блестящее кадило Курилось дымкой облаков. И всё пустое отходило Затихнуть где-то далеко (*Молитва*).

Дом. ○ ***Пуст.*** Он к тебе пришёл – Богочеловек, Исцеляя кротостью уст. Не признав Христа – Господа отверг, Потому твой дом пуст (*Иерусалим*).

Закрома. ○ ***Пусты.*** А вот и червень. Закрома пусты, Конец пролетья, лето наступает. В июне хороводятся цветы И Троицу берёзки ублажают («*А про́синец известен как январь...*»).

ПУСТЫННЫЙ, –ые

Места. Прослыву на міру нелюдимым, угрюмым и гордым, Схоронясь ото всех в заповедных пустынных местах. Коль нельзя без молвы, именуйте меня кем угодно, Оправданья излиш-

ни, зачем, всё понятно и так («*Прослыву на міру нелюдимым, угрюмым и гордым…*»).

ПУТЬ

◙ **Путь-дорога.** О п у т ь-дорога! Не проехать мимо, Не обойти – ты всюду под ногой. Бранима, ненавистна и любима... Я не хотел бы шествовать другой («*При слове "сорок" что-то оборвалось…*»).

ПУШИСТЫЙ, –ые

Бубенцы. Дерева́ предчувствуют, наверное, Жаль и ради Праздника губить. Не сломаю вербочку на Вербное: Как же ей до Пасхи не дожить? Прошепчу молитву освящения Золотым, п у ш и с т ы м бубенцам И водой Великого Крещения Окроплю в честь каждого Лица (*Вербочка*).

ПЫЛАЮЩИЙ, –ая

Верига. Царит луна в прозрачности великой. Ей хорошо с премірной высоты П ы л а ю щ е й хрустальною веригой Одаривать деревья и кусты («*А мне зима всё более по нраву...*»).

РАБСКИЙ, –ая

Смерть. Страстну́ю знаем наперёд. И к смерти р а б с к о й и ужасной Жребя́ Царя царей несёт (*Вход Господень в Иерусалим*).

РАЗДАВЛЕННЫЙ

Месяц. И окончится звёздный праздник Под ногами зевак и растяп. И захаркают лужи грязью, За р а з д а в л е н н ы й месяц мстя («*Ах, оставьте, не нужно тревожить...*»).

РАЗДИРАНЬЕ

◙ **Раздиранье-раздвоенье.** Меня всегда влекло уединенье, Но жил в міру, который не отверг. И это р а з д и р а н ь е-раздвоенье Вещало мне: – Ты ветхий человек» («*Как я стремился к иноческой доле!..*»).

РАЗНОГЛАСНЫЙ

Век. И в век позорный, р а з н о г л а с н ы й Христианин из россиян Пред всеми крестится показно И держит свечку, как стакан (*Перед бедой*).

РАЙСКИЙ, –ая

Дух. Гудят шмели. Мой край подобен Раю, Где не живет безверная тревога. Вдыхаю р а й с к и й дух и выдыхаю: Прекрасна старость, славящая Бога! (*У старой яблони*).

Цветь. Чудо-Косово. Р а й с к а я цветь. Что сказать мне в своё оправданье? Жаждал песню заздравную спеть, Да душа в погребальном рыданьи! (*У поля Косова*).

РАСКИСШИЙ, –ее

Ложе. Ах, оставьте, не нужно тревожить Эту воду у мокрых обочин. Лужи спят на р а с к и с ш е м ложе И, конечно, мечтают о большем. В их мечтах – одинокий месяц, Капли звёзд, придорожные кущи. И никто до утра не месит Сапогами больные их души («*Ах, оставьте, не нужно тревожить*...»).

РАСПАХНУТЫЙ, –ая

Душа. Живи с р а с п а х н у т о й душою, Встречая зори босиком. Не можешь стать рекой большою – Будь малым чистым родником («*Живи с распахнутой душою*...»).

РАСПЯТЫЙ, –ая

Любовь. Прибит на Крест моей неправдой, Чем оправдаюсь пред Тобой? Моя поруганная

Радость, Моя распятая Любовь! («*Прибит на Крест моей неправдой…*»).

Христос. Ещё не все объезжены места, Не до последней выплаканы строфы. И всюду – Лик Распятого Христа, И всюду – продолжение Голгофы («*Ещё не все объезжены места…*»).

РАСТЕРЗАННЫЙ, –ые

Ризы. Затосковали деревья безправные, В ризах растерзанных гибели ждут. Лишь золотые Кресты православные, Радость моя, нас в безсмертье зовут («*Радость моя, наступает пора покаянная…*»).

РЕЗНОЙ, –ые

Украшения. Стёкла в украшениях резных, Замер под сугробами погост. На верхушке стынущей сосны Птицами таится стайка звёзд («*Слава Богу, снова я один…*»).

РЕКА

Жизнь-река. Что мудрить? Кто живёт не утробно – Всё прии́мет из Божьей руки: Ведь несчастье и счастье подобны Берегам нашей жизни-реки («*Мы не любим и хаем ненастья...*»).

РЕЧНОЙ, –ая

Излука. Затворюсь, закроюсь, замолчу В старом доме у речной излуки. Упокоюсь от молвы

чуть-чуть, Напитаюсь досыта разлукой («*Затворюсь, закроюсь, замолчу…*»).

РОДИМЫЙ, –ая, –ые

Люд. Дорогие мои, это всё! Отовсюду хула и глумленье! Нас теперь только чудо спасёт, Да хотим ли мы сами спасенья? Где народ мой? Ау! Что со мной? Я не вижу родимого люда. Потому-то и правят страной Подлецы, проходимцы, иуды («*Дорогие мои, это всё!..*»).

Напевы. Скоморохам житьё – лучше некуда, Приосанилось племя вертлявое, Позабыли напевы родимые, И гудят гудцы непотребное («*Матушка Добрынюшке наказывала...*»).

Сторонушка. В Испанию не тянет и в бреду: Там живодёрня при свободе мнимой. Я одиноко по лесу бреду И радуюсь сторонушке родимой (*Прогулка*).

РОДНИКОВЫЙ, –ая

Вода. Словно воздуха свежий поток – Новоросія! Как воды родниковой глоток – Новоросія! (*Гимн Новоросіи*).

Русь. Родина, моя Родина, Родниковая тихая Русь! Родина, моя Родина, Неужели к тебе не вернусь? (*Яблони детства*).

РОДНОЙ, –ая

Речь Родная речь – Отечеству основа. Не за-

мути Божественный родник. Храни себя: душа рождает слово – Великий святорускій наш язык! (*Родная речь*).

Сторона. Сколько мучеников, исповедников Пред Престолом стоят Вседержителя, День и ночь умоляют с Пречистою О р о д н о й стороне, об Отечестве («*Матушка Добрынюшке наказывала...*»). Хочу в последний раз Запечатлеть до гроба И твой собачий лай, И церковь без Креста… Р о д н а я сторона! Здесь теплится особо Нетёплая Полярная звезда («*Хочу в последний раз...*»).

Сторонка. Давным-давно, совсем еще ребёнком, Когда мечтой и чистотой дышал, При матушке, да на р о д н о й сторонке, Под листопадом яблоньки сажал (*Яблони детства*).

Язык. Нет, я совсем не против Киргизстана, А также прочих самостийных стран. Но никогда уродовать не стану Р о д н о й язык наростом *Кыргызстан* («*Нет, я совсем не против Киргизстана...*»).

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, –ая

Фата. Как отрешённо-чутки дерева, Не шелохнут Р о ж д е с т в е н с к о й фатою. Попыхивает инеем трава, Перекликаясь с дальнею звездою («*Настроясь на высокую волну...*»).

РОЗОВЫЙ, –ая

Сирень. Мой подарок будет невеликим. Поло-

жу тебе я на колени Не охапку р о з о в о й сирени, А цветы душистой повилики (*Повилика*).

Телёнок. Горит звезда над головою клёна. Луна повисла каплей над окном. Но утро – этот р о з о в ы й телёнок – Её слизнёт шершавым языком («*Горит звезда над головою клёна…*»).

РУСКІЙ, –ая, –ое, –ие

Доля. Храм кругами обхожу Снежной коркой хрусткой. О себе уж не прошу, А о доле р у с к о й. Столько горя на Руси! Кто его развеет? О себе чего просить – Всё душа имеет! («*Ночь сегодня так ясна...*»).

Женщины. В заглавии стихотворения (*Р у с к і е женщины*).

Загадка. Ещё февраль чистейшей манной Голу́бит землю пред постом, Но март лазурью трисиянной Напомнит всем о Дне Святом. Загадка р у с к а я простая: Раскинут мост да на семь вёрст. В конце моста верста златая – Ведёт к седмице Света пост («*Ещё февраль чистейшей манной...*»).

Земля. Я вчера скакал по Святой Руси, Я стрелой летел ниже облака, На высоком холме свой раскинул шатёр Поглядеть орлом землю р у с к у ю («*Матушка Добрынюшке наказывала...*»). Горе, горе над Р у с к о й Землёй! Разгулялись в открытую бесы. Размелькались, под хохот и вой, И рога, и копыта, и пейсы («*Дорогие мои, это всё!..*»). Ты Покровом покрываеши Русь мою многостра-

дальную, Русь мою многораспятую О Владычице Державная <...> Умоли за землю Р у с к у ю Сына Своего Сладчайшего, Да воздаст Он нам по милости – Не по нашему неверию («*Пресвятая Богородице*...»).

Печка. Мать моя затопит печку р у с к у ю, Заиграют блики на стене. Треск поленьев деревенской музыкой Отзовётся с дрёмою во мне («*В отчем доме, старом и заброшенном*…»). Печка Р у с к а я! Кормилица Руси! Не тебе ль ребёнком глину я месил? Хоть к работе сызмала привык – Да не за́ день-два сложил тебя печник (*Руская печка*).

Поле. Продано р у с к о е поле, Нет земледельцу житья! Если Росія в неволе – Что мне свобода моя! (*Ду́ши не пачкают лестью*…»).

Речь. Погибаешь за Р у с к у ю речь – Новоросія! Святорусью защита и меч – Новоросія! (*Гимн Новоросіи*).

Селенья. Поплачет, вздохнет с облегченьем, И вроде не давит беда… Есть женщины в р у с к и х селеньях! И верим, что будут всегда! (*Рускіе женщины*).

Сыны. Матушка Добрынюшке наказывала, Государыня Добрынюшке наговаривала: – Ох и глупый ты сын, свет Дементьевич, Не набрался, поди, уму-разуму. Не пришла ещё ночка тёмная, Ночка тёмная, тьма кромешная. Есть ещё на земле сыны р у с к і е, Православную веру хранящие («*Матушка Добрынюшке наказывала*...»).

РЫЖИЙ

Конь. *Усеч. ф.* ***Рыж.*** И белый конь, и рыж, и вороной, Почуяв волю, понеслись на землю (*Глаголы вещие*).

❖ **РЬЯНО**

Зализывая. Мети, мети, російская пурга, Следы мои зализывая рьяно. Земля иная под весенний гам Покроет холм полынью и бурьяном («*Я к вам приду от северных земель…*»).

САМОСТИЙНЫЙ, –ые

Страны. Нет, я совсем не против Киргизстана, А также прочих самостийных стран. Но никогда уродовать не стану Родной язык наростом *Кыргызстан* («*Нет, я совсем не против Киргизстана*...»).

СВЕЖИЙ

Дух. И этот свежий дух Обобранного сада, И запах от костров Картофельной ботвы. Исповедальный лад Ночного листопада Доверен бытию опятовой братвы («*Хочу в последний раз*...»).

Поток. Словно воздуха свежий поток – Новоросія! Как воды родниковой глоток – Новоросія! (*Гимн Новоросіи*).

СВЕТЛЫЙ, –ая

Безпросветность. ● ***Не станет светлей.*** И уже, как ни думай, ни охай, Безпросветность не станет светлей... Я назвал бы Росію Голгофой, Но Голгофа одна на земле («*Столько боли кругом, столько боли!*..»).

Дом. ○ **Светел.** Вечерами кто-то в гости приходил И душевные беседы заводил. Керосиновая лампа – с в е т е л дом! Мужики и бабы за столом (*Руская печка*).

Исповедь. И, быть может, не стану пророчить, Где-то путник в нелёгком пути, Но под с в е т л у ю исповедь ночи Он надеется всё же дойти («*Уже вечер, друзья, уже вечер...*»).

Мечта. Иерусалим, Иерусалим, С в е т л а я моя мечта. Иерусалим, Иерусалим, Город моего Христа (*Иерусалим*).

Ночь. ○ ***Светла.*** Ночь с в е т л а. Среди берёзок месяц Поразлил мелодии свои («*Ночь светла...*»).

Пустыня. Ночь. Полнолунье. Божья благостыня. Душа вбирает неземной покой, Где с в е т л а я безмолвная пустыня Искрит над головой и под ногой («*А мне зима всё более по нраву...*»).

СВЕТЯЩИЙСЯ

Лёд. Не слышно собачьего лая, Как будто повымер народ. Восходит луна, оживляя И снег, и с в е т я щ и й с я лёд (*Ночью*).

СВЕЧА, –и

◙ **Свечи-сосульки.** Послушай подлунные звуки! Им только до завтра звенеть. Весенние с в е ч и-сосульки, Не вам этот мір обогреть! (*Ночью*).

СВОБОДНЫЙ, –ые

Мы. ● ***Были свободнее.*** И пускай лизоблюды

безродные Распинателей Родины славили, И в неволе мы были свободнее, Потому как мы – не лукавили! («*Как мы жили? Себя похабили...*»).

Я. ○ ***Свободен.*** Свободен я от сыновства земного! Готов нести иное сыновство. Светоприемлю у холма сырого: – Господь живых! Я без остатка Твой! («*А в отчий дом меня уже не тянет…*»).

СВЯТОЙ, –ая, –ое, –ые

Дела. ○ ***Святы.*** Всё внимает Богу не дыша. Господи, дела Твои святы. Что ж ты плачешь, глупая душа, Иль и ты коснулась Чистоты? («*Слава Богу, снова я один…*»).

День. Ещё февраль чистейшей манной Голу́бит землю пред постом, Но март лазурью трисиянной Напомнит всем о Дне Святом («*Ещё февраль чистейшей манной...*»).

Достоинство. До неприличья от корней отстали, И только слово нас ещё корит. Зачем нам заикаться в этом *Таллинн*? Пущай себе он Талином стоит! Угодничанье и гроша не стоит, Зато влечёт со всех сторон нажим… Кто сохранил достоинство святое, Не подражает грамотам чужим! («*Нет, я совсем не против Киргизстана...*»).

Кресты. Радость моя, эта суетность грешная Даже на паперть швыряет листы. Но возжелали покоя нездешнего Белые Церкви, святые Кресты («*Радость моя, наступает пора покаянная…*»).

Кто. ○ ***Свят***. О, как бы нам не погрешить, Хваля или пороча! Не страстному уму судить – Кто с в я т, а кто не очень. Мы все стоим на острие, Желая совершенства… Не за талант – за житие И святость, и блаженство (*О святости*).

Лазурь. Вовсю [берёзы] стремятся к высоте, Являя истину простую: Что никогда не тесно тем, Кто возлюбил лазурь с в я т у ю (*Страна берёз*).

Свята. ○ Но почему лазурь с в я т а́ И шлёт земле благословенье? Где высота, там чистота, Где чистота, там освященье (*Там же*).

Любовь. Безсмертная [душа] не знала б слепоты, Когда б повязку страсти не надела. Когда бы не дела нечистоты, Любовь С в я т у ю присно б лицезрела («*А в Царстве Света чувства не нужны...*»).

Мелодия. Пела братия простая, Как в обители поют. И мелодия с в я т а я Утешала скорбный люд («*Отложим попечение...*»).

Молитва. В твоём сердце молитва с в я т а я Разгоняет душевную тьму. Может, скоро и я, все оставив, Помолясь, посох в руки возьму («*Уже вечер, друзья, уже вечер...*»).

Молчание. Нет, не мгновение шлёт вдохновение, А с Благодатью души венчание. Служенье малое – стихосложение, Оно сверяется с Богослужением И осеняется с в я т ы м молчанием («*Нет, не мгновение шлёт вдохновение...*»).

Ночь. Святая ночь! Блаженство и покой! Стою один под куполом бездонным. И Млечный Путь надмірною рекой Несёт себя к туманам отдалённым («*Святая ночь! Блаженство и покой!..*»).

Обители. И лукавых старцев лицезреть Во святых обителях случалось. Где была тогда подруга-смерть, Что ж тогда некстати затерялась? («*Тридцать семь – хорошее число...*»).

Правда. И, вступая с фашистами в бой – Новоросія! Знаешь: Правда Святая с тобой – Новоросія! (*Гимн Новоросіи*).

Прелесть. Прелесть по наружности святая, Но смиренья ей не понести. Из одной в другую попадаем, Чтобы третью встретить на пути («*Прелесть – уклонение от Правды...*»).

Простота. Лучше сяду, но в стойло не встану! Лучше смерть, чем дорога раба! Не по сану тебе, не по сану, Сын Росіи, такая судьба! Посмотри, что с тобой сотворили! Оглянись на свою нищету. В отчем доме тебя полонили За святую твою простоту! (*Лучше сяду, но в стойло не вст*ану!..»).

Псалтырь. Раскрою я Псалтырь святую, Свечой лампаду затеплю́, Наброшу мантию худую, С Давидом вместе воспою («*Раскрою я Псалтырь святую...*»).

Русь. А звонарь знаменитый Навевает звоном грусть, Разве ты была убита, О моя Святая Русь? («*Отложим попечение...*»).

Слова. ○ ***Святы.*** Не возноситесь, Судия воздаст, И это будет бедствие из бедствий. Святы твои слова, Екклесиаст: «Всё, что без Бога – суета суетствий!» (*Екклесиаст*).

Часы. Опускаю ладонь, размываю своё отражение, И отходят круги, и волнуется свет голубой. И в святые часы одиночества, изнеможения Принимаю и пью всё, что послано свыше Тобой («*Наполняется скорбью душа…*»).

Я. ● ***Не святее вас.*** И опускаю руки В невыносимый час. Да, дорогие други, Я не святее вас («*И обошли стороною…*»).

СВЯТОРУСКІЙ

Язык. Родная речь – Отечеству основа. Не замути Божественный родник. Храни себя: душа рождает слово – Великий святорускій наш язык! (*Родная речь*).

СЕВЕРНЫЙ, –ые

Земли. Я к вам приду от северных земель Запы́ленным, неузнанным скитальцем. Ничто мне не напомнит о зиме, В которой я не захотел остаться («*Я к вам приду от северных земель…*»).

СЕДОЙ

Кончик хвоста. ○ ***Сед.*** Но вот убитую лисицу Увидел на чужих санях. И что-то в міре измени-

лось, Как будто солнышко зашло. – За что её? Чем провинилась? – Давился горюшком без слов. И всё глядел на бедолагу (Большущий хвост, а кончик с е д) И, может быть, впервые плакал, Узнав, что мір жестокосерд (*Лисичка*).

СЕРБСКИЙ

Стяг. Но напрасно злорадствует враг, Отымая и горы, и долы. Сердце Сербии, с е р б с к и й стяг! Ты уже у Христова престола! (*У поля Косова*).

СЕРДЕШНЫЙ

Друг. Пятки голые к горячим кирпичам, И не надобно таскаться по врачам. Ну а если друг с е р д е ш н ы й забегал, То и он ко мне на печку залезал (*Руская печка*).

СЕРДОБОЛЬНЫЙ, –ая

Душа. Так давайте ж подымем бокалы, Своим бытом простым дорожа, Чтоб его теплотой обласкала С е р д о б о л ь н а я чья-то душа («*Уже вечер, друзья, уже вечер...*»).

СЕРЕБРЯНЫЙ, –ые

Струны. Матушке Добрынюшка наказывал, Государыне Добрынюшка наговаривал: – Ты прости, государыня-матушка, Не поётся мне, не играется, Не пощипывать мне струн с е р е-

брянных, Не потряхивать весело кудрями («*Матушка Добрынюшке наказывала...*»).

СЕРЁЖКА, –и

◙ **Серёжки-сосульки.** Снега, что на солнце сгорают, Морозец повывесил в ряд – Под старою крышей сарая Серёжки-сосульки искрят (*Ночью*).

СВЯЩЕННЫЙ, –ое

Безмолвье. И в священном безмолвьи, узнав приближенье Желанного, Позабыла мольбы, чем готовилась Гостя принять. Воспарила душа, ощущая в себе Несказанное, И истаяла в Нём, не успев даже слова сказать («*Возжада́ла душа приобщиться из Чаши моления…*»).

Достоинство. Не сохранила Божье, не сумела, И страстию, и гордостью дыша, Поземленела ныне, почернела Моя белообра́зная душа. Потерянная драхма при дороге, Священное достоинство в пыли... Душе́ моя, воспомяни о Боге, Слезя и плача Спаса умоли («*Не сохранила Божье, не сумела...*»).

СИЛЬНЫЙ, –ее

Покаяние. ● ***Сильней греха.*** Псалмы Давида – радость и рыданье. Царь показал и жизнью, и в стихах, Что за паденьем следует восстанье,

Что покаяние сильней греха («*Боголюбивый муж не знает мрака...*»).

СИРЫЙ

Каждый. ○ ***Станет сир.*** Длиною с детство счастие земное, Пройдёт оно – и каждый станет сир… А яблони, посаженные мною, Так разрослись!.. Им тесен детский мір (*Яблони детства*).

Клин. О, сколько ты в себя вместила! И грусть немереных равнин, И причитанья у могилок, И сирый журавлиный клин (*Росія*).

СКАЗОЧНЫЙ, –ая

Ковыль. Луна и снег. И шорохи вдали, Искрят покойно липы вековые. Окошки от мороза поросли Невиданною, сказочной ковылью («*Луна и снег. И шорохи вдали…*»).

СКВЕРНЫЙ, –ая

Душа. Но те, кто обитает на помойках, Кто кормится отбросами гнилыми, Кто чистоты совсем не принимает, Приветствуют его, как чудодея, Поют хвалу, звездою величают... А если бы отмылись в трёх потоках, Увидели бы, что звезда – окурок, Что чудодей – больной певец помоек… Познали бы – душе нечистой, скверной Никак нельзя плодить, тем паче – слово! («*Стихи должны быть отраженьем Света…*»).

СКОЛЬЗКИЙ, –ая

Дорога. И я шепчу, теряя силы, Кровавя скользкую дорогу: Вода стоячая – трясина. Благословен идущий к Богу («*Сомненье – чадо маловерья…*»).

СКОРБНЫЙ, –ая, –ое

Глава. Ангеле, Хранитель, не отрини! Что склоняешь скорбную главу? Иль меня Господь из Книги жизни Вычеркнул, как сорную траву? («*Что, Адам, сидишь ты против Рая…*»).

Люд. Пела братия простая, Как в обители поют. И мелодия святая Утешала скорбный люд («*Отложим попечение...*»).

Молчанье. Уже не жажду исцеленья, Хотя надежды не отверг. Свои молебные прошенья В молчанье скорбное облек... («*Уже не жажду исцеленья…*»).

СКОРБЯЩИЙ

Иоанн. В Твоей любви спасенье чаю, Молясь, прошу только о том, Чтоб жизнь минутою молчанья Прошла перед Твоим Крестом. А на Распятье непрестанно Глядит Превысшая Небес, И со скорбящим Иоанном Сораспинается Тебе («*Прибит на Крест моей неправдой…*»).

СКОРЫЙ

Мір. ○ ***Скор на возношенье.*** Мір-любодей

на возношенье с к о р, Оставишь честь – ныряй в рукоплесканье. Но Слава без Достоинства – позор! Любовь без Чистоты – блудодеянье! («*Мір-любодей на возношенье скор*…»).

СЛАБЫЙ, –ое

Отличье. Чем человек отличен от скота? Имеет слово? С л а б о е отличье. В наш век, когда кругом нечистота, Скотов словесных – аж до неприличья («*Чем человек отличен от скота?..*»).

Протест. Вели невинных убивать В жестоком оцепленьи. Кричали, кто хотел кричать, Крик был сопротивленьем. Мужчины принимали Крест В молчаньи, а старухам – Хоть с л а б ы й, всё-таки протест, Пусть не от силы духа («*Вели невинных убивать...*»).

СЛАДКОГЛАСНЫЙ, –ые

Гусли. Матушка Добрынюшке наказывала, Государыня Добрынюшке наговаривала: – Ой ты, сын мой любезный, свет Дементьевич, Что повесил, кручинясь, буйну голову? Ты бы взял в свои ручки белые Гусли звонкие, с л а д к о г л а с н ы е. Стал бы петь да потряхивать кудрями, Да меня потешать, матерь старую («*Матушка Добрынюшке наказывала...*»).

СЛАДЧАЙШИЙ, –ее

Имя. Суесловие міра и прелесть его отме-

тая, Стану днём скоморошить и досыта плакать в ночи: «Препояши меня целомудрием, о Пресвятая, И вино очищенья Своею мольбой источи. Напои, убели, оживи! Сотвори мя готовым, Грехоплётство моё милосердно из сердца изгладь. Начертай в нём навеки Сладчайшее имя Христово, О Пречистая Дево, молящихся Чудная Мать» («*Что во имя своё сотворил – безпощадно порушу...*»).

СЛЕПОЙ, –ые

Наставники. ***Не слепые.*** Прекрасно, если юное созданье К наставникам попало не слепым. А то бывает и непослушанье Превыше послушанья таковым (*Похвала непослушанию*).

Нация. ○ ***Слепа*** Без Бога нация – толпа, Объединённая пороком. Или слепа, или глупа, Иль, что ещё страшней, жестока («*Без Бога нация – толпа…*»).

❖ **СЛИТНО**

Пел. И, моему настрою слитно, Со всех сторон, со всех концов Пел «Да исправится молитва...» Хор придорожных чернецов (*Молитва*).

СЛОВЕСНЫЙ, –ые

Скоты. Чем человек отличен от скота? Имеет слово? Слабое отличье. В наш век, когда кругом

нечистота, Скотов с л о в е с н ы х – аж до неприличья («*Чем человек отличен от скота*?..»).

❖ СЛУЧАЙНО

Выглянул. С л у ч а й н о выглянул и замер, Не зная, верить ли глазам? И маловерными глазами Невольно волю дал слезам (*Лань*).

Выжили. Бог лукавых не терпит – слышали? Кто продался – уже не выстоял. Ну а мы не с л у ч а й н о выжили, Веру в Высшую Правду выстрадав! («*Как мы жили? Себя похабили*...»).

СЛУЧАЙНЫЙ, –ые

Ветерок. Две головешки жалобно чадили, Но люди торопливо проходили. Вдруг налетел с л у ч а й н ы й ветерок, Взметнулись искры, ожил огонёк, И путник одинокий отогрел Озябшие ладони на костре («*Две головешки жалобно чадили*…»).

Встречи. ○ ***Не случайны.*** Душа забыла оправданья, Приговорённою жила. А тут – лесов очарованье! <…> Да кто же руку подымает На Божью чудо-красоту! Нет, не с л у ч а й н ы эти встречи, Благословен прозренья час! (*Лань*).

❖ СМЕРТЕЛЬНО

Озяб. Без листвы он [ясень] с м е р т е л ь н о озяб, Но обрёл откровенье столетий. И скользит, запоздало слезя, Пятернёй по стихирам созвездий («*Я сегодня уже не усну*…»).

СМЕРТНЫЙ, –ая, –ое

Ложе. Туманен путь всея земли, Не разглядеть, и всё же: Куда б ни ехали, ни шли – Конец на смертном ложе (*Не страшно ль*?).

Печать. И будет огнь безжалостно палить Запечатленных смертною печатью (*Глаголы вещие*).

СМЕРТОНОСНЫЙ, –ая

Горечь. ○ ***Смертоносна.*** Отовсюду печаль, отовсюду томление, И рождается в муках дитя, вопия. О земная юдоль, о купель очищения, Смертоносна без Господа горечь твоя! («*Если б я не познал тайну Богообщения*…»).

❖ **СМЕШНО**

Δ ***Не смешно.*** Смеяться бы, да не смешно: Гнетут душевные увечья. Мір перевёрнут, и на дно Ведут высоты человечьи (*Человеческое*).

СМРАДНЫЙ, –ые

Деянья. Нет ничего ненужного под солнцем! И даже незаметная пылинка Основа гор, Земли, планет – Вселенной… И только человек с душою пошлой Творит ненужные свои исчадья – Уродливые, смрадные деянья (Что может быть страшней уродства духа?) («*Стихи должны быть отраженьем Света*…»).

СНЕГОВОЙ, –ое

Царство. Полное забвенье Обо всём живом, Умиротворенье В царстве снеговом («*Вечер. Ветки сада…*»).

СНЕЖНЫЙ, –ая

Корка. Храм кругами обхожу Снежной коркой хрусткой. О себе уж не прошу, А о доле руской. Столько горя на Руси! Кто его развеет? О себе чего просить – Всё душа имеет! («*Ночь сегодня так ясна...*»).

СОБСТВЕННЫЙ, –ое

Мелководье. И люди гонят тишину И призывают безпогодье, Боясь узреть не глубину, А собственное мелководье («*Величье рек – в покое вод…*»).

СОЗИДАЮЩИЙ

Дух. Блажен, кто, наполняясь тишиной И внемля ей благоговейным слухом, В обыденном постигнет мир иной – Дыханье созидающего Духа («*Блажен, кто, наполняясь тишиной...*).

СОКРЫТЫЙ, –ая

Боль. Листопада сокрытая боль Под покровом зимы затихает... За тебя, дорогой, и с тобой Всё живое, томясь, воздыхает («*Пожалей, дорогой, пожалей…*»).

СОЛЁНЫЙ

Столп. Я старался держать по прямой, Невзирая на сложность пути. И таранил подчас головой То, что было б легко обойти. И не знал, не хотел, не умел, Как порою поладить с собой: Иль солёным столпом каменел, Или плакал кровавой слезой («*Я пойду, где стоят корабли...*»).

СОЛОВЬИНЫЙ, –ое

Бденье. Лето красное – чудо! В одуванчиках луг. Разноцветье повсюду, Славословье вокруг. Соловьиное бденье Нам о Рае гласит. Комариное пенье О грехе говорит (*Лето красное!*).

СОМНИТЕЛЬНЫЙ, –ая

Радость. ○ ***Сомнительна.*** Столько боли кругом, столько боли! Горькородна вода бытия. Только радости – вольная воля, Да сомнительна радость сия («*Столько боли кругом, столько боли!..*»).

СОРНЫЙ, –ая

Трава. Ангеле, Хранитель, не отрини! Что склоняешь скорбную главу? Иль меня Господь из Книги жизни Вычеркнул, как сорную траву? («*Что, Адам, сидишь ты против Рая…*»).

СПЛОШНОЙ, –ая

Боль. Великорос! Куда ещё нас бить? От го-

ловы до пят сплошная боль! Решай, не медли: быть или не быть? Кто на тебя, когда Господь с тобой? («*Великорос! Какая высота*…»).

❖ **СПОРО**

Собирался. ***Не споро.*** Я гляжу на великий погост, Исполняюсь звучаньем особым. Здравствуй, Косово! Я твой гость. Отчего же прискорбны оба? Этой встречи так долго ждал! Но прости, собирался не споро. И на столько веков опоздал, Что не умер в блаженных просторах (*У поля Косова*).

СПЯЩИЙ, –ая

Река. Служит Богу весь подлунный мір, Тихий лес над спящею рекой. О места, забытые людьми, Лобызаю дивный ваш покой («*Слава Богу, снова я один*…»).

СРАМНОЙ (СРА́МНЫЙ), –ые

Нравы. Из заморских стран едут нехристи И с собой везут нравы сра́мные, Всем заморским Русь заполо́нили, Так что духу нет православного («*Матушка Добрынюшке наказывала*...»).

Оправданья. Для царской дочери страшнее смерти Носить в себе срамны́е оправданья! Что значит пища! Разве бы сказала Она такое, не вкусив рожцов? («*Прекрасен мір, зело-зело прекрасен!*..»).

СТАРЫЙ, –ая, –ое

Вяз. Мой с т а р ы й вяз, тебя уж нет, А сколько зим и сколько лет У дома моего стоял, Обрыв корнями охранял («*Мой старый вяз, тебя уж нет…*»).

Дом. Туман, туман, туман покрыл просторы, С лица земли стёр отчий с т а р ы й дом. И на кресте могильном чёрный ворон Глядится благородным сизарём (*Туман*). □ В отчем доме, с т а р о м и заброшенном, Сяду у окна, уединюсь, Напитаю душу словом Божиим, Предрассветной тишиной напьюсь («*В отчем доме, старом и заброшенном…*»).

Кладбище. За родником – белый Храм, Кладбище с т а р о е. Этот забытый край Русь нам оставила (*Родник*).

Крыша. Снега, что на солнце сгорают, Морозец повывесил в ряд – Под с т а р о ю крышей сарая Серёжки-сосульки искрят (*Ночью*).

Матерь. Матушка Добрынюшке наказывала, Государыня Добрынюшке наговаривала: – Ой ты, сын мой любезный, свет Дементьевич, Что повесил, кручинясь, буйну голову? Ты бы взял в свои ручки белые Гусли звонкие, сладкогласные. Стал бы петь да потряхивать кудрями, Да меня потешать, матерь с т а р у ю («*Матушка Добрынюшке наказывала...*»).

Сад. Погребальное в цвете фаты С т а р ы й сад неспроста усмотрел. Всё обман! Даже эти цветы. Слава Богу, хоть к ночи прозрел («*Отойди, отойди, грусть-печаль…*»).

Яблоня. Зелень мая так нежна в апреле! Всё живёт в Божественном ладу. Словно в память мартовской метели Забелела вишенка в саду. Юная, не стала дожидаться, Чтоб со старой яблоней цвести. Воздохну – никак не надышаться! Отступлю – никак не отойти! («*Зелень мая так нежна в апреле!..*»).

СТЕКОЛЬНЫЙ, –ые

Серёжки. О, блаженное время покоя, Одиночества и чистоты! Холодея в серёжках стеклянных, У канавы столпились кусты («*Ах, оставьте, не нужно тревожить...*»).

СТОЯЧИЙ, –ая

Трясина. И я шепчу, теряя силы, Кровавя скользкую дорогу: Вода стоячая – трясина. Благословен идущий к Богу («*Сомненье – чадо маловерья…*»).

СТРАННЫЙ

Сон. Сон мне приснился, Очень странный сон: Будто я слышу Погребальный звон («*Сон мне приснился...*»).

СТРАСТНЫЙ, –ые

Поэты. И мыслят страстные поэты, Хотят друг друга побороть. Но Истина не будет чьей-то:

Она для всех, Она – Господь («*Блажен, кто Истину не продал...*»).

Ум. О, как бы нам не погрешить, Хваля или пороча! Не страстному уму судить – Кто свят, а кто не очень (*О святости*).

❖ СТРАШНО

Δ Не страшно ль – оборвётся нить, И собранное нами Нас будет в Вечности кормить Не хлебом, а рожцами? (*Не страшно ль*?).

Носить ● ***Страшнее смерти.*** Для царской дочери страшнее смерти Носить в себе срамны́е оправданья! Что значит пища! Разве бы сказала Она такое, не вкусив рожцов? («*Прекрасен мір, зело-зело прекрасен!..*»).

Потерять. Δ ***Не страшно потерять.*** Восходит солнце и зайдет опять, Чтоб воссиять по-новому над тьмою. Мне ничего не страшно потерять, Будь только Ты, Царю царей, со мною (*Екклесиаст*).

СТРАШНЫЙ, –ая, –ое

Беда. ● ***Страшней войны.*** Дела войны осуждены, Мы помним о мильонах. Но есть беда страшней войны – Убийство нерождённых!!! («*Вели невинных убивать...*»).

Бурелом. Ненастье не всегда в былом, От лиха никуда не деться, Но самый страшный

бурелом Не обломал вершины в детстве (*Страна берёз*).

Ледоход. Много раз, и в юности, и смолоду, Повторялся страшный ледоход. Дно пихал и, обжигаясь холодом, Натыкался теменем на лёд («*В отчем доме, старом и заброшенном…*»).

Поруганье. ○ ***Страшно.*** Мой замордованный народ! Печальна полоса невзгод, Прискорбна общая разруха, Но страшно поруганье духа! (*Народу!*).

Убийство. ● ***Страшнее войн.*** Со мною скажет всяк живой В богоугодном гневе: Страшнее всех прошедших войн – Убийство душ во чреве! («*Вели невинных убивать...*»).

❖ СТРЕМИТЕЛЬНО

Понесло. Ледоход. Шумит, гудит Десна моя, Крыги льда несёт безумство вод. Ребятня, отчаянная самая, От восторга прыгает на лёд. Следом я. И понесло стремительно... Слава Богу, вытащил сосед. Так познал я: не всегда спасительно Безрассудно действовать, как все («*В отчем доме, старом и заброшенном…*»).

СТРОГИЙ, –ая

Икона. И в Храме, пред иконой строгой, Склоняюсь, позабыв слова... И вновь я не отринут Богом, И вновь душа моя жива («*Уже не жажду исцеленья…*»).

СТЫЛЫЙ, –ые

Дубравы. А мне зима всё более по нраву. Старею ли, смиряюсь? – Не понять. Люблю смотреть на стылые дубравы И ничего ни от кого не ждать («*А мне зима всё более по нраву...*»).

СТЫНУЩИЙ, –ая

Сосна. Стёкла в украшениях резных, Замер под сугробами погост. На верхушке стынущей сосны Птицами таится стайка звёзд («*Слава Богу, снова я один…*»).

СУЕТНЫЙ, –ое

Движенье. ○ ***Суетно.*** А без надежды суетно движенье, И прошлого никак не понести. И наша жизнь не только отраженье... Греби, родимый! Есть куда грести («*И Млечный Путь, и кроткий полумесяц…*»).

СУМРАЧНЫЙ

Грудень. ○ ***Сумрачен.*** Неясен грудень, сумрачен зело, Дни коротки, печалится синица. Но и ноябрь не пасмурит чело, Когда ведет во Храм Отроковицу («*А про́синец известен как январь...*»).

❖ **СУРОВО**

Молчит. Какая обречённая луна! Молчит земля тревожно и сурово. И в Вечность устре-

милась тишина, Внимая Откровенью Богослова (*Глаголы вещие*).

СЧАСТЛИВЫЙ, –ые

Люди. Под табачный угар и галдёж Непонятно с ч а с т л и в ы х людей Я начну выковыривать ложь Неустроенной жизни моей («*Я пойду, где стоят корабли...*»).

СЫРОЙ, –ая

Земля. Поглядел вокруг и на землю пал, И лежал, как труп, на с ы р о й земле, Об одном просил, об одном молил: – Расступись земля, приюти меня! Видел я на Руси оскудение, Видел мерзость кругом запустения, Церкви белые осквернённые; Басурманами разорённые («*Матушка Добрынюшке наказывала...*»). Не распрощаться с детством, не расстаться. Безсмертная душа, тебе ль стареть? Хочу дитём к с ы р о й земле прижаться И в небеса глядеть, глядеть, глядеть! (*Из детства*).

Холм. Свободен я от сыновства земного! Готов нести иное сыновство. Светоприемлю у холма с ы р о г о: – Господь живых! Я без остатка Твой! («*А в отчий дом меня уже не тянет…*»).

Т

ТАИНСТВЕННЫЙ, –ое

Лик. Твой образ доныне унижен, Но всё отпадёт пеленой: Под пылью и копотью вижу Таинственный Лик неземной (*Росія*).

Светозвучанье. ○ ***Таинственно.*** Таинственно светозвучанье В победном остатнем строю – Играют живым на прощанье Последнюю песню свою! (*Ночью*).

❖ **ТЕСНО**

Никогда. Δ ***Не тесно.*** Вовсю [берёзы] стремятся к высоте, Являя истину простую: Что никогда не тесно тем, Кто возлюбил лазурь святую (*Страна берёз*).

ТЕСНЫЙ

Ад. Оставив дом, родных, своё наследство, Покинув мір в благословенный час, Афонский инок по веленью сердца Сложил молитву, плача по ночам. «Скоро я умру, И окаянная душа моя Снидет в тесный мрачный ад. И там буду один я

томиться И плакать о Господе. – Где Ты, где Ты, Свет души моей? Почто оставил меня, Я не могу жить без Тебя» («*Оставив дом, родных, своё наследство...*»).

Мір. ○ ***Тесен.*** Длиною с детство счастие земное, Пройдёт оно – и каждый станет сир… А яблони, посаженные мною, Так разрослись!.. Им тесен детский мір (*Яблони детства*).

❖ **ТЕМНЫМ-ТЕМНО**

Δ И мір не тот, и мы не те, Что позади, что впереди. Темным-темно, метёт метель – Её ль винить, что нет пути? (*Васильки*).

ТЕРНИСТЫЙ, –ая

Тропа. Словоблудьем залита земля. Каждый норовит в евангелисты – И к кормушке, дабы опосля Самому свернуть с тропы тернистой («*Сеем рожь, а косим лебеду…*»).

ТЁМНЫЙ, –ая

Ветвь. ○ ***Темна.*** За окном листопад пред зимой расстилает одежды. Я один... И темна под дождём облетелая ветвь («*Прослыву на міру нелюдимым, угрюмым и гордым…*»).

Ночка. Матушка Добрынюшке наказывала, Государыня Добрынюшке наговаривала: – Ох и глупый ты, сын, свет Дементьевич, Не набрался, поди, уму-разуму. Не пришла ещё ночка тёмная,

Ночка т ё м н а я, тьма кромешная. Есть ещё на земле сыны рускіе, Православную веру хранящие («*Матушка Добрынюшке наказывала...*»).

ТЁПЛЫЙ, –ая, –ое

Май. ○ ***Тёпел.*** И т ё п е л, да не очень, месяц май, Не приласкает ветер дуновеньем, Дай ко́ню сена – на́ печь полезай. И голоден, а правит Вознесенье («*А про́синец известен как январь...*»).

Перо. Я ли вас [журавли] не ожидал весною? Я ли дни до встречи не считал? А теперь несётесь стороною, Дав понять, что я вам не чета. Что ж вы так? Не ваши ли рыданья Душу мне повыделали в кровь? Бросьте же, хотя бы в подаянье, На прощанье т ё п л о е перо («*Я любви к живому не нарушу…*»).

Сторона. Не осуждай, покрой мои увечья, Больную птицу не брани за то, Что не стремится с братией далече, А смотрит на летящих из кустов. Она и так наказана довольно: Не зреть ей ныне т ё п л о й стороны. С одним крылом, в отшельстве поневоле, Ей только б выжить, выжить до весны («*Не поминай ни хорошо, ни плохо...*»).

ТИХИЙ, –ая, –ие

Лес. Служит Богу весь подлунный мір, Т и х и й лес над спящею рекой. О места, забытые людьми, Лобызаю дивный ваш покой («*Слава Богу, снова я один…*»).

Осень. Если тебя неудача постигла, Если не в силах развеять тоску, Осенью мягкой, осенью тихой Выйди скорей к моему роднику (*Родник*).

Разливы вод. О, сколько ты в себя вместила! <…> И почернелые избушки, И тихие разливы вод, И деревенские Церквушки, И многострадущий народ (*Росія*).

Русь. Родина, моя Родина, Родниковая тихая Русь! Родина, моя Родина, Неужели к тебе не вернусь? (*Яблони детства*).

Стон. И только звон, далёкий звон Живой душе прибавит сил. Как он похож на тихий стон Нас покидающей Руси! (*Васильки*).

ТЛЕННЫЙ, –ые

Запахи. Вас не касаются запахи тленные, Этот октябрьский отчаянный пир. Белые Церкви – твердыни Вселенныя, Не устоите – развалится мір («*Радость моя, наступает пора покаянная*…»).

ТОЛКОВЫЙ

Словарь. Пишу стихи, отыскивая слово В устах пророка или ямщика: За Библией лежит словарь толковый Великого живого языка («*Пишу стихи, отыскивая слово*...»).

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ, –ая

Пора увяданья. В торжественную пору увяданья – Величие безгрешности кругом...

И, постигая тайны мирозданья, Склоняюсь перед замершим листом («*На кладбище покойно и привольно…*»).

Царственность. О роза, роза – сладость соловью, Вид неприступный остужает пыл. Торжественную царственность твою Зачёркивают жгучие шипы («*Обилие цветений полевых...*»).

❖ **ТОРОПЛИВО**

Проходили. Две головешки жалобно чадили, Но люди торопливо проходили. Вдруг налетел случайный ветерок, Взметнулись искры, ожил огонёк, И путник одинокий отогрел Озябшие ладони на костре («*Две головешки жалобно чадили…*»).

❖ **ТОСКЛИВО**

Ноет. Вьюга ноет, тоскливо так ноет... Надоела кромешная мгла, Что от Ноя, библейского Ноя Между мной и Тобой пролегла! («*Вьюга ноет, тоскливо так ноет…*»).

ТОСКЛИВЫЙ, –ые

Думы. Наши души, от тоскливых дум Обезсилев, примирились с ложью... Потому и сеем лебеду, Называя всеянное рожью («*Сеем рожь, а косим лебеду…*»).

❖ **ТРЕВОЖНО**

Молчит. Какая обречённая луна! Молчит

земля т р е в о ж н о и сурово. И в Вечность устремилась тишина, Внимая Откровенью Богослова (*Глаголы вещие*).

ТРЕВОЖНЫЙ

Гул. Ветра, ветра! Куда вы поскакали? Т р е в о ж н ы й гул идёт от дубняка, И звёзды, что недвижимо сверкали, Несутся за луной сквозь облака («*Ветра, ветра*! *Куда вы поскакали*?..»).

▫ ТРИСИЯННЫЙ, –ая

Лазурь. Ещё февраль чистейшей манной Голу́бит землю пред постом, Но март лазурью т р и с и я н н о й Напомнит всем о Дне Святом (*«Ещё февраль чистейшей манной...»).*

ТРУДНЫЙ, –ая

Верста. ○ ***Трудна.*** И вот уже в саду певуньи Пропели спозаранку мне: Через неделю полнолунье! Потом и Праздник… Но к нему Верста т р у д н а – и это значит, Что не развеять сердцу тьму, Пока Страстная не отплачет («*А месяц рос, как на дрожжах*…»).

ТУМАННЫЙ

Путь. ○ ***Туманен.*** Т у м а н е н путь всея земли, Не разглядеть, и всё же: Куда б ни ехали, ни шли – Конец на смертном ложе (*Не страшно ль*?).

❖ **ТЩЕСЛАВНО**

Прикрывать. Δ Я вызвал нарекание в народе То чётками, то лирой на груди. Но шёл, как мог, и при любой погоде Святошам всё равно б не угодил. Не мерил героические маски И грешен тем, что, на свою ж беду, Кровавые и гнойные повязки Стирал у проходящих на виду. Здесь что-то от ущербности? Вы правы. Но лучше в поношеньи пребывать, Чем смрад и гной тщеславно и лукаво Нарядною рубахой прикрывать («*При слове "сорок" что-то оборвалось*…»).

ТЩЕТНЫЙ, –ое

Покаянье. ○ ***Тщетно.*** Лучшая молитва – покаяние, Покаянье тщетно без прощения. Лучшее пред Богом предстояние – В глубине высокого смирения («*Страх Господень – авва воздержания*...»).

ТЯГОСТНЫЙ

Обман. Бог судит не по знанью – по смиренью. Что наше знанье? – тягостный обман… Господь взыскует нашего горенья, А не потуг холодного ума («*Всезнайства ослепляющие блики!*..»).

ТЯЖКИЙ, –ая

Порча. Окропить бы Крещенской водой Одержимых безудержной корчью. Русь моя! Боль моя! Что с тобой? Кто навёл эту тяжкую порчу? («*Дорогие мои, это всё!*..»).

❖ **ТЯЖКО**

Зеркалу. Δ Стекляшка мелкая лежала И устремляла к солнцу взор. А зеркало – какая жалость! – Лишь отражало скотный двор. Ужели зеркалу не тяжко Жующих жвачку ублажать? Не лучше ли простой стекляшкой Лежать и солнце отражать? («*Стекляшка мелкая лежала...*»).

Сетуют. – Эту скорбь не измерить, – Тяжко сетуют басы. – Покаяния отверзи ми двери, – Горько плачет блудный сын («*Отложим попечение...*»).

Хворает. Деревни и села, похоже, У братской могилы стоят. Но женщины в Праздники всё же, Как могут, молитвы творят. О муже, который гуляет, О сыне, который сидит, О дочке, что тяжко хворает, – За всех её свечка горит (*Рускіе женщины*).

◘ **ТЯЖКО-ПУСТОЙ, –ая**

Душа. Земля от весны заболела. От сырости – лужи и грязь. Но птица какая-то пела, Меж мокрых ветвей затаясь. И я, это пенье услышав, Не в силах поверить ушам, Скорее увериться вышел, Как чья-то ликует душа. Мотив незатейливый, милый, Забытый, немодный, простой… Но что-то тотчас защемило В душе моей тяжко-пустой («*Луна обречённо скиталась…*»).

У

УГРЮМЫЙ

[Я]. Δ ***Прослыву угрюмым.*** Прослыву на міру нелюдимым, у г р ю м ы м и гордым, Схоронясь ото всех в заповедных пустынных местах. Коль нельзя без молвы, именуйте меня кем угодно, Оправданья излишни, зачем, всё понятно и так («*Прослыву на міру нелюдимым, угрюмым и гордым*…»).

УЖАСНЫЙ, –ая

Смерть. Страстну́ю знаем наперёд. И к смерти рабской и у ж а с н о й Жребя́ Царя царей несёт (*Вход Господень в Иерусалим*).

УЗКИЙ, –ие

Берега. Не могу никак налюбоваться Голубой водою без оков. ...Помогайте людям разливаться, Выходить из у з к и х берегов («*Утонули по макушку ивы...*»).

УНЫЛЫЙ, –ая

Дух. Мы говорим: *Унылая погода! Заволокло,*

не видно ничего… У н ы л ы й дух клевещет на природу, Которая не мыслит своего. Нам не чета – всегда в повиновеньи, В любое время, осенью, весной. И долгий дождь, и ветра дуновенье Нужны земле, как солнце с тишиной («*Мы говорим: Унылая погода!..*»).

Земля. В любой букашке и любом листе, В мерцаньи звёзд и на земле у н ы л о й, Куда ни глянь – повсюду и везде Таится О ж и в л я ю щ а я Сила («*Блажен, кто, наполняясь тишиной*...).

Погода. («*Мы говорим: Унылая погода!..*»).

Серость. Благословенно всё на белом свете! Благословен и ты, коль всё приял. А серости у н ы л о й не приметит, Кто серость из души своей изгнал (*Там же.*)

УПРЯМЫЙ, –ая

Головушка. Ах, этот путь, кого винить? Одни коряги, ямы. Не отдохнуть, не приклонить Головушки у п р я м о й («*Прощаюсь, не успев обресть…*»).

УРОДЛИВЫЙ, –ые

Деянья. Нет ничего ненужного под солнцем! И даже незаметная пылинка Основа гор, Земли, планет – Вселенной… И только человек с душою пошлой Творит ненужные свои исчадья – У р о д л и в ы е, смрадные деянья (Что может быть страшней уродства духа?) («*Стихи должны быть отраженьем Света…*»).

❖ **УСТАЛО**

Приникаю. Я устало к окну приникаю И, уставясь в вечернюю муть, Магдалиной прозревшею каюсь, Что весенней поры не вернуть («*Вьюга ноет, тоскливо так ноет…*»).

УСТАЛЫЙ, –ые

Души. Отстоялись, забылись лужи. Осторожно, смотри не задень! Ведь и так их усталые души Суетой испохабит день («*Ах, оставьте, не нужно тревожить...*»).

❖ **УТРОБНО**

Живёт. ***Не утробно.*** Что мудрить? Кто живёт не утробно – Всё приимет из Божьей руки: Ведь несчастье и счастье подобны Берегам нашей жизни-реки («*Мы не любим и хаем ненастья...*»).

Ф

ФАЛЬШИВЫЙ, –ые

Купюры. Радость моя, эта суетность грешная
Даже на паперть швыряет листы. Но возжелали
покоя нездешнего Белые Церкви, святые Кресты. Их не прельщают купюры ф а л ь ш и в ы е,
Не привлекает поток золотой. Нужно ли Вам это
золото лживое, Вам, лобызающим вечный покой?! («*Радость моя, наступает пора покаянная*…»).

Свет. Искусственность всегда второго сорта,
Прекрасно бытие и без прикрас. Ах, фонари,
создатели комфорта, Ф а л ь ш и в ы й свет окрадывает нас («*Искусственность всегда второго сорта*...»).

Х

ХОЛОДНЫЙ, –ая

Слюна. Но я устал. Дрожит моя рука. В мешок не помещается луна. И вижу: у телёнка с языка Бежит росы х о л о д н а я слюна («*Горит звезда над головою клёна…*»).

Ум. Бог судит не по знанью – по смиренью. Что наше знанье? – тягостный обман… Господь взыскует нашего горенья, А не потуг х о л о д н о г о ума («*Всезнайства ослепляющие блики!..*»).

ХОРОШИЙ, –ее

Число. Тридцать семь – х о р о ш е е число. До него не дотяну немного. Впрочем, и за это Слава Богу, Что грустить – х о р о ш е е число («*Тридцать семь – хорошее число...*»).

ХРИСТОВ, –а, –ы

Любовь. Как мало нужно человеку! – Покой душе. И чтобы малость Небесным Светом озарялась. Как мало нужно человеку! – Безмолвие. И чтобы малость В Любви Х р и с т о в о й растворялась («*Как мало нужно человеку!..*»).

Рабы. Басурмане те не из тартара, А своих кровей, лыком шитые. И любой холоп, шут гороховый Над рабами Христовыми тешится («*Матушка Добрынюшке наказывала...*»).

ХРУСТАЛЬНЫЙ, –ая

Верига. Царит луна в прозрачности великой. Ей хорошо с премирной высоты Пылающей хрустальною веригой Одаривать деревья и кусты («*А мне зима всё более по нраву...*»).

ХРУСТКИЙ, –ая

Корка. Храм кругами обхожу Снежной коркой хрусткой. О себе уж не прошу, А о доле руской. Столько горя на Руси! Кто его развеет? О себе чего просить – Всё душа имеет! («*Ночь сегодня так ясна...*»).

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, –ые

Свисты. Чем больше слов, тем меньше смысла. Увы, глашатаев не счесть. Во дни художественных свистов Освистана Благая Весть (*Перед бедой*).

ХУДОЙ, –ая, –ое

Мантия. Раскрою я Псалтырь святую, Свечой лампаду затеплю́, Наброшу мантию худую, С Давидом вместе воспою («*Раскрою я Псалтырь святую...*»).

Худой

Всё. Жёлтая смородина потянется Ветками в раскрытое окно. Всё х у д о е где-то там останется, Светлое останется со мной («*В отчем доме, старом и заброшенном…*»).

Ц

ЦАРСКИЙ, –ая, –ие

Дочь. Ты дух от Духа, свет от паче Света, Дочь царская, пленённая по воле Ничтожными бесовскими страстями. И вот уже, расслабленная пойлом, Сидишь со свиниями у корыта, Питаешься рожцами и считаешь, Что многие живут гораздо хуже («*Прекрасен мір, зело-зело прекрасен!..*»).

Чертоги. Порою снятся Царские Чертоги, Плоды садов, цветов благоуханье, Одежды белые, Любовь Отца, Который ждёт и ныне возвращенья Своей заблудшей дочери. Аминь (*Там же*).

ЦАРСТВЕННЫЙ

Лес. Не день, а сказка! Солнце и лазурь! Блистанье снега непосильно оку! В засеребрённом царственном лесу Всё светится поэзией высокой (*Прогулка*).

ЦВЕТУЩИЙ

Сад. Что впереди? Цветущий сад Иль пепе-

лище вместо дома? Да был ли зрелым виноград, Когда во рту одна оскома? (*Будущее*).

ЦЕЛЕБНЫЙ, –ая

Вода. Берёзозол. Целебная вода. Теперь из луж попьёт любая птица. Март – покаянник, под постом всегда, И потому сосульками слезится («*А про́синец известен как январь...*»).

Родник. Видишь, вон там журавли пролетели? У горизонта растаял их крик. ...Если ты болен, прикован к постели, Пусть тебе снится целебный родник (*Родник*).

ЦЕЛИТЕЛЬНЫЙ, –ая

Боль. Хочу молчать, за всех и вся смиряясь, Вбирать в себя целительную боль. Не словоблудить, знаньем надмеваясь, – Кровоточи́ть безмолвно пред Тобой («*Хочу молчать, за всех и вся смиряясь...*»)

Ч

❖ **ЧАСТЕНЬКО**

Задевают. А рифмы – рифы в океане слов. Кого они частенько задевают, Тот плавает у самых берегов И о глубинах ничего не знает («*А рифмы – рифы в океане слов...*»).

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ, –ое

Я. О неделимость Истины Превечной, Премудрость и Препростость бытия, Почто дробит Тебя дух человечий Безумством человеческого «я»? («*Не разрывайте Истину на мнения…*»).

ЧЕЛОВЕЧИЙ, –ьи

Высоты. Смеяться бы, да не смешно: Гнетут душевные увечья. Мір перевёрнут, и на дно Ведут высоты человечьи (*Человеческое*).

Дух. О неделимость Истины Превечной, Премудрость и Препростость бытия, Почто дробит тебя дух человечий Безумством человеческого «я»? («*Не разрывайте Истину на мнения…*»).

Род. И пишет осень паутинной строчкой: На-

станет день – последний отпадёт. И так дрожат клеймёные листочки, Что я винюсь за человечий род (*Осиновая роща*).

Свет. О тишина! О мрак Богопознанья, Затмивший жалкий человечий свет. Истаял я от Твоего дыханья И изнемог: Тебя уж боле нет («*Хочу молчать, за всех и вся смиряясь...*»).

ЧЁРНЫЙ, –ое, –ые

Ворон. Туман, туман, туман покрыл просторы, С лица земли стёр отчий старый дом. И на кресте могильном чёрный ворон Глядится благородным сизарём (*Туман*).

Кулисы. Мы все уйдём за чёрные кулисы, Оставив сцену для других, живых. Ещё никто, никто не уклонился, Чтоб, поклонившись, не уйти за них («*Все перед смертью говорят стихами...*»).

Омут. Наполняется скорбью душа, как вода темнотою полночною, Одинокой звезде так понятна моя неизбывная скорбь. И сижу и гляжу в чёрный омут порой неурочною, И звезда подо мной, над моей головой, высоко-глубоко («*Наполняется скорбью душа…*»).

Отраженье. Забыв о вёслах, погрузился в думы, Головушку руками обхватив. В дорожке лунной чёлн застыл безшумно – Знать, не к кому и незачем грести. Иль не тебе сейчас зазывно

светит Огнями одинокое жильё? Но он глядит не на красоты эти, А в отраженье ч ё р н о е своё («*И Млечный Путь, и кроткий полумесяц…*»).

ЧИСТЕЙШИЙ, –ая, –ее

Манна. Ещё февраль ч и с т е й ш е й манной Голу́бит землю пред постом, Но март лазурью трисиянной Напомнит всем о Дне Святом («*Ещё февраль чистейшей манной...*»).

Облако. У окна цветут нежнейшие, Благовонные цветы. Словно облако ч и с т е й ш е е Опустилось на кусты (*Белые розы*).

❖ **ЧИСТО**

Жили б. Всё рождено, чтоб восхвалять Дарующего жизнь творенью. Не знала б пошлости земля, Когда б не знала опошленья. Когда б основой вековой Хранили души – жили б ч и с т о. Нет пошлости как таковой, Есть разрушенье благочинства («*Всё рождено, чтоб восхвалять…*»).

ЧИСТЫЙ, –ая

Воздух. Словно в сказке иль во сне – Так легко дышать! Ч и с т ы й воздух, чистый снег, Чистая душа! (*Пред Рождеством*).

Душа. (*Там же*).

Небесная купель. ○ ***Чиста.*** Вчера зима, сегодня осень снова, Снега раскисли, лужи и капель. И вот

уж нет воздушного покрова, Опять чиста небесная купель («*Ветра, ветра*! *Куда вы поскакали*?..»).

Радость. Всматриваюсь пристально, Но просвета нет. Радость моя чистая, Невечерний Свет («*Жду Тебя напрасно я*…»). □ Заскрипят полозья деревянные, Выбегу навстречу, наконец, И краюху хлеба, долгожданную, Топором отрубит мне отец. И на ней, попыхивая искрами, Оживут снежинки под луной. Радость детства, чистую и близкую, Я увижу в отчее окно («*В отчем доме, старом и заброшенном*…»).

Река. Жить на вольной природе Да у чистой реки! Нет, не барина вроде И не как мужики. А весёлою сойкой! Вон, сидит на ветру, Не печалясь нисколько, Что клевать поутру (*На природе*).

Родник. Живи с распахнутой душою, Встречая зори босиком. Не можешь стать рекой большою – Будь малым чистым родником («*Живи с распахнутой душою*...»).

Свет. В окно глядит не наглядится, В морозном ободе луна, На пожелтелые страницы Ливает чистый свет она («*Раскрою я Псалтырь святую*...»). Слишком рано выстрадал ответ, Не изгнав мучительную жажду, И кромешный мрак, и Чистый Свет Довелось увидеть не однажды («*Тридцать семь – хорошее число*...»).

Снег. (*Пред Рождеством*).

Совесть. ○ ***Чиста.*** Всё добро, если совесть чиста! Погляжу, прикоснусь – не сорву! …Пред

заснеженной веткой куста Благодарно склоняю главу («*Ни забот, ни печали, ни дум…*»).

ЧУДНЫЙ, –ая, –ое

Встреча. Не разглядеть, когда волна взыграла, Когда ни солнца, ни лазури нет. Для чудной встречи нужно очень мало – Чтоб наши воды отражали свет («*Не говори – любовь своё отпела...*»).

Икона. Я забудусь в таинстве молчания Пред иконой чудной – Умиление. Да очистят слёзы покаяния Высшую поэзию – моление («*Страх Господень – авва воздержания...*»).

Мать. Суесловие міра и прелесть его отметая, Стану днём скоморошить и досыта плакать в ночи: – Препояши меня целомудрием, о Пресвятая, И вино очищенья Своею мольбой источи. Напои, убели, оживи! Сотвори мя готовым, Грехоплётство моё милосердно из сердца изгладь. Начертай в нём навеки Сладчайшее имя Христово, О Пречистая Дево, молящихся Чудная Мать («*Что во имя своё сотворил – безпощадно порушу...*»).

Место. Что, Адам, сидишь ты против Рая Птицей обречённою в сетях? И, на место чудное взирая, Руки простираешь, как дитя («*Что, Адам, сидишь ты против Рая…*»).

Свет. Ни забот, ни печали, ни дум, И вокруг безобразия нет. По огни́стому снегу иду И вбираю в себя чудный свет («*Ни забот, ни печали, ни дум…*»).

Свеченье. Стою, гляжу на ч у д н о е свеченье Прилунного морозного столбца… Прекрасен мір! Зело добро творенье! Но что сказать о Красоте Творца? («*А мне зима всё более по нраву*...»).

ЧУДО

Чудо-Косово. Ч у д о-Косово. Райская цветь. Что сказать мне в своё оправданье? Жаждал песню заздравную спеть, Да душа в погребальном рыданьи! (*У поля Косова*).

Чудо-красота. Душа забыла оправданья, Приговорённою жила. А тут – лесов очарованье! <…> Да кто же руку подымает На Божью ч у д о-красоту! Нет, не случайны эти встречи, Благословен прозренья час! (*Лань*).

Чудо-облака. И всё вещает о Любви, Сходящей в тишине на землю. Душе́ моя! Благослови Того, Кто и тебя приемлет! Не нужно словеса искать: Чем может нищий поделиться? Смотри на ч у д о-облака И плачь – здесь некого стыдиться! (*Чудо-облака*).

ЧУЖОЙ, –ая, –ое, –ие

Глаз. Нет-нет, я не любитель куража, Что за потеха выставлять проказу? Напьётся скорби, оживёт душа, Оберегаясь от ч у ж о г о глаза («*Я к вам приду от северных земель*…»).

Десница. Плоть ликует. Дух уничижен, Суета перечеркнула Вечность. И страну десницею

чужой Волокут злорадно на увечья («*Сеем рожь, а косим лебеду*…»).

Край. В чужом краю душой не отогреться. О сердце, сердце, прошлым не живи! Когда б не Бог, зовущий всех нас в Детство, Кто выжил бы без смысла и Любви? (*Яблони детства*).

Обличье. Прелесть не скупится на причуды, Всё в чужом обличьи предстаёт. Если ж кто признал себя прельщённым, Тот обрёл свободу от неё («*Прелесть – уклонение от Правды*...»).

Обноски. И не чуя особых утрат, Мы таскаем чужие обноски, И в припадках заходимся в лад Жеребцам и кобылам с подмостков («*Дорогие мои, это всё!*..»).

Правды. С тех пор, как Бога позабыли, Народы шествуют во лжи. И люди Истину разбили На много правд – своих, чужих («*Блажен, кто Истину не продал*...»).

Сани. Но вот убитую лисицу Увидел на чужих санях. И что-то в міре изменилось, Как будто солнышко зашло. – За что её? Чем провинилась? – Давился горюшком без слов. И всё глядел на бедолагу (Большущий хвост, а кончик сед) И, может быть, впервые плакал, Узнав, что мір жестокосерд (*Лисичка*).

Терниии. А жатвы много. Делателей мало, Но кто же ты, стоящий у межи? Иль своего душа не принимала, Что ищешь зерна в терниях чужих? («*А жатвы много*…»).

ЧУЖДЫЙ, –ая, –ые

Воды. Я пойду, где стоят корабли, Поплыву просто так, в никуда. От прекрасной, но чуждой земли, По прекрасным и ч у ж д ы м водам («*Я пойду, где стоят корабли...*»).

Земля. (*Там же*).

Ш

ШЕРШАВЫЙ

Язык. Горит звезда над головою клёна. Луна повисла каплей над окном. Но утро – этот розовый телёнок – Её слизнёт ш е р ш а в ы м языком («*Горит звезда над головою клёна*…»).

ШТОРМОВОЙ, –ые

Потрясения. Господь попустит – кто избавит От потрясений ш т о р м о в ы х? Конечно, к стенке нас поставят. Не зря же мы возводим их… (*Перед бедой*).

Щ

❖ **ЩЕМЯЩЕ**

Искрили. Послушай подлунные звуки! Им только до завтра звенеть. Весенние свечи-сосульки, Не вам этот мір обогреть! Щемящее недолго искрили, Огнём неопальным горя. А всё ж красоту отразили, И, значит, являлись не зря! (*Ночью*).

ЮНЫЙ, –ое, –ые

Лета. Нам никуда от старости не деться,
Так для чего за молодость держаться?
А яблоня цветёт – не наглядеться!
А яблоня цветёт – не надышаться!
И что ей годы? В брачном облаченьи,
Играя светом, юных лет не просит… (*У старой яблони*).

Созданье. Прекрасно, если юное созданье
К наставникам попало не слепым.
А то бывает и непослушанье
Превыше послушанья таковым
(*Похвала непослушанию*).

Я

ЯЗЫЧЕСКИЙ, –ие

Племена. И вижу в окровавленной луне, Что от племён языческих сокрыто: Сгорит земля и все дела на ней, И небеса совьются, яко свиток («*И вижу в окровавленной луне...*»).

ЯСНЫЙ, –ая, –ое

Ночь. ○ ***Ясна.*** Ночь сегодня так ясна, Хоть ищи иголки. Ветер, полная луна, Звёздные осколки («*Ночь сегодня так ясна...*»).

Покой. Давно позабытые слёзы Размазали мір голубой, И вдруг я увидел, что звёзды, Как в детстве, галдят меж собой. И вмиг от того не осталось, Что прежде давило тоской. Луны вековая усталость Сменилась на ясный покой («*Луна обречённо скиталась…*»).

Солнце. Жду Тебя напрасно я И в метель и в дождь, Солнце моё Ясное, Скоро ль Ты взойдёшь? («*Жду Тебя напрасно я…*»).

О СТИХАХ ОТЦА РОМАНА

Стараюсь не вымучивать слово. Если что-то внутри зазвучало, сначала молюсь: «Господи, дай сказать то, что полезно людям, что не повредит ни им, ни мне». Потом крещу келью на все четыре стороны, чтобы никакая муза не явилась, никакой пегас не прискакал… Не дорожу тем, что, может, как поэт состоялся. Честь великая – принадлежать ко всем любящим Господа нашего Иисуса Христа христианам, невзирая на род и племя. Зачем делать из литературы культ? Хотелось написать то, что может коснуться сердца другого человека, чтобы человек по этим стихам, как по мостику, стал пробираться в сторону Храма Божьего. Направить кого-то к Храму – самая главная задача священника, монаха, мірянина, потому что только во Христе – Истина, Свет, Жизнь, Любовь, Премудрость и Блаженство…

Иеромонах Роман

ПРАВИЛЬНО РАССТАВЛЕННЫЕ УДАРЕНИЯ

Верный в малом и во многом верен, а неверный в малом неверен и во многом
Лк 16:10

«В духовной жизни не бывает мелочей», — часто говорит иеромонах Роман. А если нет мелочей в духовной жизни, значит, не может их быть и в творчестве – ведь оно зависит от нашего внутреннего состояния: *добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое, ибо от избытка сердца говорят уста* (Лк 6:45). Для самого отца Романа мелочей в творчестве действительно нет: работая над стихотворениями, он предельно внимателен к каждой строфе и строчке, к каждому слову, порой даже к букве и ударению. Эта забота о ясности и точности слова противоречит распространённому представлению о поэте, безоглядно работающем в «порыве вдохновения» и утверждающем, что «кто-то водит его пером». В то же время, внимание отца Романа к «мелочам» ничуть не вредит красоте и гармонии его произведений, не разрушает живущую в них тайну.

«Ищите во всём великого смысла» — говорили Оп-

тинские старцы. Попробуем рассмотреть несколько примеров языковых «мелочей» в стихотворениях иеромонаха Романа и попытаться понять их сокровенное, духовное значение.

Мір и мир

В поэзии иеромонаха Романа наряду с редкими, «устаревшими» словами встречаются элементы дореформенной орфографии, в том числе два варианта написания слова «мир»: мір и мир. Те, кто немного знаком с церковнославянским языком, знают, что «мір» и «мир» — это, по сути, два разных слова, почти противоположных по значению. До орфографической реформы 1917–1918 годов двойное написание слова «мир» было свойственно не только церковнославянскому, но и русскому языку.

Как пишет святитель Игнатий (Брянчанинов), в Священном Писании міром обычно называется та часть человечества, которая проводит жизнь во грехах, живёт «для времени, а не для вечности». *Царство Мое не от міра сего,* – говорит Спаситель (Ин 18:36). Принимая монашество, человек умирает для *міра сего* и посвящает жизнь тому, чтобы стать жителем «неотмірного» Царства Христова. Но мір находится не только вокруг нас: по словам преподобного Исаака Сирина, мір – это еще и общее имя для всех страстей. Чтобы умереть для міра, недостаточно просто уйти в монастырь: надо победить мір внутри себя самого.

Но если изменить всего лишь одну букву, «мір» превратится в «мир»: согласно словарю Даля, значе-

ние этого слова — «тишина, покой, спокойствие». Отрекшись от міра страстей, монах обретает мир, о котором Христос сказал: *Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мір дает, Я даю вам* (Ин 14:27), а святой Серафим Саровский учил: «Стяжи дух мирен, и тогда тысяча душ спасётся около тебя». Стяжание Духа Святого и есть, по словам преподобного Серафима, цель христианской жизни. А раз это цель жизни, значит, и добираются до неё всю жизнь. «Мы наполняемся благодатью по мере того, как освобождаемся от того, что дал нам мір», — говорит отец Роман. Это освобождение стоит больших трудов: мір так пропитывает человека, что становится его частью, и резать приходится по живому. Как сказано в Евангелии, *Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его* (Мф 11:12).

Если в языке два слова соединились в одно, значит, смысловая путаница произошла и в реальности. Для современного, светского, тугого на ухо человека естественно смешивать мір и мир, но в произведениях отца Романа каждое из этих слов знает свое место:

… Мой неведомый друг, неприкаянность міра земного
Уврачует навек постоянство Небес.
(2017)

Мир да снидет на всякого зверя!
Ничего просто так не сорви:
Всё живое Господь нам доверил,
Чтобы мы возрастали в любви…
(2006)

Будучи монахом, отец Роман понимает, насколько велика пропасть между двумя этими понятиями, и учит своих читателей быть внимательными к «мелочам». Да и разве можно назвать мелочью разницу между тьмой и светом, землей и Небом, грехом и благодатью?

Отказ от «я»

Приняв монашество, отказавшись от міра, иеромонах Роман хотел отказаться и от поэтических трудов («Царство Божье – для максималистов» — говорится в одном из его стихотворений). Но старец Николай Гурьянов благословил его продолжать литературную деятельность, не зарывать в землю талант. Поступив по слову старца, отец Роман стал исключительным поэтом: в истории русской литературы прежде не было монахов, создающих стихотворения подобного литературного уровня. Конечно, из истории христианства мы знаем имена монахов-поэтов, среди которых было немало святых, но их произведения – это молитвы и богослужебные тексты, которые звучат внутри церковных стен и почти недоступны для «внешних» слушателей.

В монашеском постриге отец Роман получил имя одного из таких святых поэтов – преподобного Романа Сладкопевца, жившего в VI столетии. Как говорится в житии преподобного, он не отличался ни слухом, ни голосом, и однажды был публично унижен своими недругами: во время патриаршей службы его вытолкнули на амвон и заставили петь. Вернувшись домой, пре-

подобный Роман долго молился перед иконой Богородицы. *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс 50:19), и святой был утешен: ему явилась Божия Матерь, подала свиток и велела съесть его. Исполнив повеление, преподобный получил прекрасный голос и поэтический дар; на другой день в храме он спел составленный им гимн «Дева днесь Пресущественнаго рождает…», за что получил имя Сладкопевца. Всего преподобный Роман написал более тысячи гимнов и молитв, которые и сегодня звучат в Церкви.

Служение иеромонаха Романа во многом схоже со служением преподобного Романа Сладкопевца, но путь его к этому был иным. Литературным и музыкальным даром отец Роман был наделён с детства и мог стать «профессиональным» певцом и поэтом. Но он решил посвятить свою жизнь Богу, а значит, избрал борьбу со своей самостью, с собственным «я». Эта борьба отражается в творчестве отца Романа и порой тоже проявляется в «мелочах»: в стихах, как и в жизни, он в прямом смысле старается зачёркивать своё «я». Говоря о себе, отец Роман старается обходиться без этого местоимения, а иногда вместо «я» использует «мы»:

… Смущает *мы*? *Я* — это только я,
А *мы* — кто говорит, внимая Зову,
И, воспевая радость бытия,
Не забывает Давшего нам слово.
(2003)

В этом «зачёркивании "я"» у отца Романа есть предшественники в церковной истории. Евангелисты, если

и упоминают по необходимости о себе, то только в третьем лице (евангелист Матфей пишет о себе как о *человеке, сидящем у сбора пошлин* (Мф 9:9); Иоанн о себе – как об *ученике, которого любил Иисус* (Ин 13:23)). Слово *Я* в Евангелии звучит только из уст Самого Спасителя. Зачёркивают своё «я» и иконописцы: они пишут образ в соответствии с каноном, а не с собственным ви́дением, чтобы отражать Горний мир, а не свои фантазии, и часто даже не подписывают икону. (По словам отца Романа, сначала он тоже не подписывал свои стихи и стал это делать только тогда, когда увидел, что к ним добавляют новые строчки.) О святой блаженной Ксении говорят, что она «стирала собственное "я"»: став юродивой ради Христа, она отказалась не только от разума, но и от имени, и отзывалась только на имя покойного мужа. Да и сам факт обретения нового имени в монашеском постриге говорит о необходимости «зачеркнуть» ветхое «я» со всеми его «сокровищами», приобретёнными в мірской жизни, и начать труд по воссозданию в себе образа Божия.

Насколько же такой уход от своей самости отличается от того, как относятся к «я» светские служители искусства! Для них собственное «я» — это основной материал, из которого они создают свои произведения. Они называют его индивидуальностью, оригинальностью, неповторимостью, хотя во многом это «я» — та самая совокупность страстей, тот самый мір, с которым борется духовный человек. Неудивительно, что произведения выдающихся светских авторов порой могут пробудить сильное чувство, поставить бо-

лезненный вопрос, но очень редко приводят читателя к Богу. Ведь для того, чтобы показать кому-то дорогу, нужно знать её самому:

Возможно ль раздавать, не получая?
Вопросы к вам, о пишущая рать!
Без Господа спасительней молчанье:
Чем может неимущий напитать?

Поглощены мудрёными строка́ми,
И міру, что всегда на Божье слеп,
Насущным хлебом предлагаем камень,
Забыв на вкус, каков он, Божий хлеб.
(2006)

С зачёркиванием собственного «я» связана еще одна особенность творчества иеромонаха Романа: в нем отсутствует вымысел – плод фантазии. Фантазия находится в области душевной деятельности человека, но отец Роман старается говорить не о душевном, а о духовном, стремится выразить Божье, а не своё. Мы привыкли к тому, что вымысел естественен не только в беллетристике, но и в лирике, однако принцип отца Романа иной: «не надо ничего придумывать», «главное – не сфальшивить». Читатель, привыкший к вымыслу, пытается подойти с этой меркой и к Евангелию, но в нём нет ни капли художественной лжи. «Евангелисты, когда писали, не думали о красоте слова, — говорит отец Роман. — Они думали, как сказать правду, поэтому Евангелие так просто написано». Нет вымысла в текстах святых отцов: если преподобный

Андрей Критский говорит в покаянном каноне «Согреших паче всех человек» — то это не значит, что он «входит в образ» грешника. Это значит, что он видит себя грешником и исповедует это перед нами. То же в поэзии иеромонаха Романа: все истории, лежащие в основе его сюжетных стихотворений, рассказанных от первого лица, произошли на самом деле, все чувства и размышления переданы предельно правдиво. Ведь отец Роман в первую очередь монах и пастырь, его творчество – проповедь, а цель проповеди – не развлекать слушателей искусным вымыслом, а помочь им найти Правду.

Прописные буквы

Слово *Правда* в трудах святых отцов – одно из имён Божиих, поэтому в стихотворениях отца Романа оно бывает написано с прописной буквы:

Красота — это Жизнь, Чистота, Свет и Правда!
Красота — это Путь над обильем дорог.
Это Воздух душе, и Любовь, и Премудрость, и Радость.
Это Всё надо всем, Красота — это Бог!
(2003)

Красота, Жизнь, Чистота, Свет, Путь, Любовь – это тоже Божии имена, и выбор прописной буквы при их написании далеко не «мелочь». В церковнославянском языке есть титлы – надстрочные знаки, говорящие о том, что написанные под ними слова обозначают священные понятия. В поэзии иеромонаха Романа

их заменяют «большие» буквы: если в его стихах слово «не по правилам» написано с прописной, значит, оно свято. Читатель, знающий эту особенность творчества отца Романа, увидит более глубокий смысл во многих его стихотворениях — например, в этом:

Забелила метель и дороги, и стылые кущи,
В лунном свете печаль – красота Красоте не чета.
И напрасно заснеженный сад так похож на цветущий:
И цветенье, и снег – всё пройдёт без следа…
(2017)

Согласно православному вероучению, в собственном смысле Красотой является Бог. Поэтому тот, кто тоскует о Боге, никогда не насытится земной красотой: она, по словам отца Романа, только прообраз той Красоты, которую Господь хочет нам дать в Царствии Небесном. Тема красоты земной и Красоты Небесной звучит во многих созерцательных стихотворениях иеромонаха Романа.

И ещё одна из любимых тем иеромонаха Романа – это Чистота, символом которой во многих его стихотворениях является снег. Как осенняя земля ожидает первого снега, так и человеческая душа страдает, освобождаясь от греховного прошлого и ожидая явления Чистоты:

Не случайно природа страдает —
У дорог догорают кусты.
О земля! Что тебе не хватает?
Чистоты… чистоты… чистоты.

Каждый плачет, когда потеряет,
Поминая былые мечты…
О душа! Что тебе не хватает?
Чистоты! Чистоты! Чистоты!
(2002)

«Безгласный знак»

В 2018 году иеромонах Роман написал стихотворение, в котором наделил бесконечно важным значением даже такую «мелочь», как ударения. При первом прочтении эпиграф к нему кажется явным преувеличением: «Несут нам ударенья // Погибель иль спасенье».

Но обратимся к самому стихотворению:

Ударенья

Что *мама любит Машу,*
Букварь нас научил.
Мелькнуло детство наше,
Как звёздочка в ночи.

Учителю внимали
(Попробуй, прогневи!),
Все дети понимали
Глаголы о любви.

Заменим ударенья,
Внимания прошу!
Услышим с удивленьем:
— *Мама́ люби́т Машу́.*

Что за *мама́* такая?
И что за чушь — *люби́т*?
Что за *Маша́* — не знаю!
Ужель букварь чудит?

К словесному глумленью
Привёл безгласный знак?
Не мы ли ударенья
Расставили не так?

Порядок тот же самый,
Но где же смысл былой?
Случилось что-то с мамой
Иль с нашей головой?

Детишки понимают,
Ума не приложу!
А взрослые читают:
— *Мама́ люби́т Машу́.*

Коверкают, как могут,
Купаются во лжи
И обвиняют Бога:
— *За что такая жизнь!*

Господь виновен? Странно!
Один источник бед,
Что в жизни Богоданной
Для Бога места нет.

Дар оказался грузом
По собственной вине.
Доколе быть французом
На Руской стороне?

Сменили ударенья —
Разладились дела,
И жизнь в одно мгновенье
Вам стала не мила.

И солнышко погасло,
И горя не избыть,
И никому не ясно,
Зачем на свете жить?

Исправьте искаженья
Лазурно-чистых слов.
Жизнь — Божье предложенье,
Где царствует Любовь.

Всеослепленье губит.
Гряди, прозренья час!
Да узрим, как нас любит
Всемилостивый Спас.

Но светопреставленья
Ждут веси-города.
Расставьте ударенья,
Не то сметёт беда!

Такая тьма нависла,
В душе оборвало́сь!
Коль ни любви, ни смысла —
В огне земная ось.

Несчастнейшие люди,
Не обвиняйте слог.
Пусть в вашей жизни будет
На первом месте Бог!

Чтоб отошла усталость,
Разгладилось чело,
Чтоб легче задышалось
И солнышко взошло.

«Ударения» в нашей жизни расставлены неверно, когда в ней нет Бога – или Он находится не «на первом месте», является для нас лишь штрихом на яркой, «многополярной» картине міра. Но ведь наибольшая заповедь — это *возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим* (Мф 22:37), то есть сделай Его целью, смыслом всей жизни. Если человек не отличает в своем бытии главного от второстепенного, жизнь его не состоится – как не сложится без основной темы литературное произведение, фильм или картина.

Неслучайно человека созидающего называют творцом – это уподобляет его Богу, Творцу неба и земли. А в греческом языке русскому слову *Творец* соответствует слово *Поэт*. Если человек творит в Боге (поэму, икону или собственную жизнь), то он становится со-творцом Всевышнего. Если же Бог для него – не главное или Его просто нет в жизни «творца», то сотворённое, каким бы прекрасным ни казалось, становится бессмысленным и душепагубным.

«Мы все пишем величайшую поэму своей жизни, — сказал отец Роман в одном интервью. — Жизнь каждого человека — его самое правдивое произведение, даже если по жизни он прошел закоренелым обманщиком».

В этой величайшей поэме жизни не могут быть

мелочью ни ударение, ни буква, ни слово, ни тем более Слово, написанное с прописной буквы. Вспомните Евангелие от Иоанна: *В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог* (Ин 1:1). Бог был в начале, в основании всего, и остаётся Началом и Основанием — краеугольным камнем, на котором держится мир. Только в Боге можно найти смысл жизни, только в Нем обрящет покой человеческая душа. Именно об этом нам много лет говорит иеромонах Роман – прекрасными стихами и песнопениями, в которых нет мелочей, всею своею жизнью с правильно расставленными ударениями.

Ольга Надпорожская,
редактор сайта «Ветрово» и многих
стихотворных сборников о. Романа

ЗДЕСЬ АКТУАЛЬНО И СЕЙЧАС

О стихотворениях иеромонаха Романа (Матюшина-Правдина)

Приступая к попытке выразить мысли, возникающие при чтении стихотворений иеромонаха Романа, хочу привести напутственные слова, сказанные архимандритом Иоанном (Крестьянкиным):«*К писателям. Прежде чем браться за перо, надо ответить себе самому на множество вопросов. А надо ли? А своевременно ли? А могу ли я? И есть ли мне что сказать? Не принесу ли я вреда моим несовершенным ещё в православии сознанием? Если писать истинно, по-Божии, надо иметь "ум Бога зряй". Наша ли это мера, достигли ли мы этих высот, когда безошибочно в Духе Святом сможем воздействовать и на своих, и на чужих?*».

Вот так, очень просто и совсем неназидательно, по-моему, обозначены критерии писательства вообще. Конечно, следует понимать: одно дело, когда человек пишет для себя, не публично, другое дело, когда сознательно обращается к тому или иному кругу читателей. Разумеется, я сейчас вообще категорически не говорю о пишущих и активно публикующих свою «писательскую продукцию» лишь ради денежного вознаграждения – забудем о них.

Сразу скажу, что те стихотворения иеромонаха

Романа, которые я прочитал (понимаю, что это лишь малая толика), мне искренне нравятся и душевно воспринимаются. Они – разные (спокойные размышления или жёсткие, с болью, проповеди, грустное сетованье или возвышенное слово о путях спасения), но всегда честные, безукоризненные по мысли и воплощению в поэтической форме. Есть ли мне что-то сказать своё об этих стихах? Посмотрим…

Хорошо перед иконой
Молча постоять,
Без молитвы и поклонов
Вечному внимать[*].

Принимая это пожелание, постоял перед домашней иконой св. Николая Угодника, приводя в порядок мысли. Спокойный и проникающий внутрь взгляд святого очень помогает. А ведь точно, даже не зная лично автора читаемых сегодня стихов, не встретившись никогда с иеромонахом Романом, только по стихам его – чувствуешь широчайший масштаб незаурядной личности: что тут ещё можно сказать… Практически всё, что он высказал в стихотворной форме (причём, безукоризненно, если оценивать такие вещи, как рифмы, ритмы, построение стиха и т.д. – более к этому я не буду возвращаться…), на мой взгляд, современно, злободневно и полезно для прочтения каждого русского человека, православного человека. Мало того, эти стихи направлены в будущее, что и ценно.

[*] Здесь и далее неподписанные цитаты, набранные курсивом, взяты из стихотворений иеромонаха Романа.

Не стану утверждать, что абсолютно все слова автора безошибочны в том смысле, в котором об этом говорит архимандрит Иоанн, но это не является предметом моих дальнейших рассуждений, потому что каждое «почему так?» требует присутствие ответной стороны, коей рядом нет, и, скорее всего, не предвидится. Хоть и проживаем мы с иеромонахом Романом (позвольте, далее я буду называть его – автор) на территории одной и той же Псковской области (он в скиту Ветрово, я во Пскове), а встреча всё же маловероятна. Кто из нас, грешных, свободен от ошибочных, не нужных, может быть, скоропалительных слов? Никто. Автор подтвердит:

Что пользы суесловить о святом,
Когда душа во тьме грехополосиц?

Узнал, что мы с автором ровесники, мне исполнилось в апреле 65, а ему скоро 65. Что ж, значит, можно мысленно общаться, зная, что хоть и по-разному, но видели одни и те же события, находясь в одинаковом возрасте, следовательно, могли оценивать с примерно одинаковых вершин (может, и кочек, горушек…).

А ф о р и с т и ч н о с т ь. Да-да, потрясающая афористичность автора, что сразу бросается в глаза после прочтения даже всего нескольких стихов. Кто-то скажет, что, мол, многие другие авторы тоже сыплют афоризмами в своих произведениях, что в этом такого. Да вот, знаете ли, из наших современников (тех, кого я читал и слышал, разумеется) очень и очень немногие, если не сказать «почти никто». Мне лично в этом

смысле вспоминается лишь Владимир Андреевич Костров. Надеюсь, не надо его представлять…

Афоризмы автора меня захватили и заставили ещё и ещё читать и находить их: яркие, мудрые, выстраданные, которые не надо объяснять, не надо выдумывать другие смыслы. Нет никакого резона их как-то комментировать, они закончены и понятны. С ними соглашаешься и всё, принимаешь за истину. Слава Богу.

Всё нужное поведано не нами,
А мы обречены на пересказ…
***
Людских пороков не искоренить,
Ничтожество всегда стремится к власти...
***
Какая жизнь, такие и пророки…
***
Не всякая обитель – Божий дом,
Не всякий черноризец – Богоносец.
***
Отшельникам желанна тишина.
***
А кто есть Личность? Думается, тот,
Кто с глубиною собственною дружит…
***
И топим многословием дела.
***
Мы с жизнью в состоянии войны…
***
Родство по добродетели
Честней родства по крови.

***
Не всё добро, что око просит.
***
Любая ноша хороша,
Когда она от Бога.
***
Шагами вширь тупик не обогнуть,
Дорога ввысь – она даёт свободу.
***
И никаких достоинств не найдут,
Вот разве то, что Родину любил.
***
Покуда на грядущее глядим,
Обходит настоящее сторонкой.
***
Как любим выставляться напоказ,
Своё добро зачеркивая разом!
***
Как много тех, кто встретился с собой,
Как мало тех, кто победил себя!
***
Земля и та пред белым одеяньем
Осенней омывается водою.

Наставления. Вот – именно то, что устремляет стихи автора в будущее. Ладно, мы, уже пожившие, повидавшие, что-то понявшие в жизни. Но та молодёжь, к которой в своих письмах обращается архимандрит Иоанн: «*Детка, твой внутренний человек ещё не начал своего духовного восхождения. И потому ты мечешься, падаешь и, не успев встать, опять готов упасть. Нет*

стержня. А стержень – это христианское мировоззрение, которое связывает в нас грех»

Вот и у автора в его стихах читаю такие слова, которые, как расставленные опоры на тропе через болото, держась за которые, молодой человек получает шанс пройти это болото. С ними он выберется на твёрдую землю, сулящую спасение от возможных грехов, радость полноценной жизни как его самого, так и окружающих его людей. Каждое из приведённых наставлений – это законченный стих: в одну или две строки… Но как же сильно они отличаются от тех пошловатых одностиший «раскрученных» борзописцев.

Гляди в лазурь и не роднись с толпою.
***
Сан, как известно, не спасает.
***
Нет ничего под солнцем Правды краше.
***
Имеешь слово? Не испачкай ложью.
***
Глас Божий слышится в народе,
Когда он слышит Божий глас.
***
А мудрость в том, чтоб молча принимать
Поставленную Чашу пред собою.
***
От горечи лица не покриви,
От сладости не потеряй трезвенья.
***
Саможаление страшит
Несносною обузой…

***
Не осуждай, что кто-то не помог...
***
Души не пачкают лестью
Истинные сыновья.
Если Росія в безчестьи –
Что там известность твоя!
***
За всё хвататься – от себя бежать,
Всем заниматься – тешиться обманом
***
Зачем вверять случайности свой путь
И отвергать надёжность Небосвода?
***
А нам понять бы навсегда,
Чтоб не жалеть о многом:
На свете есть одна беда –
Не повстречаться с Богом.
***
Любая ноша хороша,
Когда она от Бога.
***
Зажги свечу, пока не грянул гром,
Пока дитя в восторге тянет руки…
***
И ты закройся ненамного,
Пустые думы отгони,
Побудь ребенком перед Богом….
***
Бог с тобой – не тебе сомневаться,
Бог с тобой – не тебе унывать.

Боль. Жёсткость. Стихи автора пронизывает порой ноющая, а то и совершенно нестерпимая боль. И тогда слова становятся твердыми, жёсткими, не признающими колебаний. Мне понятно состояние, когда автор по-другому не может говорить. Ведь не на пустом месте эти слова возникают, не от злопыхательства или язвительности, а от настоящего страдания, когда всё видящий, совестливый человек переживает боль острую, на себя перенесённую.

В связи с этими мыслями у меня перед глазами возникает небольшая книга со стихотворениями Игоря Николаевича Григорьева, которая так и называется – «Боль» (Санкт-Петербург, издательство «Путь», 1995 г.). И вот что пишет в 2015 году об этой книге Андреев Анатолий Николаевич, доктор филологических наук, профессор, писатель (Минск, Беларусь). Я привожу цитаты из его статьи практически полностью, потому что в них ничего «ни добавить, ни убавить».

«Невозможно сказать про стихи: по чувству – боль. Ибо боль – больше, чем чувство, как любовь, например. Это уже отношение, в котором мироощущение прорастает в мировоззрение...

Вначале русский поэт Игорь Григорьев показался мне простым, ясным, понятным, не темным. Вот самое первое стихотворение из этой книги, "Зима 1993":

Заплакали березы:
– Зима нас подвела
Крещенские морозы –
Три градуса тепла.

Заледенело сердце:
В ретивом перебой –
Любовью не согреться.
– Россия, что с тобой?

В первых строчках боль, холод возникает из горьких мыслей о своей стране.

Читая Григорьева, все более и более отчетливо ощущаешь: это не то плетение словес, на которое горазд был серебряный век русской поэзии, плетение, узорами своими скрывающее темные мысли или их как бы весомое отсутствие. Там точка отсчета – слова, здесь – ощущения, в основе своей простые, здоровые, народные...

Человек как существо вселенское – это очень русская история (достаточно вспомнить великий лермонтовский шедевр «Выхожу один я на дорогу»). И спасается человек на продуваемом «семиветровыми» штормами пересечении космических трасс только любовью.

Причем здесь, казалось бы, боль? Болеть в стихах Григорьева означает переживать по тому дивному поводу, что между ценностями жизни и самой жизнью существует фатальный зазор. Жизнь несовместима с идеалами – но без них она перестает быть жизнью. Такая боль – весьма культурное чувство, свойственное личности. Собственно, боль и делает человека личностью. Или по-другому: ничто, кроме боли, не делает его личностью...

Стремиться к личностному, высокому началу в человеке – вот что значит в его книге – болеть лирикой. По чувству она – боль».

Мне остаётся только сказать, что поэт Игорь Григорьев был искренне верующим человеком (это – в те сложные времена, вплоть до его кончины 16 января 1996 года). У иеромонаха Романа, конечно, боль в стихах проявляется по-своему, но ведь как она схожа с болью Григорьева! А высказывания А. Н. Андреева, для меня по крайней мере, мысленно перекликаются со многими стихами автора.

Но мір любуется собою,
Болотится в делах своих.
***
А человек – известный лицедей,
Какую только маску не напялит!
***
В наш век, когда кругом нечистота,
Скотов словесных – аж до неприличья.
***
Не превращайся в постоялый двор.
Среди скота не видывали лилий…
***
Пора лавин. Колеблются основы,
Стираёт все нечистота и ложь.
***
Поверженная срамословьем
Страна в отчаяньи лежит.
***
Иудина болезнь уже не в стыд:
В любой игре – рога тельца златого.
***
Иль есть другое ограбленье,
Страшнее ограбленья душ?

***
Но сильнее гнетёт состоянье –
Нищета и никчёмность души.
***
Сдувают пыль с наследников своих,
Растят пустых, никчёмных и несчастных.
***
Нам покаянье явно не грозит…
***
Не доросли до древней высоты…
***
Жизнь проели, пропили, проспали,
Ни постов, ни молитвы – ни зги.
...Если б нас каждый день убивали,
Мы б и кровью не смыли долги.
***
Жизнь человека и гроша не стоит,
Зато из прав божка соорудили…
***
Где упадают звёзды на снега,
Чета берёез искрится у колодца,
Синица причитает по слогам,
Что рускій дух вот-вот переведёется.
***
И зачеркнули деревушку,
Как общерускую судьбу.

Мягкость и восторг. Но кто может сказать, что в стихах автора не отыщется солнце? Так ведь каждый нормальный человек устроен, что при всех болях и переживаниях он стремится надышаться свежим воздухом весны, вспомнить самые лучший странички своей

жизни, ощутить ласковость природы. Для истинного христианина это естественно и ожидаемо. У автора к тому же стихи освещаются любовью к Богу. А через Бога – восторженной любовью к каждому божиему созданию: от царственного леса до маленькой речушки с её собственной бирюзой, от малого ребёнка до множества людей, лица которых светятся простодушием и добротой.

Не день, а сказка! Солнце и лазурь!
Блистанье снега непосильно оку!
В засеребрённом царственном лесу
Всё светится поэзией высокой.
***
Христианин! Какое слово!
В нём Имя Божие звучит…
***
И радуга раскинулась покровом
Над нашей Богородичной землей.
***
Не наглядеться и не надышаться
И видами, и воздухом родным.
***
Кто-то и тебя помянет
В дни родительских суббот.
***
Где вы, чистые малые годы,
Родниковый далёкий исток?
***
У истока цветут незабудки,
Слышен детский восторженный гам.

***
Жалко только лазурь незабудок
Да с корабликами детвору.
***
Запахи яблок антоновых,
Ладный над кручею дом,
Виды с горы Капитоновой –
Всё это в сердце моем.
***
Тихое это моленье,
Лампу, трескучий мороз,
В окнах узоров искренье –
Вот что из детства донёс.
***
Как я любил, ещё ребёнком,
Смотреть на вольность вешних вод,
На одинокую лодчонку,
На благодатный небосвод.
***
О лица руской доброты!
Вы и сегодня пред глазами.
***
Нет, и малых речушек никто никогда не охает,
И они отражают, у каждой своя бирюза.

Сомнения. А какой хороший поэт не подвержен сомнениям? Не обязательно, конечно, поэт, просто думающий человек. Автор как раз из таких людей, и своей поэзии он в первую очередь доверяет свои же сомнения поводам собственной жизни, и бытия вообще. Всё это ещё преломляется в его неординарном ми-

ровоззрении. Вероятно, отрешённое обитание в одиноком скиту наедине со своими мыслями и природой вокруг, также имеет большое значение.

Ветра, ветра! Куда вы поскакали?
Тревожный гул идёт от дубняка…

***

Ветра несут душе тревогу,
Как предвозвестники Суда.

***

Пишу стихи, отыскивая слово
В устах пророка или ямщика...

***

Что-то пытаюсь, и всё же
Сердце ничем не пробить.

***

Жаждал песню заздравную спеть,
Да душа в погребальном рыданьи!

***

Среди духовных та же лебеда:
Архиерей своим пасомым тычет…

***

Сердцу без радости тесно
Под истомленной луной.

***

Судьбы своей не излукавить,
Призвания не зачеркнуть…

…А вывод-то сомнениям вот каков. Очень простой: на всё воля Божья.

Совестливость. Почему я поставил это в заключительную часть моих размышлений о стихах иеромонаха Романа? Ведь на самом деле совестливость, на мой взгляд, должна быть наипервейшей ипостасью человека, и писать об том надо в первую очередь… Мне кажется, что в стихах автора его христианская совесть, совесть настоящего русского человека, является полновластным «действующим лицом», хотя напрямую автор не часто об этом говорит, он просто не «*топит многословием дела*».

Мы все должны быть совестью Росіи.
Что странного? Росія – это мы!

***

Зов совести всё глуше, глуше,
Забыты напрочь Небеса.
Кто нынче борется за души? –
Идёт борьба за голоса.

***

Полыни горче слово – сирота.
Душа щемит, а сердце забывает,
Что не был сиротою никогда –
Видать, чужою раною кровавит.

Вот теперь итог моих размышлений-рассуждений, каковы стихи автора:

Безукоризненно и хлёстко,
И поучительно, и жёстко,
Исповедально, без прикрас,
Здесь актуально и сейчас.

О стихах отца Романа

И всё же отдаю автору, замечательному русскому поэту иеромонаху Роману, возможность самому сказать заключительные слова:

Вершины, превращённые в помост,
Показывают новые вершины.

Владимир Савинов

Псков, 2017 г.

«СВЕТЛОЕ ОСТАНЕТСЯ СО МНОЙ...»

Одинок, потерян человек в нынешнее тревожное, напряженное время. Что ищет его уставшая душа, почти во всем разуверившаяся, давно забывшая о прекрасном? А оно, несмотря ни на что, все-таки не уходит из нашей жизни, ведь чудо порой совсем рядом. Подобные чудеса и творит настоящая поэзия.

Если тебя неудача постигла,
Если не в силах развеять тоску,
Осенью мягкой, осенью тихой
Выйди скорей к моему роднику… –

зовут нас проникновенные строки стихов отца Романа, и душа вдруг открывается любви и свету, она выходит навстречу радости, навстречу добру, выходит к людям, и ты уже не одинок, зная, что «*этот забытый край / Русь нам оставила*».

В творчестве этого удивительного автора чувствуется прежде всего народная почва, и он сам, будучи человеком воцерковленным, продолжает в своей поэзии христианские православные традиции, присущие русской классике. Неслучайно многие его стихи звучат как молитва, обращаясь к непреходящим истинам, к сокровенным духовным истокам:

Пожалей, дорогой, пожалей
Всё кругом до последней былинки.
Мудрость Божия здесь на земле
Познается не только в великом.

Сакральное, философский поиск идеала отец Роман связывает с глубоко личными переживаниями, поражая откровенностью и обнаженной правдой, что дается далеко не каждому. «Одна есть Правда – Правда свыше… / И обретает тот, кто ищет…» – пишет он лаконично, ясно и просто. Так писали все талантливые творцы. Золотая нить, обрамляющая его поэзию, – лирика, струящаяся чистым и благословенным русским словом. В произведениях автора есть сопоставления с яркими, насыщенными образами, в чем-то напоминающие метафоричные образы Васильева, слышны и мотивы Рубцова, пропитанные грустью о былом, и проступают есенинские тихие ноты, наполненные трепетной нежностью.

Прощай, прощай! Приемлю наставленье:
Все принимать, за всё благодарить,
И у межи последнего мгновенья
Вослед глядящим Красоту дарить, –

свободно льется его благородная строка, не отягощенная бременем бытия, строка, вселяющая вечную надежду и веру.

Главное знать, для чего стоит жить на земле, что хранить в сердце своем, как это точно знает отец Роман, излишне не мудрствуя и не лукавя:

Не ради благ, всеобщего почёта
Мои слова стремились из груди.
И если я когда грустил о чём-то,
То ясно, что о Родине грустил…

Людмила Воробьева,
литературный критик,
член Союза писателей Беларуси

ПОЭЗИЯ ИЛИ МОЛИТВА?

Лучшая поэзия – молчание,
Лучшее молчание – моление.
Иеромонах Роман

– Что у нас, стихи или проза? – эти слова вывели меня из оцепенения. И всё же я продолжала сомневаться в реальности происходящего и не исключала, что это может оказаться всего лишь сном. Да и мыслимо ли? Этот невысокий подвижный священник – отец Роман! В глазах – спокойствие и свет. В голосе – твёрдость. И необыкновенная умиротворённость ощущается рядом с ним. Я пыталась собраться с мыслями. Казалось, что-то очень важное в моей жизни теперь зависит от того, насколько ясно и правильно я смогу изложить свои мысли.

– У меня стихи, – едва слышно сказала я и протянула тетрадку. Отец Роман пробежал глазами по столбцам и прочёл вслух:

До чего печальна эта встреча!
Отдалить бы миг, но в суете
Я зачем-то погасила свечи
И ждала чего-то в темноте…

– Начало неплохое. Хотелось бы, чтоб и остальная

часть стихотворения была выдержана на том же уровне… А у нас что получается? Нет дальше рифмы… «Стайка» и «каркать» – не может быть рифмой… Да и как понимать, что значит «каркать»?

– Накликать беду, – оправдывалась я.

– Ну, тогда следует писать «накликать», а «каркать» – не литературно… Я рассматриваю эти стихи как читатель. Не хватает ясности. Многое из того, что понятно автору, читателю будет непонятно... И что же у нас дальше:

Тёмная ночь за закрытыми шторами,
Время пронизано сумрачной мглой.
Тихо беседуя с серой бессонницей,
Плакала грусть, завладевшая мной…

С новою свежестью, с новою лёгкостью
Ветер волнение ночи принёс. –
Просто теперь я сама стала осенью
С бледным лицом от безрадостных слёз.

– Так, «сумрачной мглой» – это то же самое, что «мокрой водой». А рифмы у нас и близко нет…

Я была в крайнем замешательстве и немало удивлена. Настроилась услышать прежде всего о духовном аспекте моих стихотворений, а вместо того… что? Какие-то рифмы, ритм, метафоры… И это из уст священника, монаха?! Да, правда, ещё и филолога, литератора, поэта… И поэта, осознающего всю полноту ответственности за каждое сказанное и тем более написанное слово. Да и можно ли быть небрежным в словах? Ведь и Вселенная сотворена Словом, «и Слово

было Бог» (Ин 1:1). И что самое главное, особенно для стремящихся на литературное поприще, – «от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься» (Мф 12:37).

Словно угадав мои мысли, отец Роман спросил:

– На улице лето, а у поэтессы всё мрачно… В девятнадцать лет… Почему? Откуда эта боль? Почему – осень? Состояние души… Да ведь и сам я осенний… И в девятнадцать лет был невесёлым, но тогда я не причащался… Писал стихи, прозу. Проза у меня даже была сильнее. В то время я хотел опубликовать написанное, отнёс в редакцию, но там соглашались печатать лишь в том случае, если будут добавлены стихи о партии… Никогда не был партийным… Перед уходом в монастырь почти всё написанное уничтожил… Поэзия – это мир падших ангелов. Очень трудно бывает разобраться, чем навеяно, откуда исходит то или иное… Поэзия не успокоит боль. Тяжёлое душевное состояние, отражённое в стихах, с удвоенной силой обрушивается на самого автора да и на головы несчастных читателей. Там, где начинается молитва – там заканчивается поэзия. Молитва выше всякой поэзии… Есть ли в Полоцке какое-нибудь литературное объединение? Может быть, сходить туда… Хотя, наверное, пока не стоит… Но следить за рифмами необходимо!

Отец Роман снова стал перелистывать мою тетрадку и вскоре прочёл следующее:

О монастырь, мне близок твой покой,
Звон колокольный, рвущийся в просторы…
Мне бы упасть, сроднившейся с землёй,
И навсегда застыть в земном поклоне.

Но знаю, что мертвы одни слова…
Мне ль говорить о безупречной жизни?!
Лишь только паперть будет ждать меня
И кротко, как всегда, с любовью примет…

– Вот здесь снова непонятно, – заметил отец Роман, – почему паперть? Принимает Господь. Как бы не было тут подмены… Ищем особого положения, считая себя одарёнными Духом Божиим, а нам бы со своим духом разобраться… Встречал я поэтов, гордо спорящих друг с другом, убеждённых, что более значимый из них тот, у кого вышло больше сборников стихов… Я не считаю себя поэтом. Пусть я стану огарком свечи, но я буду гореть пред Богом…

Ольга Ненарадова

г. Полоцк

СВЕТЛЫЙ ВОИН

В один из трудных периодов моей жизни творчество иеромонаха Романа помогло мне, вытащило, словно утопающего, со дна на поверхность – и дало глоток чистого воздуха. Кажется, я тогда бесконечно слушала его «Родник» в исполнении Жанны Бичевской, песню «Нас куда-то несет в непроглядную темь» и еще одну: «Радость моя, наступает пора покаянная…». Потом купила почти все диски с записями песен в исполнении самого автора. И слушала, как слушают собственную душу, и переосмысливала поступки, и приходила в себя, и набиралась силы…

На собственном опыте знаю (слезами доказано и подступающим к горлу горьким комом), что песни и стихи иеромонаха Романа – это голос совести, зов праведной души, стремящейся к истине. Его поэзия соединена с Богом, слита с молитвами, освящена библейскими образами, породнена с церковнославянским языком. Монах-поэт, живущий в уединении, удивительно чувствует время и всё, что происходит с нами. С Божьей помощью ему открывается высшая правда (неспроста его фамилия Матюшин-Правдин). Он пишет убедительно, словно констатирует факт: «*Без Бога нация – толпа, / Объединенная пороком, / Или слепа, или глупа, / Иль, что ещё страшней, – жестока…*», а

потом словно выводит формулу жизни: «*А нам вобрать бы навсегда, / Чтоб не жалеть о многом: / На свете есть одна беда – / Не повстречаться с Богом*». Его слова имеют потрясающее воздействие на чуткие души людские, потому что эти слова наполнены неземной силой, высшим смыслом и даны, как откровение. Этот человек – светлый воин Христа; маяк, указывающий людям верный путь в жизни и творчестве. В том, что земля еще вертится, есть и его большая заслуга.

Валентина Поликанина,
член Союза писателей Беларуси, Союза российских писателей и Международной федерации русскоязычных писателей, лауреат республиканских и международных литературных премий

Содержание

Иеромонах Роман
Мир вам! 5

Словарь 17
От составителя 18
Условные обозначения 20
А – Я 21

О стихах отца Романа 225

Ольга Надпорожская
Правильно расставленные ударения 227
Владимир Савинов
Здесь актуально и сейчас 241
Людмила Воробьева
«Светлое останется со мной…» 257
Ольга Ненарадова
Поэзия или молитва? 260
Валентина Поликанина
Светлый воин 264

Анатолий Павлович Бесперстых

Эпитеты
из поэзии иеромонаха Романа
Словарь

Издание подготовил М. Е. Устинов

Гарнитура Book Antiqua. Печать офсетная. Печ. л. 8,75
Формат 60×84/32. Тираж 300 экз. Заказ № 343

Отпечатано в типографии «Политехника-сервис»
с оригинал-макета заказчика
190005, Санкт-Петербург,
Измайловский пр., 18-д

ISBN 978-5-907223-29-5